в помощь району

статьи • материалы

кризис капитализма угроза новых войн и интервенции

партиздат • 1932

В ПОМОЩЬ РАЙОНУ

Кризис капитализма, угроза новых войн и интервенции

Статьи • материалы

РЕЧЬ т. В. М. МОЛОТОВА на пленуме ЦС Осоавиахима 3 апреля 1932

«Известия» от 5 апреля 1932 г.

В капиталистических странах продолжает свирепствовать экономический кризис. Почти три года тому назад начался этот кризис. С тех пор он продолжает все углубляться. Капиталистические страны, которые позже вступили в полосу кризиса, теперь усиленно догоняют другие страны, в которых экономический кризис начался раньше. В связи с этим противоречия внутри капиталистических стран и между ними обостряются. В поисках выхода из кризиса господствующие группы капиталистических стран все больше склоняются на путь внешних авантюр, на путь империалистических войн. Нельзя не видеть фактов, свидетельствующих о том, что в теперешних условиях войны начинаются и ведутся и без официального их объявления. Лихорадочная работа военной промышленности в капиталистических странах, растущий в связи с этим ажиотаж вокруг возможных жирных прибылей разжигает аппетиты и толкает к военным авантюрам господствующие капиталистические клики. Господа капиталисты не имеют и не могут иметь плана хозяйственного развития. При всем развитии монополий капитализм не может преодолеть анархичности, беспорядочности и бесплановости в своем хозяйстве. Об этом красноречиво говорит теперешний кризис. Но в одном отношении правительства капиталистических стран усиленно создают свои планы. В подготовке и выработке планов войн вожди буржуазных классов были всегда активны. Мы хорошо знаем, что и теперь в министерских кабинетах некоторых буржуазных правительств разрабатываются планы новых империалистических войн, причем не упускается из виду и нападение на СССР. От нашей бдительности, от нашей готовности к защите страны многое зависит. Твердо проводя политику мира, мы должны проявить сейчас должную бдительность и энергию в отношении подготовки защиты СССР.

Тот факт, что планы подготовки новых империалистических войн делаются все более открытыми, оживляет некоторых авантюристов из лагеря белогвардейщины. В связи с событиями на Дальнем Востоке в среде белогвардейцев идет усиленная возня вокруг планов отрыва от Советского союза дальневосточного Приморья и создания из этого Приморья белогвардейского «буферного» государства для борьбы против СССР при поддержке иностранных империалистов. Авантюристы из белогвардейской эмигрантщины разбились уже на два бо-

[1] Дается в сокращенном виде.

рющихся лагеря. Лагерь оголтелых авантюристов, вроде писак из парижского «Возрождения», потерял голову и готов на любые авантюры против СССР, на откровенную службу любому иностранному капиталу—только бы развязать себе руки в нападении на СССР. Эти господа при всех условиях готовы за счет своей прежней родины за деньги империалистов и при поддержке иностранных штыков броситься в военные авантюры против СССР. Другой лагерь белогвардейцев, уже теперь сознающий всю безнадежность этой авантюры— авантюры отрыва от СССР дальневосточного Приморья для восстановления господства помещиков и капиталистов из белогвардейцев, выступает против этих планов. Наученный горьким опытом Милюков откровенно высказался насчет безнадежности авантюры, затеваемой белогвардейцами из оголтелых прежних помещиков, заводчиков и банкиров. В последние дни даже бывший генерал Деникин вынужден был открыто заявить о нежелательности впутываться в авантюру с так называемым «буфером» на Дальнем Востоке. Но и лагерь Милюкова—Деникина непрочь помечтать о «настоящей» интервенции, «если бы отношение держав изменилось». Для состояния растерянности и беспомощности среди заграничной белогвардейщины характерно наконец то, что пустомеля Керенский ухитрился высказаться как за «возрожденцев», так и за милюковцев. Находясь в таком тупике, белогвардейские эмигранты способны на все новые и новые авантюры. Тем большей должна быть наша бдительность и готовность к защите СССР.

Нельзя забывать также о том, что классовый враг внутри страны разбит, но далеко еще не добит, что он еще пытается сопротивляться, еще пытается ставить палки в колеса социалистической стройки. И здесь нужна усиленная классовая бдительность со стороны рабочих и дальнейшее сплочение всей массы трудящихся города и деревни вокруг нашей партии. Чем больше рабочие и трудящиеся крестьяне нашей страны проявят бдительности, сознательности и организованности во всем социалистическом строительстве и в деле подготовки защиты СССР, тем осторожнее будут господа буржуазные авантюристы из лагеря белогвардейцев всех мастей и из лагеря иностранных империалистов.

Наша сила заключается в миллионных массах, на которые опирается советская власть. Эти миллионы трудящихся знают, куда они идут, во имя чего они борются. Если мы будем вооружены по-настоящему не только классовой сознательностью, но и организованностью наших рядов, тогда никакая сила в мире не сможет сломать нашей мирной социалистической стройки, не сможет помешать росту социализма в СССР и дальнейшему улучшению положения масс рабочих и трудящихся деревни.

«Политику мира мы будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли мы не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому» (Сталин).

Мир вползает в мировую империалистическую войну

«Коммунистический интернационал» № 4.

Империалистическая война налицо

В Манчжурии ежедневно происходят все новые и новые передвижения войск. Оккупированная страна осваивается японской военщиной. Строятся укрепления. Страна укрепляется в военном отношении в качестве базы для дальнейшего похода. В Шанхае национал-революционное сопротивление китайского народа показало японцам, рассчитывавшим на быструю и легкую победу, что прошли те времена, когда любой империалистический разбойник мог насиловать китайский народ, не наталкиваясь на сопротивление. Свои затруднения японские империалистические разбойники использовали и используют для подтягивания больших вооруженных сил, достаточных для переброски войны во Внутренний Китай, развертывания операций против китайских советов и красной армии и содержания наготове компактных армий на азиатском материке против СССР.

В Англии национальное правительство отставного рабочего вождя Макдональда образовало в кабинете совет действия. Питающие сомнения насчет подлинного значения этого шага пусть потрудятся почитать мемуары Черчилля о мировой войне, где черным по белому указано, что совет действия есть не что иное, как комитет для обеспечения единого руководства войной. Во Франции уже существует кабинет Тардье. Новый кабинет уже ввел новшество в структуру правительства: три военных портфеля—министра национальной обороны, морского и военной авиации—сосредоточены в одном министерстве согласно проекту главы высшего военного совета французской армии—генерала Вейгана.

В Польше на железных дорогах происходят перетасовки в личном составе службы движения с заменой лиц ненадежных надежными лицами из числа военнообязанных. Железнодорожные мастерские мобилизуются, значительная часть их ставится на рельсы.

В Румынии уже сформированный новый технический военный корпус под французским командованием оформляется законодательно. Франция выплачивает Шкоде долги за Румынию, чтобы обеспечить возможность новых заказов военного снаряжения. Во всех европейских портах грузятся оружие и боеприпасы. Торговые флоты мелких стран — Норвегии, Голландии и Греции, а также Германии фрахтуются крупными державами. В разгаре глубочайшего мирового экономического кризиса и военной промышленности уже наступила высокая конъюнктура. Акции военнопромышленных предприятий с каждым днем неуклонно скачут вверх. Страховые премии торговых судов, отправляемых в тихоокеанский рейд, увеличиваются на 2000%. В целом ряде стран реформистские союзы моряков выдвинули «частичное требование» увеличения судоходными компаниями страховых премий до прежнего уровня военного времени.

Мы могли бы привести еще множество симптомов, свидетельствующих о том, что империалистическая война изо дня в день все более готова перерасти в военную интервенцию против СССР, в мировую войну.

То, что предсказывали неоднократно в своих резолюциях и декларациях Коммунистический интернационал и его секции,—проблема нового раздела мира поставлена вплотную. Борьба между двумя системами вступила в новую историческую фазу. Это совершенно несомненно.

Три фактора задерживают превращение начавшейся войны в военную интервенцию против Советского союза, в мировую войну,—это революционная активность мирового пролетариата, сопротивление китайского народа уже начавшейся разбойничьей войне и пока еще рост противоречий между ведущими империалистическими державами. Важнейший из них—революционная активность мирового пролетариата.

■ ■ ■

Действовать, непременно действовать против войны—таково

веление часа. Всякое колебание при оценке международного положения, всякая недооценка значения уже начавшейся войны неизбежно обусловливает колебания в самом действии.

Проанализируем—хотя бы бегло—мировое положение, которое находится под знаком не только глубочайшего и широчайшего мирового экономического кризиса, но и начавшейся империалистической войны на Дальнем Востоке, продвижения японских армий вплотную к границам СССР и под знаком конференции по разоружению. Непосредственной целью этой конференции наряду с маскировкой военных приготовлений является перегруппировка империалистических держав (путем сглаживания противоречий между ними) в интересах перерастания уже начавшейся войны в интервенцию против СССР, в мировую войну.

Взаимосвязи, констелляции, создавшиеся в период стабилизации капитализма, уже большей частью раньше распались, изменились. Теперь же они рушатся ускоренным темпом, и всему миру грозит опасность очутиться на положении войны.

На вопрос, в чем выразилась конкретно стабилизация капитализма, дал ответ т. Сталин в своем докладе от 9 мая 1925 г.

Первым фактом мирового политического значения, в котором выразилась стабилизация капитализма непосредственно вслед за последними отзвуками мировой войны (оккупация Рура) и поражением революционного пролетариата в Германии, было то, что «Америке, Англии и Франции удалось сговориться временно о способах и размерах ограбления Германии, иначе говоря, им удался сговор, называемый ими дауэсизацией Германии» (Сталин).

В настоящее время мировой кризис расшатал это соглашение до самой глубины, до самой основы (неплатежеспособность Германии, постановка проблемы межсоюзных военных долгов, отсрочка Лозаннской конференции, кризис всей версальской системы, назревание предпосылок революционного кризиса в Германии и в главном вассальном государстве Франции—Польше).

Вторым мировым политическим фактом было то, «что английскому, американскому и японскому империализму удалось временно сговориться насчет распределения сфер влияния в Китае» (Сталин).

Это соглашение было расшатано китайской революцией и теперь взорвано японским походом с помощью Франции—стража версальской системы.

Третьим мировым политическим фактом было то, что «империалистическим группам передовых стран удалось временно сговориться насчет взаимного невмешательства в дело ограбления и угнетения «своих» колоний» (Сталин).

Эта договоренность трещит по всем швам (обострение англо-американского антагонизма в Южной Америке, Канаде, Египте и пр., англо-японская конкуренция в британских владениях, протекционистское движение в Британской империи, действие всеобщей таможенной войны, обострение франко-итальянского противоречия в Средиземноморском бассейне и т. д.).

В-четвертых, Сталин констатировал возможность того, «что империалистические группы ведущих стран попытаются сговориться насчет единого фронта против Советского союза».

Хотя сомкнуть такой единый фронт пока не удалось, однако совпадение во времени мирового экономического кризиса в капиталистических странах с решительной победой социализма в СССР чрезвычайно обострило борьбу двух систем. Успешное проведение социалистической индустриализации, коллективизация сельского хозяйства, ликвидация кулачества как класса, успешное выполнение первой пятилетки при полном уничтожении безработицы, растущая независимость СССР от капиталистического мирового хозяйства, заострение директив ко второму пятилетнему плану в сторону решительного повышения жизненного уровня трудящихся и уничтожения классов—все это в период глубочайшего мирового экономического кризиса по существу уже решило судьбу мирового состязания между капитализмом и социализмом в пользу последнего. Империалистические группы и их пособники прилагают все усилия к тому, чтобы ввиду провала антисоветской экономической войны борьба между капитализмом и социализмом велась и решалась методом вооруженной вой-

ны, тем более что борьба двух систем внутри капиталистических стран и их колоний в форме борьбы за капиталистический или революционный выход из кризиса разгорается все ожесточеннее и ожесточеннее.

Планы капитализма, стремившегося использовать временную стабилизацию для преодоления послевоенного кризиса капиталистического хозяйства, рушились один за другим. Задуманный наиболее серьезно план преодоления послевоенного кризиса капитализма с помощью капиталистической рационализации оказался попыткой столь же тщетной, как и все шарлатанские проекты социал-демократии и профсоюзной бюрократии относительно организации капитализма. Продуктом капиталистической рационализации было колоссальное перепроизводство, гигантская безработица, огромный рост абсолютного обнищания рабочего класса и крайнее обострение классовых противоречий.

Легенды об организованном капитализме, распространяемые организациями II и Амстердамского интернационалов, не могли заменить хлеба насущного и предметов первой необходимости, которыми уже не в состоянии обеспечить своих наемных рабов лихорадящее в тисках кризиса мировое капиталистическое хозяйство. Меры к переложению всей тяжести кризиса на плечи трудящихся масс и к выкачиванию чудовищных сумм на вооружение из совершенно опустевших карманов рабочих, крестьян и мелких буржуа способствовали росту революционного подъема в широких рабочих и крестьянских массах; предпосылки революционного кризиса в некоторых важных странах уже назревают (Польша, Германия); важнейшие колониальные и полуколониальные страны охвачены революционным кризисом (Китай, Индия и пр.). Голое и грубое насилие фашизма, социал-фашизма преобладает над демагогией этих партий, методы гражданской войны применяются для обуздания рабоче-крестьянских масс все чаще и чаще, а так называемые мирные средства и методы борьбы за капиталистический или революционный выход в целом ряде капиталистических стран близки к исчерпанию.



В империалистических планах капиталистического выхода из кризиса издавна важное место занимала война в качестве «последнего слова мудрости». Военное разрешение кризиса направлено, с одной стороны, на раздел Китая, с другой стороны, на разгром Советского союза, на подчинение СССР международному империализму путем свержения пролетарской диктатуры, социализма. В стремлении разрешить кризис за счет Китая (при соблюдении особых интересов в вопросе дележа добычи) и путем интервенции против СССР все империалистические правительства принципиально столь же едины, как и в стремлении переложить бремя кризиса на рабочий класс и на трудовые слои, на слабейшие страны и на колониальные народы. Во всех остальных существенных вопросах мировой политики между империалистическими странами и их группировками существуют резкие противоречия интересов. Чрезвычайное обострение этих противоречий обусловлено еще и тем, что мировой кризис необычайно усилил неравномерность развития капиталистических стран и вызвал значительные изменения в соотношении сил между империалистическими державами (дальнейшее продвижение вперед Америки и Франции как стран, наиболее богатых золотом; вытеснение Англии из важнейших экономических и политических позиций; наступление Японии на Дальнем Востоке с использованием кризиса в САСШ и в Англии; оттеснение на задний план Италии в придунайских, Балканских странах; напор Германии, старающейся использовать капиталистические противоречия для нового урегулирования репарационной проблемы и своих восточных границ, и пр.).

При такой неустойчивости группировок держав и соотношения сил между ведущими империалистическими странами все важнейшие мировые политические проблемы международной политики связаны между собой теснейшим образом. Репарационная проблема, вопросы системы Версальского мира, межсоюзных военных долгов, таможенной войны, борьбы за золото, проблема разоружения, борьба за колониальные владения, тихоокеанская проблема, китайский вопрос, германский вопрос, проблема франко-итальянских противо-

речий, проблемы среднеевропейских и балканских таможенных соглашений и пр.—все это находится в теснейшей связи друг с другом и в частности переплетается с проблемой версальской системы и борьбы между двумя системами. Все эти проблемы необычайно обострены империалистической войной в Китае. Проблемы нового раздела мира, борьбы двух миров и борьбы за тот или иной выход из кризиса именно в силу их переплетения особенно настойчиво толкают на путь разрешения их путем войны.

Неустойчивость группировок империалистических держав ввиду обострения империалистических противоречий сказывается первым долгом в том, что в Европе существует только одна прочная система военных союзов: французская система. Благодаря включению в эту систему Японии создался мировой военный союз. Франко-японский союз имеет целью отнюдь не только параллельное выступление Японии и Франции в вопросе разоружения, не только единое их выступление в вопросе раздела Китая (причем Франция претендует на Южный Китай и частично уже осуществляет свои претензии), но и укрепление европейских позиций Франции для упрочения захлестнутой кризисом системы Версальского мира. Первоочередная цель этого союза—взять в тиски СССР с востока и с запада; в дополнение к военному нападению на Советский союз с запада—организовать нападение с востока. Английское правительство, с одной стороны, ведет переговоры с Францией, чтобы установить «единый фронт» в вопросах межсоюзных долгов против САСШ. С другой стороны, английские консерваторы стремятся путем переговоров с японским правительством восстановить англо-японский союз. САСШ стремятся притупить острие этих переговоров, направленное против их интересов в вопросе раздела Китая и в тихоокеанском вопросе, и заострить их против Советского союза.

Острота империалистических противоречий затрудняет образование новых группировок держав. Но эта же острота противоречий одновременно толкает их (как это в частности показывает японский поход в Манчжурию и в долину Янцзы) с неизбежностью на путь войны, обусловливает вползание мира в империалистическую мировую войну, в военную интервенцию против СССР. По опыту известно, что эти группировки тверже оформятся частью при возникновении, частью даже в процессе войны, при проведении военных операций.

Таким образом было бы непростительной ошибкой на том основании, что прочных империалистических группировок и империалистического единого фронта против СССР еще нет, заключать, что непосредственно, вплотную опасность мировой империалистической войны, военной интервенции против СССР не грозит, что империалистическая война, уже начавшаяся на Дальнем Востоке, непосредственно не угрожает пролетариату, трудящимся массам Европы и Америки. Накануне 1914 г. капиталистический мир тоже вползал в империалистическую мировую войну. Проблема нового раздела мира уже назрела, когда в 1908 г. австро-венгерская монархия аннексировала Боснию и Герцеговину, когда в 1911 г. вспыхнула война в Триполитании, а в 1912—1913 гг.—первая и вторая балканские войны. Достаточно было покушения в Сараево, чтобы покатилась лавина мировой войны.

Со времени Октябрьской революции произошли существенные изменения, которые затрудняют воинственную политику империализма: СССР с его политикой мира, революционные, пролетарские и национал-революционные движения с их угрозой тылу империалистической буржуазии являются существенными факторами, усиливающими для империалистических держав рискованность войны, но не меньшее количество существенных факторов ныне облегчает организацию империалистической мировой войны. Таково объединение мирового империализма в Лигу наций и наличие у него агентуры—главной опоры в деле подготовки войны—в рядах рабочего класса в лице II и Амстердамского интернационалов. Лига наций в самом разгаре японо-китайской войны и в момент непосредственного провоцирования военной интервен-

ции против Советского союза организует конференцию по разоружению. II и Амстердамский интернационалы, проводящие в рабочие массы надувательские пацифистские лозунги Лиги наций, ведут кампанию против СССР и поощряют поставку в Японию оружия и военных припасов,—этих факторов не следует недооценивать как факторов, содействующих подготовке империалистической мировой войны, военной интервенции против Советского союза. Наглядным примером того, что для начала войны не требуется твердых соглашений между ведущими империалистическими державами, служит японский поход в Манчжурию, в долину Янцзы и в северные провинции Китая. Чрезвычайно глубокий кризис японского империализма и его своеобразный характер и в частности его удаленность от территории крупных военных держав, его близость к Китаю и прочее—все это служит объяснением того, что именно японский империализм в процессе применения всех средств в борьбе за капиталистический выход из кризиса первый среди ведущих империалистических держав пошел дальше всех остальных. Беспощадное наступление на японский рабочий класс, на крестьянство, дальнейшее обострение колониального угнетения в Корее и Формозе не помогли найти этот выход. Отсюда—инициатива окончательного раздела Китая посредством войны, отсюда—поход в Манчжурию и в долину Янцзы, отсюда—наглейшее провоцирование интервенции против китайской революции, отсюда—присвоение себе Японией роли восточного форпоста военной интервенции против СССР. Наряду с этим японский империализм в союзе с Францией использует кризис в Англии и САСШ, чтобы поставить тот и другой империализм в Китае перед совершившимися фактами. Таким путем Япония обеспечивает себе в китайском походе поддержку Англии по линии раздела Китая, оккупации Манчжурии, бомбардировки Шанхая. Своим методом—ставить перед совершившимися фактами—Япония оттеснила САСШ на оборонительные позиции в деле защиты Америкой своих особых империалистических интересов при разделе Китая. До сих пор все происходило так, как предусмотрел и предлагал господин Танака, руководящий японский политик, в докладной записке от 1927 г. Даже военная интервенция в Манчжурии, в долине Янцзы проведена по планам Танаки, не говоря уже о политической подготовке этих походов японской дипломатией. Смысл этого меморандума именно в том, чтобы побудить мир не ринуться, но вползти—путем гнуснейшего дипломатического надувательства и лжи на страницах печати—в мировую империалистическую войну, в военную интервенцию против СССР.

■ ■ ■

Нужна решительная мобилизация масс в первую очередь против транспортов оружия и боевых припасов, которые бегут в Японию по рельсам всех капиталистических железных дорог, из портов всех капиталистических стран. Первоочередная задача всех коммунистических партий—защита китайской революции, китайских советов. Оборона независимости Китая от уже начавшегося военного раздела есть неотъемлемая составная часть защиты СССР, защиты пролетариата всех капиталистических стран от мировой войны.

В наши дни дело не только в том, чтобы приковать внимание международного пролетариата к опасности войны, чтобы разоблачить—сколь это ни необходимо—софизмы II и Амстердамского интернационалов. Разумеется, все это—неотъемлемая, составная часть борьбы против империалистической войны, но сейчас этого уже совершенно недостаточно. Всколыхнуть самые широкие массы, организовать их для действия против военных транспортов, идущих в адрес японского империализма, против использования железных дорог и в особенности портов и военных флотов для снабжения японского империализма боевыми припасами, оружием и ядовитыми газами для истребления в Китае мужчин, женщин, детей, рабочих, ремесленников, студентов, мелких купцов,—таково веление не дня, но часа. Японские милитаристы не останавливаются ни перед какими средствами. Они рассчитывают, что никто не помешает им творить и дальше ужасы над китайским народом. Фабриканты оружия посылают в Японию оружие, боевые припасы, аэропланы. Капиталистические правительства шлют военные суда и отряды из всех крупных империалистических стран. Им-

периалистические правительства зорко и жадно следят друг за другом, боясь быть обделенными, когда будут разрывать добычу—Китай; никто из них и пальцем не шевельнет против вырастания японского похода в Китай в мировую войну, в интервенцию против Советского союза. Наоборот, их величайшая забота—еще скорее развернуть интервенцию против СССР. В этот час все компартии должны вновь обратиться к рабочим всех стран с призывом: от вас, от вашего действия против уже начавшейся войны зависит, вползут ли европейские страны, вползет ли весь мир в мировую войну. Действуйте, действуйте, действуйте!

«Особенность данного момента заключается в том, что все более стирается грань между мирным положением и войной — вползают в войну и воюют без открытого объявления войны» (Молотов).

М. Иоэльсон

Два года кризиса капитализма—три года пятилетки СССР

Уже третий год капиталистический мир бьется в тисках все углубляющегося кризиса. Для СССР эти годы были годами растущих успехов социалистического строительства. В 1931 г. был завершен фундамент социалистической экономики. СССР вступает в 1932 г. в четвертый, последний год пятилетки. Вопрос «кто кого?» ныне целиком и полностью решен в пользу пролетариата, в пользу социализма. Но СССР продолжает оставаться в капиталистическом окружении. Проблема «кто кого?» с прежней остротой остается стоять на мировой арене. Перед нами стоит историческая задача—максимум в 10 лет догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые страны капитализма.

Как же складывается развитие двух противоположных систем за эти годы? Характеризуя положение в СССР и в капиталистических странах, т. Сталин еще на XVI съезде партии говорил:

«У них, у капиталистов, экономический кризис и упадок производства как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства.

У нас, в СССР, экономический подъем и рост производства во всех отраслях народного хозяйства.

У них, у капиталистов, ухудшение материального положения трудящихся, снижение заработной платы рабочих и рост безработицы.

У нас, в СССР, подъем материального положения трудящихся, повышение заработной платы рабочих и сокращение безработицы» [1].

Эта противоположность в развитии мирового капитализма и СССР ярко иллюстрируется движением индекса промышленного производства.

Индекс промышленного производства[2]
1928 г.=100

Годы	СССР	Мировая капиталистическая промышленность
1929	124	107
1930	154	91
1931	186	71 (октябрь)

Итак у нас за три года пятилетки рост промышленной продукции—на 86%. У них, в странах капитализма, за

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 4-е стр. 686.

[2] В основу индекса мировой продукции положен индекс, опубликованный Германским конъюнктурным институтом в «Еженедельном обзоре» от 21/X 1931 г. и в последнем квартальном обзоре

два года кризиса падение промышленной продукции—на 33%.

Таковы краткие итоги трех лет успешного выполнения пятилетки в СССР, двух лет глубочайшего кризиса капитализма.

В 1932 г. в СССР будет иметь место дальнейший рост промышленной продукции на 36%. Капиталистический мир в 1932 г. ожидает дальнейшее углубление и обострение кризиса, дальнейшее сокращение производства. Капиталистический мир в целом уже теперь по размерам промышленной продукции отброшен к довоенному уровню. Промышленное производство СССР в 1932 г. в 4 раза превысит довоенный уровень.

> «В чем причина того,—говорил т. Сталин на XVI съезде партии,—что СССР, несмотря на его культурную отсталость, несмотря на недостаток капиталов, несмотря на недостаток технически выкованных хозяйственных кадров, находится в состоянии растущего экономического подъема и имеет на фронте экономического строительства решающие успехи, а передовые капиталистические страны, несмотря на обилие капиталов, обилие технических кадров и более высокий уровень культурности, находятся в состоянии растущего экономического кризиса и терпят в области хозяйственного развития поражение за поражением?
>
> Причина—в различии экономических систем хозяйства у нас и у капиталистов.
>
> Причина—в несостоятельности капиталистической системы хозяйства.
>
> Причина—в преимуществах советской системы хозяйства перед системой капиталистической»[1].

Подведем сперва краткие итоги развития мирового экономического кризиса.

от 15/XII 1931 г. Этот индекс охватывает промышленное производство десяти стран, на которые падает примерно 80% мировой продукции. Однако Германский конъюнктурный институт включает в этот индекс также промышленность СССР, благодаря чему получается неправильная картина движения мировой капиталистической промышленности. Приведенный нами индекс исчислен Конъюнктурным отделом института мирового хозяйства Комакадемии и относится исключительно к мировой капиталистической промышленности. Насколько этот указанный индекс отличается от индекса Германского конъюнктурного института видно из того, что индекс последнего на октябрь 1931 г. определялся в 79,4 (1928 г.=100).

Нынешний кризис—глубочайший кризис в истории капитализма

Разразившийся на базе всеобщего кризиса капитализма теперешний кризис отличается невиданной остротой и глубиной. Данные о состоянии промышленности в крупнейших капиталистических странах дают достаточно ясную иллюстрацию углубляющегося с каждым годом, с каждым месяцем кризиса.

Индекс промышленного производства[2]
1928 г.=100

Годы	САСШ	Англия	Германия	Франция
1913	65,5	107	98	79
1925	93,7	96	81,1	85,0
1929	107,2	107,9	101,4	109,4
1930	86,5	96,1	83,6	110,2
1931 (ноябрь)	64,9	79,5	63,8	90,6

Если в целом мировая капиталистическая промышленность отброшена к довоенному уровню, то в отдельных странах имеет место чрезвычайно неравномерное развитие индекса, неравномерное сокращение производства. В то время как Франция, позже других стран вступившая в кризис, дает еще некоторое повышение промышленного производства в 1931 г. по сравнению с 1913 г., а САСШ находятся примерно на уровне 1913 г.,—в это время английская и германская промышленность отброшена далеко за довоенный уровень. Следующая таблица убедительно показывает динамику движения промышленности Англии и Германии за последнее десятилетие.

Индекс производства[3]
1928 г.=100

Годы	Англия	Германия
1890	71,5	39,5
1900	84,3	63,5
1913	107,0	98,0
1931	79,5 (сентябрь)	63,8 (ноябрь)

Итак промышленность Германии отброшена в настоящее время к 1900 г., а промышленность Англии—к 1896—1897 гг. Таких ударов промышленность еще не знала при прежних капиталистических кризисах. Еще на XVI съезде партии т. Сталин подчеркивал:

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 688.

[2] Данные Германского конъюнктурного института, дополненные для октября 1931 г. данными «Статистического бюллетеня Лиги» наций № 11 за 1931 г.

[3] Для довоенного периода данные взяты из работы Е. Вагемана, Структура и ритм мирового хозяйства, Берлин 1931 г., стр. 387. Пересчет на базу 1928 г. сделан нами.

«Нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов»[1].

Достаточно привести несколько сравнительных данных о прежних кризисах, чтобы убедиться в специфической глубине и остроте настоящего кризиса.

Обобщающим показателем развития экономики страны являются данные о народном доходе. Имеющиеся цифры показывают, как падал народный доход в периоды кризисов.

Падение народного дохода (в процентах)[2]

Кризисы	Германия	Англия
1901—1902 гг.	6	данных нет
1907—1908 »	4	5
1929—1931 »	21—34	12

Публикуя данные о падении народного дохода за последние годы в Германии, Германский конъюнктурный институт вынужден был констатировать: «Никогда еще в истории кризисов в течение последних 50 лет народный доход так не сокращался».

Еще более резким было сокращение промышленной продукции. Возьмем например данные о падении производства чугуна.

Падение производства чугуна (в процентах)[3]

Кризисы	
1873—1874 гг.	8
1883—1885 »	10
1890—1892 »	6,5
1907—1908 »	23
1920—1921 »	42
1929—1931 »	60

Показателем сокращения промышленного производства являются также данные о падении строительной деятельности. Приведем например цифры о падении строительной деятельности в САСШ в течение последних трех кризисов.

Падение строительной деятельности (в процентах)[1]

Годы	
1906—1908	20
1920—1921	11
1928—1931	50

Глубина кризиса находит свое отражение также в невиданном падении курса акций промышленности. В этом отношении весьма показательны следующие данные о падении курса акций на Нью-йоркской бирже:

Падение курса акций (в процентах)[2]

Годы	
1873—1874	30
1883—1884	29
1906—1908	47
1920—1921	41
1929—1931	71

Такое же сильное падение курса акций произошло и на всех других важнейших фондовых биржах капиталистического мира.

То обстоятельство, что кризис охватил весь капиталистический мир, что он чрезвычайно обострил борьбу за рынки, привел к колоссальному сокращению покупательных способностей колониальных и полуколониальных стран, имело своим последствием небывалое сжатие мировой внешней торговли во время теперешнего кризиса по сравнению с прежними кризисами.

Сокращение оборотов внешней торговли (в процентах)[3]

Кризисы	
1873—1874 гг.	5
1883—1884 »	4
1900—1901 »	1
1907—1908 »	7
1929—1931 »	44

Остановимся еще на падении цен во время теперешнего кризиса по сравнению с прежними кризисами.

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 633.

[2] Данные о довоенных кризисах взяты из названной выше работы Вагемана, стр. 241—244. Для теперешнего кризиса данные по Германии взяты из последнего «Квартального обзора Германского конъюнктурного института», по Англии — из доклада известного английского специалиста по исчислению народного дохода Котса, опубликованного в «Стэтисте» от 19 декабря 1931 г.

[3] Данные, касающиеся прежних кризисов, взяты из специального обзора Лиги наций «Движение и фазы мировой экономической депрессии», изд. 2-е, Женева 1931 г. стр. 275. Данные за 1929—1931 гг. (по октябрь) исчислены для тех же стран по «Статистическому бюллетеню Лиги наций». Данные настоящей таблицы относятся к выплавке чугуна в шести главнейших странах, на которые падает около 80% мировой выплавки чугуна.

[1] Данные по прежним кризисам взяты из названного выше обзора Лиги наций, стр. 276. Для 1928—1931 гг. (первые 10 мес.) вычислены нами по «Федерал Резерв Бюллетень».

[2] Данные взяты из цитируемого выше обзора Лиги наций, стр. 288. Для 1931 г. вычислены по «Федерал Резерв Бюллетень». (В сентябре 1929 г. индекс курса акций составлял 225 (1936 г.=100), а в начале декабря 1931 г.=66.)

[3] Данные о прежних кризисах взяты из цитируемого выше обзора Лиги наций, стр. 277. Данные за 1929—1931 гг. (III квартал) вычислены по материалам Германского конъюнктурного института

Падение мировых товарных цен (в процентах)[1]

Годы	
1870/73—1879	20,2
1879/80—1887	20,4
1903/07—1908	0,8
1914/20—1922	21,1
1925/29—1931	38,3

Наконец, по размерам мировой безработицы настоящий кризис оставил далеко позади все предыдущие кризисы. Даже по данным буржуазных источников в условиях жесточайшего кризиса 1920—1921 гг. число безработных во всем капиталистическом мире было равно 10 млн., в то время как по тем же источникам уже в конце 1930 г. число безработных было не менее 20 млн. В настоящее время, как известно, в капиталистических странах безработицей среди промышленных рабочих охвачено не менее 40—44 млн. человек.

Анализируя сравнительные данные теперешнего кризиса с прежними кризисами, руководитель Германского конъюнктурного института Вагеман—один из известнейших буржуазных знатоков мирового хозяйства—должен был констатировать еще весной 1931 г., что, «судя по падению числа занятых в промышленности рабочих, падению производства, сокращению народного дохода, сокращению мировой торговли—теперешний кризис является наиболее тяжелым из всех кризисов последнего столетия»[2].

Дальнейшее углубление мирового экономического кризиса

Мы привели выше сводный индекс промышленного производства в различных странах. Но особенностью теперешнего кризиса является чрезвычайная неравномерность его развития в отдельных отраслях промышленности. Особенностью теперешнего кризиса является огромное сокращение производства тяжелой промышленности, производства средств производства по сравнению с производством средств потребления. Этот процесс особенно усилился за последние месяцы, что, с одной стороны, является показателем дальнейшего углубления кризиса, с другой стороны, в свою очередь создает условия для его нового обострения. Сравним движение индекса производства например в Германии и САСШ по этим основным подразделениям промышленности.

Индекс производства промышленности[1]
1928 г. =100

Годы	Германия		САСШ		
	Средства производства	Средства потребления	Сталь	Строительная промышлен.	Потребл. хлопка
1929	105,9	93,5	108,9	107,3	107,2
1930	81,9	[illegible]6,4	78,8	50,5	81,8
1931 (ноябрь)	52,7	82,8	37,7 (октябрь)	11,1	84,4

Падение производства в тяжелой промышленности находит свое выражение в резком сокращении выплавки стали и чугуна. Мировое производство стали в 1931 г. составляло 70 млн. *т* по сравнению со 122 млн. *т* в 1929 г., т. е. дало сокращение на 58%. Мировое производство чугуна составило в 1931 г. 55 млн. *т* против 99 млн. *т* в 1929 г., т. е. дало сокращение на 56%.

Но для отдельных стран мы имеем гораздо более значительное сокращение выплавки чугуна и стали. По сравнению с предкризисным производством 1929 г. производство в последние месяцы 1931 г. сократилось для Соединенных штатов по стали и чугуну на 70%, для Германии по чугуну—на 64% и по стали—на 59%, для Англии по чугуну—на 59%, по стали—на 49% и т. д. Насколько сильно кризис отразился на металлургической промышленности капиталистических стран, видно из того, что выплавка чугуна в Соединенных штатах в 1931 г. находилась на уровне 1902 г. (18,7 млн. *т*), в Германии—ниже уровня 1891 г. (6,1 млн. *т*), а в Англии — ниже уровня 1860 г. (в 1931 г.—3,8 млн. *т*, а в 1860 г.—3,9 млн. *т*).

Продолжающееся сокращение производства в тяжелой промышленности является ярким признаком дальнейшего углубления кризиса. Известно, что перелом в развитии прежних кризисов, переход к депрессии обусловливался в первую очередь обновлением основного капитала в промышленности, новым промышленным строительством. Между тем

---

[1] В основу исчисления указанной таблицы положен индекс товарных цен «Стэтиста», причем средние цены за весь предкризисный период сравниваются с самой низкой точкой кризисов. Таблица взята из «Квартального обзора Германского конъюнктурного института», декабрь 1931 г.

[2] Вагеман — цитированная работа, стр. 305.

[1] Данные Германского конъюнктурного института.

все данные показывают, что в настоящее время не только не происходит какого-либо усиления этих процессов, но что в ближайшее время необходимо ожидать дальнейшего сокращения производства средств производства и следовательно дальнейшего обострения кризиса. Загрузка машиностроительной промышленности в Германии составляла в ноябре 1931 г. всего 34% против 43% в начале 1931 г. и 70% перед кризисом. Но при этом нужно иметь в виду огромное значение для германской машиностроительной промышленности экспорта машин в СССР. Если мы возьмем данные лишь о движении заказов германской машиностроительной промышленности для **внутреннего рынка**, то мы увидим катастрофическое падение этих заказов.

Движение заказов в германской машиностроительной промышленности [1]

1925/26 г. = 100

Годы		
I квартал	1929	89
I »	1930	67
I »	1931	38
III »	1931	31
октябрь	1931	28
ноябрь	1931	22

Таким образом размеры заказов со стороны внутреннего рынка составляют примерно $^{1}/_{4}$ заказов в предкризисный период. Такие же явления имеют место и в других капиталистических странах. В Соединенных штатах например резко сокращается портфель заказов Стального треста. Сумма заказов последнего в конце декабря упала до 2 755 млн. *т*, что является самой низкой цифрой со времени 1910 г. Комментируя эти цифры, буржуазные газеты расценивают их как почти полное прекращение поступления новых заказов [2]. Так же быстро сокращается и объем нового промышленного строительства.

Это катастрофическое падение размеров нового промышленного строительства, обновления основного капитала находит свое яркое выражение в сокращении выпуска промышленных акций и облигаций. Следующая таблица показывает движение эмиссии промышленных ценностей за последние годы.

[1] «Германское хозяйственное положение на рубеже 1931/32 г.» Ежегодный обзор «Рейхскредитгезельшафт», 1932 г., стр. 11.

[2] «Финэншиал Таймс» от 11 января 1932 г.

Эмиссия промышленных бумаг (акции и облигации) [1]

Годы	Германия (в млн. марок)	САСШ (в млн. долл.)	Англия (в млн. ф. ст.)
1929	269	7 938	141
1930	593	4 583	122
1931 (1-я полов.)	468	1 049	58
1931 (2-я полов.)	84	345	29
Итого за весь 1931 г.	552	1 394	36

Итак во второй половине 1931 г. благодаря финансовому кризису и дальнейшему ухудшению положения промышленности в главнейших капиталистических странах почти прекратилась эмиссия промышленных ценностей.

Причины особенной глубины, продолжительности и дальнейшего обострения кризиса заключаются в том, что кризис развернулся на базе всеобщего кризиса, в условиях монополистического капитализма, что теперешний промышленный кризис переплетается с аграрным, что во всем капиталистическом мире на этой основе в невиданных размерах разразился финансовый кризис.

Одной из характерных особенностей всеобщего кризиса капитализма является хроническая недогрузка предприятий. В условиях теперешнего кризиса подавляющая часть существующего производственного аппарата капиталистической промышленности является незагруженной. Так например в декабре 1931 г. стальная промышленность САСШ была загружена всего на 20—25% против 43% в январе 1931 г. и 63% в среднем в 1930 г.

Наличие огромной неиспользованной производственной мощи чрезвычайно затрудняет возможность нового промышленного строительства и нового расширения основного капитала. Оно не является абсолютным препятствием возможности обновления и расширения основного капитала, как это вытекает из «новейшей» теории Преображенского. Но в условиях углубления кризиса, в условиях обострения всех остальных фактов в развитии теперешнего кризиса эта огромная недогрузка производственного

[1] Для Германии по данным цитированной работы «Рейхскредитгезельшафт» (за 1931 г. 11 мес.), по САСШ «Каммаршел энд Финаншел Хроникл» (за 1931 г. перв. 11 мес.), для Англии по данным «Экономиста» от 26/XII 1931 г.

аппарата затрудняет, ставит препятствия для новых инвестиций в промышленности, ведет к затягиванию и углублению кризиса. К этому же ведут остальные специфические особенности теперешнего кризиса. Мы остановимся лишь на некоторых из них.

Огромное значение имеет динамика цен в теперешнем кризисе.

Это обстоятельство подчеркивал т. Сталин на XVI съезде партии, указывал, что—

«...нынешний капитализм, в отличие от старого капитализма, является капитализмом монополистическим, а это предопределяет неизбежность борьбы капиталистических объединений за сохранение высоких монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство. Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его рассасывание»[1].

Рассмотрим например движение цен на различные товары во время теперешнего и предыдущих кризисов.

Падение цен в Германии (в процентах)[2]

Годы	Каменн. уголь	Чугун	Полос. железо	Шерсть	Хлопок	Кожа
1884—1886 . . .	36	49	51	42	33	36
1893—1895 . . .	44	47	45	37	55	22
1902—1903 . . .	9	37	46	36	41	28
1908—1909 . . .	4	19	45	22	32	28
1929—1931 . . .	5	8	9	69	63	65

Мы видим таким образом, что, начиная с кризисов XX в., с эпохи монополистического капитализма, начинается более замедленное падение цен для изделий промышленности, контролируемых трестами и картелями. Это явление получило особенно яркое выражение в теперешнем кризисе. Этот момент подчеркивал т. Сталин на конференции работников социалистической промышленности, говоря, что капиталисты «снижают максимально цены на сырье и продовольственные продукты. Но они не хотят снижать сколько-нибудь серьезно цены на промышленные изделия»[1]. Между тем при прежних кризисах значительное падение цен на элементы основного капитала являлось одним из моментов, стимулировавших обновление основного капитала, создававших предпосылки перелома кризиса.

Но разрыв между ценами на промышленные и аграрные продукты, между оптовыми и розничными ценами ведет также к затруднению в деле рассасывания товарных запасов, создает значительнейшие препятствия к возможному расширению сбыта промышленности и в первую очередь промышленности средств потребления. Поэтому некоторое оживление в легкой промышленности, которое имело место в летние месяцы 1931 г., не могло не явиться лишь кратковременным, лишь незначительным и во всяком случае не могло повести к усилению спроса на средства производства, поскольку легкая промышленность при отсутствии действительных предпосылок для широкого расширения сбыта могла увеличить производство на базе старого основного капитала.

Действительно все углубляющийся аграрный кризис, разорение миллионов середняцких и бедняцких крестьянских хозяйств сокращают платежеспособность сельскохозяйственного населения в капиталистических странах, сокращают возможности сбыта промышленных товаров. Сбыт промышленных товаров затрудняется также разрывом между ценами на промышленные и сельскохозяйственные продукты, который в свою очередь является одним из факторов, обостряющих аграрный кризис.

Все ухудшающийся жизненный уровень широких масс трудящихся в капиталистических странах неизбежно ведет также к сокращению сбыта продукции капиталистической промышленности. Кризис со всей силой обрушился на рабочий класс капиталистических стран. Социал-фашисты стремятся доказывать, что от кризиса страдают одинаково все классы населения. К этой формулировке сползают иногда и некоторые коммунисты. Для доказательства этого социал-фашисты ссылаются на значительное падение прибылей капиталистических предприятий, на массовые банкротства. Задачей этой насквозь апологетической те-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 632.

[2] Для прежних кризисов данные взяты из названной выше работы Вагемана, стр. 309. Для теперешнего кризиса подсчитано нами на основе данных «Виртшафт унд Статистик», декабрь 1931 г.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 4-е, стр. 743.

ории, нашедшей свой отклик даже среди некоторых экономистов у нас, в СССР, является необходимость убедить рабочих в неизбежности снижения зарплаты, уменьшения размера соцстрахований и т. д., ибо рабочие должны нести «жертвы» вместе со всеми классами капиталистического общества. Между тем вся эта теперешняя концепция социал-фашизма является насквозь апологетической и в корне ложной. Конечно при теперешнем кризисе имеет место резкое сокращение прибылей капиталистов, имеют место массовые банкротства. Все это является показателем глубины кризиса. Но что по существу вытекает из этих банкротств? Ленин ответил на это с достаточной ясностью еще 30 лет назад.

> «...Что означает эта «гибель» предприятий в капиталистическом обществе?—писал Ленин в статье «Уроки кризиса».—Это означает, что слабые капиталисты, капиталисты «второй величины» вытесняются более солидными миллионерами... Замена второстепенных богачей первостепенными, увеличение силы капитала, разорение массы мелких собственников (например мелких вкладчиков, теряющих с крахом банка все имущество), страшное обнищание рабочих—вот что ведет за собой кризис»[1].

Никогда еще в истории капиталистических кризисов не были так велики страдания пролетариата, как при теперешнем кризисе. Мы уже упоминали выше, что по числу безработных теперешний кризис побил все рекорды предыдущих кризисов. По оценкам даже буржуазных источников, в САСШ имеется не менее 12 млн. полностью безработных и 5 млн. частично безработных. В Германии число безработных в конце декабря 1931 г. перевалило за 5½ млн. человек (в январе 1932 г. уже 6 млн.). В Англии, даже по совершенно не отвечающим действительности официальным данным, число безработных составляет более 2½ млн. человек. Во Франции число полностью безработных равно 1,5 млн., а частично безработных 4,5 млн. человек. Все большая часть пролетариата в капиталистических странах остается без работы, выбрасывается на улицу. В Германии 42,8% всех рабочих теперь полностью безработные, 21,9%—частично безработные и только 35,3% работают полную неделю.

Кризис со всей силой обрушивается также на работающую часть пролетариата. Буржуазия ищет выход из кризиса за счет бешеного наступления на заработную плату, на жизненный уровень трудящихся. Еще до последнего декрета о снижении зарплаты в Германии на 15—20% против уровня 1930 г. средняя еженедельная плата германских рабочих по сравнению с 1929 г. была ниже на 36%. А ведь надо еще иметь в виду, что степень эксплоатации рабочих все время увеличивается; повышается интенсификация труда. В Руре например добыча угля на одного рабочего в течение первых 10 месяцев 1931 г. увеличилась на 8,6% и превышала уровень 1913 г. на 163% по сравнению со 135% в 1929 г.

В результате резкого снижения заработной платы, увеличения безработицы, сокращения всех видов социального пособия катастрофически падают доходы трудящихся в капиталистических странах. По данным Германского конъюнктурного института доходы трудящихся Германии упали за время кризиса на 9—10 млрд. марок, составив в 1931 г. 33—34 млрд. против 43 млрд. в 1929 г., уменьшившись таким образом примерно на 25%. Но особенно сильно уменьшились доходы индустриального пролетариата. Отчет Германского конъюнктурного института должен был признать, что в III квартале 1931 г. доходы промышленных рабочих составляли всего 60% по отношению к их доходам 1929 г. В САСШ индекс выплаченной зарплаты упал в сентябре 1931 г. по сравнению с 1929 г. на 45%. Считают, что выплаченная зарплата в САСШ составляла в 1931 г. 23 млрд. долл. против 36 млрд. в 1931 г. и 45 млрд. в 1929 г. Не менее значительным было сокращение доходов рабочих в Англии. В 1931 г. заработная плата, полученная трудящимися в Англии, была премерно на 200 млн. ф. ст. ниже зарплаты, выплаченной в 1924 г.

Колоссальное сокращение доходов трудящихся неизбежно ведет к сокращению их покупательной способности. Это усиливается также тем разрывом между оптовыми и розничными ценами, о котором мы говорили выше. Благодаря наличию монополий, чрезвычайному разбуханию товаропроводящей сети, высоким налогам, таможенным обложениям и т. д. индекс розничных цен понижается

[1] Ленин, т. IV, стр. 167. Разрядка моя. — *М. И.*

весьма незначительно, а кое-где даже повышается—по сравнению с падением оптовых цен. Если к этому прибавить, что квартирная плата, стоимость отопления, освещения, проезда и т. д. почти не изменились за время кризиса, то станет вполне понятным, что индекс стоимости жизни там, где он упал, упал совсем незначительно.

Падение доходов рабочего класса, как мы уже подчеркивали, не могло не отразиться на уменьшении потребления трудящихся. В Германии например еще в I квартале 1931 г. потребление папирос сократилось на 46% по сравнению с I кварталом 1930 г.[1]. Любопытны данные о падении потребления пива в Германии.

Индекс движения потребления пива[2]

1913 г.	= 100
1929 »	= 77
1930 »	= 61
1931 »	= 55

Принимая во внимание, что буржуазия вряд ли сократила свое потребление, нужно признать, что потребление трудящихся масс фактически сократилось в еще более значительной степени.

Наконец углубляющийся кризис в колониальных и полуколониальных странах не может не повести к дальнейшему сокращению сбыта промышленных товаров в эти страны. Продолжающееся падение цен на сырье, вывозимое из колониальных стран, усиление эксплоатации трудящихся колоний, обострение финансового кризиса в колониальных странах ведут к огромному сокращению покупательной способности этих стран. Этому же способствует значительный разрыв цен между товарами, экспортируемыми из колоний, и товарами, импортируемыми в колонии.

Разрыв цен означает усиление эксплоатации колониальных стран, усиление эквивалентного обмена с колониями, дальнейшее сокращение возможностей сбыта в колонии. Углубление кризиса в колониях повело к неслыханной голодовке миллионов трудящихся. Даже обзор Лиги наций должен был признать, что страны, «зависящие от экспорта сырья, так сильно охвачены депрессией, что даже их потребление предметов продовольствия радикально сократилось». В качестве «иллюстрации» этого положения обзор приводит данные о сокращении импорта продовольствия в английскую колонию Золотой берег. В I квартале 1931 г. импорт сократился по сравнению с I кварталом 1930 г. по рису на 58%, по муке—на 64%, по мясным консервам — на 94%, по папиросам—на 74%, по джину—на 98%!

Все эти факты, бегло очерченные нами выше, должны привести в 1932 г. к дальнейшему обострению кризиса, к дальнейшему его углублению.

В этом же основном направлении действует и все расширяющийся финансовый кризис. Мы не имеем возможности здесь затронуть даже основные проблемы финансового кризиса. Необходимо лишь подчеркнуть, что впервые в истории капиталистических кризисов глубина теперешнего кризиса настолько велика, что она разрушила некоторую устойчивость международного денежного обращения, относительно достигнутую в период частичной стабилизации. Капиталистический мир снова ввергнут в период «валютного хаоса». Уже в середине декабря 1931 г., по данным Германского конъюнктурного института, 39 стран находились в состоянии глубочайшего валютного кризиса. В огромном числе стран был отменен золотой стандарт, в тех же странах, в которых формально осталась золотая валюта, последняя сохраняется лишь вследствие жесточайшего валютного регулирования, представляющего собой фактический отказ от свободного международного валютного обращения. Огромное число валют обесценено за время кризиса на 30—40%. Особенно сильно страдают от валютного кризиса колониальные и полуколониальные страны. Этот валютный кризис чрезвычайно ухудшает положение международной внешней торговли. Еще на II конгрессе Коминтерна Ленин, говоря о послевоенной инфляции, подчеркивал:

> «Тех торговых отношений, на которых держится при капитализме получение сырья и сбыт продуктов, нет возможности продолжать, нет возможности продолжать их именно на почве подчинения целого ряда стран одной стране—в с и л у и з м е н е н и я с т о и м о с т и д е н е г»[1].

[1] По данным цитируемого обзора Лиги наций.
[2] По данным цитированной работы «Рейхскредитгезельшафт», стр. 24.

[1] Л е н и н, т. XXV, стр. 337. Подчеркнуто нами. — *М. И.*

Обострение финансового кризиса находит и свое выражение в катастрофическом сокращении экспорта капитала. Известно, что «вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу» (Ленин). Теперь же за последние месяцы мы имеем почти полное прекращение экспорта капитала,—«этой решающей и специфической формы экономической связи между различными частями мировой капиталистической экономики» (программа Коминтерна). Приведем данные об экспорте капитала из трех важнейших стран вывоза капитала.

Экспорт капитала[1]

Годы	САСШ (млн. долл.)	Англия (млн. ф. ст.)	Голландия (млн. гульд.)
1928	1 251	106	318
1930	9J5	97	294
1931 (1-я полов.)	208	48	42
1931 (2-я полов.)	25	4	—
Итого за весь 1931 г.	234	47	42

Падение экспорта капитала оказывает катастрофическое влияние на международную торговлю, ухудшает положение стран-должников, углубляя в них промышленный и финансовый кризис. Комментируя это сокращение экспорта капитала, цитированный нами уже неоднократно обзор «Рейхскредитгезельшафт» подчеркивает: «Война, которая вспыхнула в прошлом году (1931 г.—*М. И.*) между кредиторами и должниками всех видов во всех странах, делает оживление товарообмена невозможным».

Углубление общеэкономического и финансового кризиса поставило перед всеми капиталистическими странами в качестве важнейшей проблемы необходимость добиться расширения экспорта товаров и сокращения импорта. Борьба за рынки сбыта приобрела за последние месяцы неслыханную остроту. Мы не имеем возможности здесь останавливаться на этой чудовищно обострившейся борьбе за рынки сбыта, росте протекционизма, введении всевозможных ограничений и т. д. Опубликованный недавно германским министерством народного хозяйства меморандум подчеркивает например следующее:

> «С середины 1931 г. имеет место прямо-таки ужасающее нарастание протекционистских мероприятий во всех странах. Дальнейшее обострение мирового экономического кризиса и вызванная этим потеря большинством эмиссионных банков мира имевшихся у них иностранной валюты и золотых запасов имели своим последствием то, что большое число государств предприняло меры к сокращению импорта для сохранения своих валютных запасов»[1].

В условиях этой неслыханной новой волны протекционизма, усиления борьбы за рынки идет дальнейшее ухудшение положения мирового капитализма, дальнейшее сокращение сбыта промышленности для отдельных капиталистических стран; в 1932 г. предстоит дальнейшее углубление кризиса.

На фоне упадка и кризиса мирового капитализма особенно ярко выступают успехи социалистического строительства в СССР. Вследствие быстрого роста размеров промышленной продукции СССР с одной стороны, и сокращения промышленного производства в капиталистических странах—с другой, растет удельный вес СССР в мировой промышленности. Если пользоваться условными подсчетами Германского конъюнктурного института, то можно считать, что удельный вес СССР в мировом производстве увеличился с 1928 г. примерно в 2½ раза. По размерам мировой продукции СССР в начале 1932 г. вышел на второе место, перегнав Англию, Францию и Германию (Еженедельный обзор Германского конъюнктурного института от 20 января 1932 г.). Но от этих общих подсчетов перейдем к рассмотрению роста удельного веса СССР в основных отраслях промышленности. Мы приведем сперва краткую таблицу об изменении удельного веса СССР в мировом производстве чугуна, стали, нефти.

[1] Данные взяты для САСШ за 11 месяцев из «Федерал Резерв Бюллетень», декабрь 1931 г., для Англии — «Экономист» от 26 декабря 1931 г., для Голландии — «Экономист» от 9 января 1932 г.

[1] «Обзор положений хозяйственно-политических отношений Германии в 1931 г.», Берлин 1931 г.

Удельный вес СССР в мировом производстве (в процентах)[1]

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Чугун . .	1,7	4,1	6,2	9,0
Сталь . .	2,1	3,9	5,9	10,5
Нефть .	6,4	6,6	9,5	1,4

В 1931 г. СССР по чугуну занял четвертое место, значительно перегнав Англию. Но в последние месяцы 1931 г. СССР перегнал по производству чугуна и Германию, выйдя на третье место в мировом производстве чугуна. В то же время за последние годы произошло значительное сближение уровней размеров производства между СССР и крупнейшими европейскими производителями чугуна и стали. Приведем таблицу об изменении абсолютных размеров производства чугуна и стали в отдельных странах.

Выплавка чугуна и стали (в миллионах тонн)

	Чугун		Сталь	
	1929 г.	1931 г.	1929 г.	1931 г.
САСШ	43,3	18,7	57,8	27,0
Германия	13,4	6,1	16,2	8,3
Франция	10,4	8,2	9,8	7,8
СССР	3,4	4,9	4,3	5,3
Англия	7,7	3,8	10,1	5,3

В 1932 г.—последний год пятилетки—перед советской металлургией стоит ответственнейшая задача—полностью выполнить план, намеченный для стали—9,5 млн. *т*, для чугуна—9 млн. *т*. 1932 г. должен выдвинуть СССР на второе место в мировой продукции стали и чугуна—этой основы индустриализации.

СССР в 1931 г. прочно занял второе место в мировом производстве нефти. В то время как все крупнейшие производители нефти показывают понижение добычи нефти за последние два года кризиса, СССР дает неуклонный рост, превышающий темпы, намеченные пятилеткой и обеспечившие в 1931 г. выполнение пятилетки по нефтяной промышленности в 2½ года. Следующая таблица о развитии добычи нефти характеризует изменения за последние годы.

[1] За 1928—1930 гг. данные взяты из последнего меморандума Лиги наций о мировой промышленности и торговли за 1925—1929—1930 гг., Женева, 1931 г. За 1931 г. данные вычислены нами на основе сводок, приведенных по мировому производству чугуна и стали в «Бергверксцейтунг» от 1 января 1932 г. и по нефти—«Экономист» от 26 декабря 1931 г.

Добыча нефти (в миллионах баррелей).

	1929 г.	1931 г.	1931 г. в проц. к 1929 г.
Мировое производство . . .	1 484	1 379	95
В том ч. САСШ	1 007	856	85
СССР	99,5	158	158
Венецуэла . . .	138	118	84

В области добычи угля мы имели за эти годы также значительный рост и увеличение удельного веса СССР в мировом производстве. По сравнению с 1913 г. добыча угля увеличилась в СССР почти в два раза, в то время как в главнейших капиталистических странах мировое производство теперь значительно ниже, чем до войны. В 1931 г. по добыче угля СССР занял четвертое место, перегнав Францию, что видно из следующей таблицы:

Добыча угля (в милионах тонн).

	1913 г.	1929 г.	1931 г.	1931 г. в процентах к 1929 г.
САСШ	517	549	397	72
Англия	292	261	222	85
Германия . . .	190	163	122	75
СССР	29,5	41,3	58,6	142
Франция . . .	40	55	51	93

В 1932 г. добыча угля в СССР должна составить 90 млн. *т* и таким образом дать огромный скачок по сравнению с истекшим годом.

Но наряду с количественным ростом производства в основных отраслях нашей социалистической промышленности успешное выполнение пятилетки означает огромные технические сдвиги внутри промышленности. Огромное значение получают новые для нас отрасли промышленности: невиданными темпами развиваются у нас машиностроение, электропромышленность, химическая промышленность, тракторостроение, автопромышленность—создается прочная база для дальнейшего грандиозного процесса индустриализациии, создаются условия для полного освобождения СССР от иностранной зависимости в отношении техники.

В то время как у нас тяжелая промышленность—промышленность средств производства—делает громадные успехи, в капиталистических странах, как мы видели выше, отрасли средств производства, и в первую очередь машиностроение, показывают особо резкое сокращение. Уже для 1930 г. имеются следующие любопытные сравнительные данные.

Если принять индекс производства машиностроительной промышленности в 1928 г. за 100, то для САСШ он составил в 1930 г. 61, для Германии—83, а для СССР—221[1]. В 1931 г., как известно, произошло дальнейшее сокращение производства машин в капиталистических странах. В СССР же продукция машиностроительной промышленности увеличилась в 1931 г. на 35% по сравнению с 1930 г., а в 1932 г. намечается дальнейшее повышение на 44%. Таковы пути советского машиностроения, идущего быстрыми шагами вперед, в то время как мировая капиталистическая машиностроительная промышленность все больше свертывает свое производство. Ярким примеров наших успехов является развитие тракторной промышленности. Созданная фактически за истекшие годы пятилетки тракторная промышленность дала в 1929 г. 4,5 тыс. тракторов, в 1931 г.—41,6 тыс. тракторов, а в 1932 г. предполагается выпустить 82 тыс. тракторов. СССР становится крупнейшим производителем тракторов в мире. В капиталистических странах углубление аграрного кризиса ведет к резкому падению спроса на сельскохозяйственные машины, в частности на тракторы. В 1931 г. в САСШ было выпущено всего 66 тыс. тракторов. Таким образом в 1932 г. СССР перегоняет САСШ по выпуску тракторов.

Бурный рост промышленного производства в СССР требует вложения огромных средств. С каждым годом растут капитальные вложения в народное хозяйство СССР и в частности в промышленность. За первые три года пятилетки было вложено в советскую промышленность 16 млрд. руб.; в 1932 г. будет вложено 10,7 млрд. руб., что составит за четыре года по всей промышленности вложений в размере 26,7 млрд. руб. «Это значит,—говорил т. Молотов на 2-й сессии ЦИК СССР,—что по капиталовложениям пятилетка выполняется за четыре года с удвоением. В этом—залог нашей окончательной победы, залог великого будущего социализма».

С этим грандиозным ростом наших капитальных вложений в промышленность, обеспечивающих бурный рост социалистической промышленности, интересно сопоставить данные о новых инвестициях в промышленности капиталистических стран. Приведенные нами выше цифры с достаточной ясностью говорят о том, что в условиях ухудшающегося положения промышленности капиталистических стран, усиливающегося финансового кризиса новые инвестиции в промышленности капиталистических стран упали до катастрофически низких размеров. Достаточно например указать, что новые эмиссии для металлургической, угольной и машиностроительной промышленности упали в Англии с 128,5 тыс. ф. ст. в 1930 г. до 67,58 тыс. ф. ст. в 1931 г.

Успехи индустриализации в СССР находят свое яркое выражение в росте удельного веса тяжелой промышленности в народном доходе. Если в 1928 г. удельный вес чистой продукции тяжелой промышленности составлял в народном доходе 11%, то в 1931 г. он поднялся до 16,9%, а в 1932 г.—до 19%. Внутри промышленности СССР все большее значение приобретает промышленность средств производства. В то время как в капиталистических странах упадок промышленности проявляется в уменьшении удельного веса промышленности средств производства,—в это время в СССР подлинный подъем индустриализации находит свое отражение в росте удельного веса тяжелой промышленности. Весьма любопытно сравнить данные по Германии, опубликованные недавно Германским конъюнктурным институтом, с данными по СССР.

Удельный вес промышленности средств производства в общей промышленной продукции

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
СССР	44,1	48,5	49,6	52,2
Германия	58,5	52,6	45,2	—

Несмотря на всю условность этих сравнений, они достаточно ярко демонстрируют разницу в тенденциях развития промышленности СССР и промышленности капиталистических стран.

Грандиозный размах нашего социалистического строительства ежегодно вызывает втягивание в производство новых миллионов трудящихся. В то время как в капиталистических странах с каждым годом, с каждым месяцем увеличивается армия безработных, у нас занятая армия трудящихся ежегодно увеличивается. Следующие цифры красноречиво говорят о росте числа рабочих и служащих в СССР за три года пятилетки.

[1] Цитированный меморандум Лиги наций, срт. 57.

Численность рабочих и служащих по СССР
(в миллионах)

1929 г.	1930 г.	1931 г.
12,4	14,4	18,6

В 1932 г. предполагается вовлечь еще новых 3 млн. человек, и таким образом число рабочих и служащих будет свыше 21 млн. человек. В капиталистических же странах происходит совершенно противоположный процесс. В Германии например число рабочих и служащих составляет примерно 21 млн. человек, но из них имели работу в конце 1931 г. только 16 млн. человек. В течение зимы 1932 г. даже буржуазные источники считают, что безработица вырастет минимум до 7 млн. человек, т. е. одна треть рабочих будет без работы.

Особенно быстрыми темпами растет у нас армия промышленного пролетариата. В 1929 г. число лиц, занятых в промышленности, составляло 3,4 млн. человек, в 1931 г.—5,4 млн. человек, в 1932 г.—6,2 млн. человек. В то же время в капиталистической Германии из 10 млн. промышленных рабочих в конце 1931 г. было занято в промышленности всего 6 млн. человек. Это значит, что по численности занятого пролетариата наша промышленность сравнялась теперь с высокоиндустриализованной Германией.

В то время как в капиталистических странах наряду с ростом безработицы идет непрерывное ухудшение жизненного уровня трудящихся, беспримерное наступление на заработную плату пролетариата,—в СССР идет непрерывный рост улучшения материального положения пролетариата. За два года кризиса заработная плата в Германии упала примерно на 36%, фонд заработной платы в САСШ сократился на 50% и т. д. В СССР заработная плата рабочих все время растет быстрыми темпами. На 2-й сессии ЦИК т. Молотов указывал, что с 1929 г. месячный заработок рабочей семьи увеличился у нас на 44%, причем в течение одного последнего года— на 18%. Особенно выросла заработная плата рабочих тяжелой промышленности. Так в металлургической промышленности заработная плата увеличилась за истекший год на 25—36%. Вместе с тем растет и фонд заработной платы. В 1931 г. фонд заработной платы достиг в СССР 21 млрд. руб., в 1932 г. он должен возрасти до 27 млрд. руб.

В то время как в СССР уже в четвертом году пятилетки заканчивается проведение 7-часового рабочего дня, в капиталистических странах мы имеем удлинение рабочего дня, наряду с неполной рабочей неделей и соответственным сокращением зарплаты. В СССР растут фонды социального страхования, увеличивается ассигнование на жилищное строительство, на культурное обслуживание, на здравоохранение и т. д. В капиталистических странах из года в год идет резкое снижение всех расходов—на школы, на больницы, на жилищное строительство. Остановимся хотя бы на последнем. В СССР, как известно, с каждым годом бурно расширяется жилищное и коммунальное строительство. В 1932 г. по всем видам жилищного строительства будет вложено 1942 млн. руб. и в коммунальное строительство—950 млн. руб. В Германии же например объем строительства составил в 1931 г. 4 млрд. марок против 7 млрд. марок в 1930 г. и 9 млрд. марок в 1929 г., т. е. за два года кризиса строительство сократилось таким образом более, чем вдвое. Приведя эти данные, обзор германского «Рейхскредитгезельшафт» замечает: «На какое-либо оживление в этой области в ближайшем будущем вряд ли можно рассчитывать. Трудности финансирования, падение доходов, огромное сокращение спроса на квартиры делают увеличение строительной деятельности невозможной».

Мы не имеем здесь возможности подробно анализировать развитие сельского хозяйства у нас и в капиталистических странах. В СССР, на базе успешной коллективизации сельского хозяйства, охватившей свыше 60% всех крестьянских хозяйств, на базе социалистического переустройства сельского хозяйства имеет место бурный рост последнего, имеет место рост доходов колхозного крестьянства. Например по данным Наркомфина доходы крестьянства от реализации продуктов сельского хозяйства и от неземледельческих заработков увеличились за истекший год по сравнению с 1930 г. с 12 млрд. руб. до 16 млрд. руб. В капиталистических странах углубляющийся аграрный кризис ведет к деградации сельского хозяйства, к резкому уменьшению доходов сельского хозяйства, вызывает массовое разорение середняцких и бедняцких хозяйств.

Общий подъем народного хозяйства Советского союза находит свое яркое

выражение в огромном росте народного дохода. С 1929 по 1931 г. народный доход СССР увеличился на 32%, в то время как в Германии за эти годы, как мы указывали уже выше, народный доход сократился на 21—34%, в Англии—на 12% и т. д. В 1932 г. в СССР будет иметь место дальнейшее огромное повышение народного дохода на 29,8%, что даст в абсолютных цифрах повышение с 38 млрд. руб. до 49 млрд. руб. Наряду с ростом народного дохода быстро растет удельный вес социалистического сектора в народном доходе. Если в 1928 г. на социалистический сектор падало 53%, а в 1931 г.—82%, то в 1932 г. социалистический сектор будет занимать в народном доходе 91%.

Растет народный доход СССР, вместе с тем растет удельный вес дохода трудящихся. Если доля рабочих в народном доходе составляла в первом году пятилетки 32%, то в 1932 г. она подымется до 47%. Доходы колхозника за этот период увеличились с 1 до 30%. В капиталистических же странах, наряду с общим сильным падением народного дохода, в гораздо более значительной степени падают доходы трудящихся. Если например в Германии народный доход уменьшился за два года кризиса на 23—34%, то доход промышленного пролетариата уменьшился на 40%. То же самое имеет место и в других капиталистических странах. Уже на XVI съезде партии т. Сталин говорил:

> «В то время как в передовых капиталистических странах доля эксплоататорских классов в народном доходе составляет около 50%, а то и больше того, у нас, в СССР, доля эксплоататорских классов составляет не более 2% народного дохода...
>
> Но если в СССР в 1929/30 г. всего лишь около 2% народного дохода перепадает на долю эксплоататорских классов, то куда девается остальная масса народного дохода?
>
> Ясно, что она остается в руках рабочих и трудящихся крестьян.
>
> Вот где источник силы и авторитета советской власти среди миллионов рабочего класса и крестьянства»[1].

Опираясь на растущие успехи социалистического строительства, СССР ставит перед собой в 1932 г. выполнение грандиозных задач в деле завершения пятилетки в четыре года.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 669.

Борьба за революционный выход из кризиса и задачи пролетариата СССР.

Мрачны перспективы мирового капитализма. Все чаще и чаще со страниц буржуазной печати, из уст буржуазных деятелей слышатся высказывания, полные пессимизма, полные тревоги за будущность капиталистической системы. Но было бы совершенно неправильным, извращающим действительность, приписывать всей буржуазии исключительно сумрачные настроения, считать, что капиталисты сложа руки ждут своей гибели. Такая характеристика теперешней буржуазной экономической мысли иногда проскальзывает и на страницы нашей печати. Между тем такая оценка буржуазной мысли фактически тесно связана с теориями «автоматического» краха капитализма, с теориями, что из теперешнего мирового экономического кризиса для буржуазии нет выхода. Известно, что эта теория «автоматического» краха капитализма, которую в свое время пыталась теоретически обосновать Роза Люксембург, что эта теория, подхваченная теперь «левыми» социал-демократами, не имеет ничего общего с марксизмом и ленинизмом. Известно, что Маркс и Ленин всегда подчеркивали, что капитализм может быть свергнут пролетариатом только в революционной борьбе, что «автоматически» капитализм сам не погибнет.

Когда теперь «левые» социал-демократы и троцкисты проповедуют теорию об «автоматическом» крахе капитализма, то они стремятся этой теорией ослабить волю пролетариата к революционной борьбе, призывают его к пассивности, стремятся разоружить пролетариат. Нельзя мобилизовать рабочие массы на революционные выступления, если одновременно проповедывать, что капитализм сам, «автоматически», идет к гибели. Вот почему разоблачение этих контрреволюционных теорий является важнейшей задачей всех секций Коммунистического интернационала.

Буржуазия бешено ищет выхода из кризиса. Она далека от мысли, чтобы поставить крест над капиталистической системой. Пессимистические высказывания, различные мрачные пророчества виднейших деятелей буржуазии очень часто являются лишь дымовой завесой, под прикрытием которой буржуазия той

или иной страны хочет получить уступки от другой страны, или являются лишь агитационной подготовкой для очередного наступления на рабочий класс и трудящихся колоний.

Для очередного обмана масс социал-фашисты снова вытаскивают теорию «организованного» капитализма в ее разновидности госкапитализма. Мероприятия капиталистических правительств по поддержке обанкротившихся банковских и промышленных монополий, различные формы субсидий этим предприятиям за счет налогоплательщиков, чрезвычайные декреты о понижении зарплаты и социального страхования в Германии и т. д.— социал-фашисты объявляют госкапитализмом, «высшей формой хозяйствования, осуществлением социалистических идеалов» (Гильфердинг). Это восхваление капиталистического государства тесно связано с отвратительнейшей клеветой социал-фашистов на СССР, с попытками очернить социалистическое строительство в СССР в глазах западноевропейского пролетариата. Не приходится и говорить, что это новое издание теории «организованного» капитализма имеет целью задержать революционный подъем пролетариата, стремится обезоружить пролетариат, помочь буржуазии разбить революционный фронт. Эти контрреволюционные социал-фашистские теории госкапитализма так же как в свое время теория «организованного» капитализма в целом, находят свой резонанс у наших правых оппортунистов, не понимающих классовой сущности всех новейших мероприятий капиталистических государств. Борьба против этой «новейшей» социал-фашистской теории, против подобных же правооппортунистических теорий внутри Коминтерна должна вестись с неослабеваемой силой.

Буржуазия ищет выхода из кризиса за счет своих конкурентов, за счет пролетариата, за счет трудящихся колоний, за счет СССР.

Разорение в результате банкротства сотен мелких и средних капиталистов, банкротства отдельных крупнейших капиталистических монополий являются следствием углубляющегося кризиса. Но в то же время это создает для других отдельных капиталистов возможность экспансии за счет своих «менее счастливых» соперников, создает условия для дальнейшей концентрации капитала, для усиления мощи отдельных магнатов капитала.

В бешеном наступлении на рабочий класс буржуазия ищет возможность создать условия для снижения издержек производства, создать условия для увеличения рентабельности капиталистических предприятий, создать предпосылки для возможности рентабельной инвестиции новых капиталов в промышленность.

Но бешеное наступление буржуазии встречает все больший революционный отпор со стороны мирового пролетариата. Углубление кризиса, расшатывание капиталистической системы ведет к быстрому нарастанию предпосылок революционного кризиса в ряде стран. В этом революционизировании мирового пролетариата все большее значение приобретает факт огромных успехов социалистического строительства в СССР. Анализируя эти успехи, расширенный президиум ИККИ в феврале 1930 г. подчеркивал в своей резолюции: «Не может быть сомнения, что все это, изменяя соотношение сил двух мировых хозяйственных систем в пользу международного социализма, делает СССР еще больше, чем до сих пор, могучим фактором углубления кризиса капитализма, революционизирования пролетариата и вообще эксплоатируемых масс всего мира». Чем больше углубляется кризис, чем больше растут безработица, нищета, голод среди рабочих капиталистических стран, чем, с другой стороны, быстрее растут наши успехи, тем с большей надеждой смотрит мировой пролетариат на СССР, тем больше он убеждается, что единственным выходом для него является свержение капитализма. Все это «делает СССР центром притяжения рабочих всех стран и угнетенных всего мира. Революционизирующее значение Советского союза, растет, СССР крепнет как база международного социализма»[1].

Кризис обостряет до высших пределов все империалистические противоречия. В связи с этим усиливается опасность интервенции против СССР, усиливается антисоветская деятельность империалистических держав. Борьба против интервенционных действий мировой буржуазии неразрывно связана с революционной борьбой пролетариата за свержение капитализма. Попыткам мировой буржуазии найти выход из кризиса на капиталистических путях пролетариат капи-

[1] Из резолюции XVII Всесоюзной партконференции по докладам тт. Молотова и Куйбышева на XVII партконференции.

талистических стран противопоставляет революционный выход из кризиса—свержение капитализма. В этой борьбе на СССР ложится ответственнейшая задача, которая была подчеркнута т. Сталиным в речи на конференции работников промышленности: «Мы должны,—говорил т. Сталин,—двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество,—они делают свое дело, наше дело—хорошо,—поддержим их против капиталистов и раздуем дело мировой революции»[1].

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 748.

„Развитие классовой борьбы в условиях дальнейшего развертывания мирового экономического кризиса ставит широчайшие трудящиеся массы перед решающим выбором: или диктатура буржуазии — или диктатура пролетариата; или экономическое и политическое рабство — или конец капиталистической эксплоатации и угнетению; или колониальный гнет и империалистические войны — или мир и братские отношения между народами; или капиталистическая анархия и кризисы — или исключающая анархию и кризисы социалистическая система хозяйства". (Из резолюции XI пленума ИККИ.)

Р. Науман

Противоречия капитализма в свете кредитного и валютного кризиса

(«Коммунистический интернационал» № 4 1932 г.)

Охвативший за последнее полугодие весь капиталистический мир грандиозный кредитный кризис обнаруживает крайнее заострение всех противоречий капиталистического хозяйства, являя собою результат их и ускоряя дальнейшее их заострение. В результате этого неслыханного обострения и углубления всех противоречий капитализма современный кредитный кризис приобретает целый ряд новых специфических характерных черт, которые еще не были присущи прежним кредитным кризисам. Мы наблюдаем в нынешнем кредитном кризисе такое же явление, как в современном мировом экономическом кризисе, часть которого составляет кредитный кризис, протекая всецело под знаком всеобщего кризиса капитализма, выявляя новое его содержание и сообщая ему целый ряд новых форм проявления.

Позднее возникновение кредитного кризиса

Характерной особенностью, тотчас же бросающейся в глаза, является **крайне позднее возникновение кредитного кризиса.** Основную причину этой оттяжки кредитного кризиса надлежит искать прежде всего в более высоком по сравнению с довоенным временем развитии монополии. Мощь финансовой олигархии империалистических держав значительно возросла, и вместе с тем усилились средства, с помощью которых международная финансовая олигархия пытается преодолевать мировой экономический кризис вообще и кредитный кризис в частности, и все тяготы кризиса перелагать на всех других, более слабых. Эта упорная отчаянная борьба финансовой олигархии против кри-

зиса, разумеется, не могла воспрепятствовать его возникновению, а, наоборот, приводила лишь к затягиванию, углублению и еще большему расширению мирового экономического кризиса. То же относится и к кредитному кризису. На ход кредитного кризиса в немалой степени влияли эти попытки финансового капитала преодолеть мировой экономический кризис. Все меры для преодоления кризиса в области товарооборота и для борьбы со снижением цен, меры финансового капитала, направленные в первую очередь к тому, чтобы воспрепятствовать посредством политики картелирования и покровительственных пошлин падению цен на продукцию монополистических организаций; отчаянные попытки удержать высокие цены на железо, уголь, сталь и другие товары, производимые картелями, трестами, синдикатами посредством обязательных цен, соглашений, ограничений, принудительных квот и т. д.; затем многократные попытки предотвратить падение цен на сельхозпродукты, все старания удержать цены на хлеб со стороны «Рейн стабилизейшен корпорейшен» в САСШ, пшеничной монополии в Канаде; старания американского фермерского бюро удержать цены на хлопок, шерсть и другие сельхозтовары; взвинчивание хлебных пошлин в Германии, Австрии и т. д.; попытки удержать на высоком уровне цены на кофе, сахар и т. д.,—словом, все эти попытки удержания цен на высоком уровне путем займов, авансов, субсидий, скупки продуктов государством, уничтожения товаров (которые сжигались, выбрасывались в море и т. д.), все эти попытки и мероприятия остались безуспешными. Они не могли прекратить снижения цен; удавалось лишь модифицировать этот процесс, оттягивать падение цен на отдельные товары, производимые мощными монополистическими объединениями, и замедлять падение цен на другие товары, но это—за счет ускоренного и еще более грандиозного снижения цен всех других товаров, в первую очередь товаров мелких и мельчайших производителей города и деревни. Все эти мероприятия финансового капитала означали лишь, в результате модификации движения цен на различные товары, перераспределение кризисных тягот, иначе говоря—сваливание всего бремени кризиса с сильной капиталом финансовой олигархии на плечи слабых капиталом мелких товарных производителей города и в первую голову деревни, как и на плечи производителей сырья в колониях. Цены на целый ряд товаров, производство которых сосредоточено в руках финансовой олигархии, понизились в самой минимальной степени. Так например в Германии цены на каменный уголь понизились лишь на 9%, на чугун—на 8%, тонкую жесть—на 6%, цемент—на 7%, бензол—на 9% и т. д.

Этому минимальному снижению картельных цен на многие товары, сосредоточенные в руках финансового капитала, противостоит прямо-таки катастрофическое падение мировых цен на сельхозпродукты империалистических государств и колоний. Еще до кризиса цена пшеницы понизилась на 48%, хлопка—на 44%, шерсти—на 56%, сахара—на 65%, каучука—на 90%, баранины—на 32% и т. д. и т. д. Во время же кризиса цены продолжали падать усиленным темпом: цена пшеницы упала еще на 38%, хлопка—еще на 56%, шерсти—на 39%, сахара—на 15%, баранины—на 22%, каучука—на 66% и т. д. Это катастрофическое падение цен повергает трудящиеся крестьянские массы империалистических стран и колоний в неслыханную нужду и бедствия. Невиданные, все учащающиеся массовые банкротства, задолженность, продажа имущества с торгов и т. д., с одной стороны, обогащение и укрепление позиций наиболее мощных кругов финансового капитала, ростовщиков, спекулянтов, банкиров и т. д.—с другой,—таковы были неизбежные последствия этой политики финансового капитала, пытавшегося преодолеть мировой экономический кризис и предотвратить возникновение кредитного кризиса. Это растущее обнищание трудящихся масс в результате должно было, естественно, вместо предотвращения кредитного кризиса привести к дальнейшему глубокому подрыву кредитной системы и к еще более резкому обострению кредитного кризиса.

Все попытки финансового капитала задержать падение цен всякими мерами, предоставление займов, субсидий и т. д. со стороны государства одновременно означают конечно дополнительные затраты государства на преодоление кризиса и тем самым переложение всех расходов, связанных с этими попытками, через налоговую систему на массы трудящегося населения.

Одновременно происходило колоссальное обогащение наиболее мощных групп финансовой олигархии в результате того, что они под шумок за бесценок поглощали бесчисленное количество обанкротившихся или очутившихся накануне банкротства предприятий путем различных слияний и других мероприятий. Состоявшийся в 24 часа переход «Австрийского общества земельного кредита» в руки Кредитанштальт, грандиозное слияние банков в САСШ, скупка заправилами «Юнайтед стиль» и «Бэтлегем стиль» независимых до сих пор железоделательных заводов, образование «Республиканской стальной компании», аналогичный процесс скупки самостоятельных до того времени предприятий «Ферейнигте штальверке» в Германии, соглашение между компанией «Гамбург—Америка» и Северогерманским Ллойдом, экспансия Ланкаширской хлопчатобумажной компании в Англии, переход «Нейшенел сити банк» в руки «Банк оф Америка» и тысячи других слияний в различных капиталистических государствах—все это в громадном большинстве случаев означает не спасение гибнувших предприятий от банкротств, но во всех почти случаях это означает прикрывание банкротства поглощаемых предприятий, гибель которых зачастую даже ускоряется поглощающими элементами финансового капитала. Но прежде всего это методы обогащения сильнейших групп финансовой олигархии, методы укрепления их позиции внутри капиталистического мира за счет гибели других. Эти методы дают наиболее мощным частям финансовой олигархии возможность в еще большей степени устранять конкурентов, увеличивать свои силы, развертывать шире свою продукцию, если капитализму удастся преодолеть этот мировой экономический кризис. А пока это поглощение означает—и это важнейший фактор подготовки кредитного кризиса—сильнейшее переобременение финансового капитала мертвым капиталом, переобременение предприятиями, которые при всех производственных возможностях в будущем все же в настоящий момент вынуждены полностью или частично бездействовать. Таким образом процесс этот представляет собою для финансового капитала обогащение за счет временного замораживания новых добавочных капиталов, потенциальное укрепление своих позиций за счет их непосредственного абсолютного ослабления. Вместе с тем это временное замораживание подлежащих поглощению капиталов представляло собою новый момент подготовки кредитного кризиса. Прав был т. Варга, когда в своем квартальном обзоре писал:

> «Отсюда многочисленные «фузии» предприятий во время кризиса, фузии, которые в большей части представляют собою замаскированные банкротства. Отсюда — массовые банкротства мелких предприятий и тесно связанных с ними мелких сельских хозяйств в САСШ».

Но он не прав, прибавляя далее, что отсюда проистекают «банкротства отдельных, стоящих за пределами внутреннего круга финансового капитала банков, но не всеобщий кредитный кризис в старом смысле».

Сейчас наблюдаются не только банкротства отдельных, стоящих за пределами внутреннего круга финансового капитала банков, сейчас наблюдается также и банкротство значительных участков этого внутреннего ядра финансовой олигархии, как это например доказывает крах Данатбанка, третьего по величине банка в Германии, Дрезденского банка, тоже одного из крупнейших кредитных учреждений, крупнейшего австрийского банка—Кредитанштальт, Национального кредитного банка, четвертого по величине во Франции, «Унион Паризьен», Меридиального банка, Синдикального банка в Париже, банкирского дома Шиль и К°, крупнейшего частного банка Эстонии, Банка Коммерчиале, крупнейшего банка Италии, и многих других банков. И сейчас уже наблюдается всеобщий кредитный кризис в общем смысле, только еще более резкий и глубокий, чем все предыдущие кредитные кризисы.

Дальнейшим важным фактором в оттяжке кредитного кризиса явились различные государственные мероприятия для предотвращения банкротства банков и крупнейших предприятий финансовой олигархии (Данатбанк, Дрезденский банк, Кредитанштальт, Банк Коммерчиале и т. д.). Но все это—меры, предпринимаемые государством на службе финансовой олигархии для укрепления ее позиций, причем средства для этого должны доставить налогоплательщики, т. е. в первую голову трудящиеся массы. Таким образом все эти мероприятия способствуют дополнительно еще большему обнищанию трудящихся масс и тем самым оття-

гиванию кредитного кризиса за счет дальнейшего углубления противоречий, обусловивших кредитный кризис.

Мы видим таким образом, что современное развитие капитализма в результате усиленного развертывания монополии и увеличивающейся благодаря этому мощи финансовой олигархии таило в себе возможность отсрочить, оттянуть возникновение кредитного кризиса путем максимального переложения кризисных тягот по возможности на все другие, более слабые слои при одновременном расширении позиции более мощной части финансового капитала. Таким образом отсрочка происходила за счет дальнейшего обострения и углубления всех противоречий капиталистического хозяйства, неся тем самым развитие дополнительных, обостряющих кредитный кризис факторов. Тем шире, тем больше должны были быть размах, острота и глубина кредитного кризиса после его возникновения.

Состав кредитов

Другая характерная черта настоящего кредитного кризиса, выявляющая общее обострение всех противоречий капитализма в эпоху всеобщего кризиса капитализма, кроется в самом составе кредитов. Соотношение между долгосрочными и краткосрочными кредитами существенно изменилось. Масса краткосрочных кредитов относительно возросла, долгосрочных—понизилась. С точки зрения противоречий капитализма и прежде всего в свете классовой борьбы это означает: буржуазия страшится за будущее, она опасается на долгое время вкладывать свои капиталы, в особенности же в таких странах, как Германия, Польша и т. д., где классовые противоречия дошли до крайнего обострения. Поэтому буржуазия старается по возможности предоставлять лишь краткосрочные кредиты. В то время как до войны в Германии только 15% всех кредитов были краткосрочными, а 85% составляли долгосрочные кредиты, в 1930 г. было уже 35% краткосрочных кредитов и только 65% долгосрочных.

До мировой империалистической войны международное движение капиталов имело место почти исключительно в форме долгосрочных кредитов. Сейчас наряду с долгосрочными наблюдается сильнейшее движение краткосрочных кредитов. По вычислениям специалистов эти международные краткосрочные кредиты за последнее время составляли примерно 50 млрд. марок, тогда как до войны они равнялись нулю. У одной только Германии имеется на 12 млрд. краткосрочных долговых обязательств за рубежом. Франция предоставляет иностранные кредиты почти исключительно в форме краткосрочных кредитов, достигающих громадной суммы—примерно в 60 млрд. фр. Краткосрочные кредиты САСШ за рубежом достигают примерно 3 млрд. долл. и т. д.

Спекулятивные и гораздо менее солидные краткосрочные кредиты во все возрастающей степени заменяют спокойные и солидные долгосрочные кредиты, все более выявляя всеобщую возрастающую тревогу, неуверенность и непрочность послевоенного капитализма. Капитал спасается бегством из области производства, ударяется в спекуляцию, все нагляднее и резче обнаруживая паразитический характер финансового капитала. Краткосрочные кредиты—главный козырь в настоящий момент. Кто сейчас, во время кризиса, располагает наибольшей суммой краткосрочных кредитов, тот может оказывать максимальный экономический и политический нажим, обогащаясь за счет других, расширяя и укрепляя свои позиции. Кто располагает большой суммой, долгосрочными кредитами, тот оказывается в самом тяжелом положении; поскольку все эти кредиты заморожены, тот вынужден зачастую итти на дополнительные уступки. Таким образом противоречия еще более обостряются.

Эта колоссальная масса краткосрочных кредитов вместе с тем является и одной из важнейших причин крушения кредитной системы целых стран. Достаточно только краткосрочным кредитам — при нынешнем всеобщем замораживании долгосрочных кредитов—отхлынуть, причем даже не в очень больших размерах, из какой-нибудь одной страны, чтобы это повело к самым тяжелым хозяйственным заминкам и всеобщему краху кредитной системы.

Англия например оказалась в самом затруднительном положении и потому, что не была в состоянии собрать—по существу ничтожную для могучего Альбиона—сумму в 250 млн. ф. ст., которая понадобилась для покрытия ее краткосрочных зарубежных долгов, хотя сама она предоставила загранице кредитов,

правда долгосрочных, на сумму в 4 млрд. ф. ст. Достаточно извлечь из Германии, Австрии и т. д. даже небольшие суммы краткосрочных кредитов, чтобы вызвать в этих странах величайшие затруднения.

Золотой паритет

Другой важный фактор, в значительной степени благоприятствовавший построению мощного здания международного кредита, но тем самым подготовивший его колоссальный крах, заключается в так называемом Cold Exhange Standard, т. е. в обеспечении валюты золотом и иностранными девизами. Если до мировой войны минимальное покрытие валюты в различных странах состояло исключительно из золота, то после войны оно в большинстве стран состоит из золота и золотых девизов. Многие государства после мировой войны оказались не в состоянии накопить достаточный золотой запас для покрытия валюты. Недостающая часть золота была в силу этого заменена так называемыми золотыми девизами, т. е. такой валютой, как доллар, фунт стерлингов и т. д., которые можно было бы в любое время превратить в золото и которые и в международных расчетах принимались вместо золота. Другие государства в свою очередь значительную часть золота, которая до войны шла на минимальное покрытие бумажного обращения, отдали взаймы другим государствам и госбанкам, дабы оно не лежало «бесполезно», т. е. не принося никаких процентов, в погребах собственных госбанков. За границей это золото шло на покрытие выпуска валюты данной страны, тогда как внутри самой страны эта недостающая для покрытия выпуска часть золотых запасов заменялась «твердыми» иностранными валютами, так называемыми золотыми девизами, как доллар, фунт стерлингов и т. д.

Эмиссию бумажных денег таким образом можно было значительно увеличить по сравнению с довоенным временем, еще смелее воздвигая здание кредита, еще более расширяя производство, еще сильнее заостряя конкуренцию и способствуя усиленной спекуляции. Масса фиктивного капитала раздувалась еще более, подготовляя колоссальный крах всей кредитной системы.

Крах валюты многих государств, прежде всего английского фунта стерлингов, неизбежно должен был крайне ускорить темпы крушения всей кредитной постройки, поскольку именно английская валюта была одним из тех важнейших девизов, которые служили для покрытия и обеспечения валюты многих других стран. И конечно различные банки старались всеми силами спихнуть свои запасы девизов, в первую голову английских, и превратить их в золото, еще более обостряя тем самым противоречия между различными капиталистическими странами. Потери при сброске валюты во многих случаях были немаловажны. До чего дошла потеря доверия к валютам различных государств, можно судить по тому, что даже в САСШ и во Франции вкладчики и т. д. во все большей степени теряют доверие к своей собственной валюте, вынимают свои вклады из банков, превращая их в золото, и тем самым способствуют ускорению краха всей кредитной системы.

Государство пытается спасать кредитную систему

Длительная, упорная и энергичнейшая борьба финансового капитала сначала против возникновения кредитного кризиса, а сейчас за преодоление его выявляет кроме того небывалое сращивание финансовой олигархии с государством, неслыханное **использование госаппарата финансовой олигархией для спасения кредитной системы**. При этом конечно все издержки по «спасению» снова перелагаются на плечи трудящихся масс. В Австрии уже при первых попытках «оздоровления» Кредитанштальта, потребовавших 160 млн. шилл., государству пришлось ассигновать 100 млн. шилл., а Австрийскому национальному банку—30 млн. шилл. для спасения Кредитанштальта, тогда как банкирскому дому Ротшильда, которому он принадлежит, достаточно было дать на это дело 30 млн. шилл. Все расходы по санации австрийского Кредитанштальта обошлись государству не более не менее, как в 700 млн. шилл. Кроме того государство должно было взять на себя гарантию кредитов этого банка на сумму свыше миллиарда. При оздоровлении Данатбанка, после его банкротства, Германии пришлось взять на себя гарантию за вклады и поручиться за выполнение всех вексельных и акцептных обязательств банка. Что это значит, можно себе пред-

ставить хотя бы по тому, что к моменту санации претензии кредиторов к банку составляли еще 1,3 млрд. марок. Далее государству в то же самое время пришлось перенять на 300 млн. привилегированных акций Дрезденского банка,—иными словами, банку была предоставлена дополнительная субсидия в 300 млн., чтобы предотвратить крах. Таким путем акционерный капитал Дрезденского банка сразу со 100 млн. увеличился до 400 млн., т. е. в 4 раза. Состоявшееся в то же время равносильное полной фузии (слиянию) объединение Всеобщего германского кредитного общества с Саксонским госбанком означает достигнутый одним росчерком пера переход частного банковского предприятия в руки государства. Аналогичную картину мы видим сейчас в крупнейшем итальянском банке: Банк Коммерчиале. Этот банк вынужден во избежание полного банкротства ликвидировать все свое имущество в промышленных ценностях, причем эти акции промышленных предприятий стоимостью примерно в 3 млрд. лир скупает не частный рынок, так как это невозможно, а фактически перенимает государство. Банк идет по пути, уже не раз испытанному в Италии,—по тому пути, по которому пошли и банки многих других стран. Аналогичную картину мы видим в большинстве других капиталистических государств.

За последнее время финансовая олигархия также прибегает к таким мерам относительно потерь, понесенных из-за падения курса валюты. Голландский национальный банк, которому падение курса фунта стерлингов причинило значительные убытки, принудил государство перенять весь портфель английских девизов по номинальному курсу. То же самое несомненно предпримет Французский кредитный банк. Это—путь национализации долгов государством, иначе говоря,—переложение всех задержек по «оздоровлению» финансов на трудящиеся массы города и деревни, из которых государство вынуждено конечно выколачивать эти средства в интересах «бедствующих» финансовых магнатов. Тут мы имеем дело с одной из тончайших форм ограбления трудящихся масс финансовым капиталом посредством рационального использования госаппарата для спасения разваливающегося кредитного здания. Социал-фашисты всех стран конечно тут как тут: своей теорией государственного капитализма—этим новейшим изданием теории организованного капитализма—они восхваляют этот разбойничий поход финансового капитала на трудящихся города и деревни с помощью государства как новый путь к социализму, по которому должны итти трудящиеся массы. Это—очень ловкая и и искусная маскировка борьбы за капиталистический выход из кризиса, и необходимо приложить все усилия для разоблачения этой социал-фашистской попытки.

Происходит колоссальный крах кредитной системы. Крах этот еще далеко не достиг своего кульминационного пункта. Кредитная система целого ряда стран рушилась. Во многих штатах САСШ не осталось ни одного кредитного учреждения: закрылись все банки. Австралия, Бразилия, Чили и другие страны вынуждены объявить государственное банкротство. Германия, Австрия, Венгрия и т. д. фактически тоже обанкротились. Приходится предоставлять им один мораторий за другим во избежание открытого банкротства всей кредитной системы этих стран. Англия и САСШ не в состоянии мобилизовать даже ничтожную долю своих зарубежных кредитов, исчисляемых миллиардами, так как они заморожены.

Международная борьба финансовой олигархии

Далее разразившийся кредитный кризис сопровождается неслыханной отчаянной борьбой финансовой олигархии могущественнейших империалистических держав из-за того, кому больше всех поживиться на этом крахе, кому больше всех ограбить мир и кому нести наибольшие тяготы кризиса. Никогда еще кредитная система не была таким гигантским орудием финансового капитала в его международной борьбе за мировое господство, за право эксплоатации всего остального мира, как именно теперь. И если во время прежних кризисов кредитная система прежде всего была орудием для ограбления финансовым капиталом трудящихся масс своей страны, то сейчас эта кредитная система является в небывалом масштабе орудием ограбления всего мира все уменьшающейся горсткой финансовой олигархии могущественных империалистических держав. Достаточно к примеру

припомнить хотя бы только события последних месяцев, чтобы убедиться, как в настоящий момент французская финансовая олигархия использует свою экономическую мощь для ограбления всего мира.

Между прочим это происходит и в силу того обстоятельства, что Франция после войны почти не предоставляла загранице долгосрочных кредитов, а только преимущественно краткосрочные кредиты. Именно оружием этих кредитов Франция принудила германский и австрийский империализм отказаться от проекта австрогерманского таможенного союза. Силою того же оружия она принудила Англию отказаться от поддержки Германии и в вопросе о таможенном союзе. Точно так же она скрестила оружие и с САСШ (совещание Гувера—Лаваля), чтобы еще более расширить и укрепить свое преобладание в Европе, еще полнее подчинить Германию экономически и политически французскому империализму и вовлечь ее в качестве послушного орудия в антисоветский фронт. Силою этого оружия Франция диктует свою волю вассалам—Польше, Румынии, Латвии, Чехо-Словакии, натравливая их друг на друга и против Германии, Австрии, Италии, но прежде всего—против СССР. К такому оружию прибегает в борьбе не только французская финансовая олигархия, но и финансовая олигархия всех других стран, в первую голову САСШ, Англии и Японии. Кто умеет как можно дольше оттягивать крах кредитной системы, кто наловчился сваливать все последствия краха на других, тот и отхватывает себе максимальное право преимущественной эксплоатации трудящихся масс всего мира.

Борьба за золото

Другое сопутствующее явление грандиозного международного кредитного кризиса—это гигантская борьба империалистических государств за золото.

Как только образуется заминка в товарном обращении, как только начинают падать товарные цены, рушится, кредитная система, начинается падение курса валют,—каждый старается захватить золото, это воплощение общественного богатства. Развертывается яростная борьба за золото, принимающая тем более резкие формы, чем сильнее потрясения, испытываемые буржуазным обществом. В такую пору всеобщим товаром признается только золото, за которым начинается всеобщая погоня. Причем во время всеобщего краха наиболее укрепить свои позиции в капиталистическом хозяйстве за счет других сумеет тот, кому удастся захватить наибольшую часть этого всеобщего товара. Никогда не бывало такой титанической борьбы между финансовой олигархией всего мира за раздел мирового запаса золота, как теперь, и никогда еще мир не видал такого неравномерного распределения мировых запасов золота между финансовой олигархией империалистических держав, как теперь, в течение этого кредитного кризиса.

Почти две трети всего мирового золота сосредоточены в руках финансовой олигархии САСШ и Франции, которая сумела в настоящий момент наиболее упрочить свои позиции на основе своей экономической мощи. Эта жесточайшая международная борьба за золото представляет собою одну из важнейших форм борьбы финансовой олигархии могущественнейших империалистических держав за мировое господство, борьбу за воплощенную в золоте общественную мощь, которая таким образом становится могуществом маленькой горстки финансовых магнатов могущественнейших империалистических государств.

Одновременно эта же финансовая олигархия принуждена защищать добытые ею тяжелой борьбой золотые сокровища от натиска миллионов других производителей, которые тоже пытаются упрочить за собой эту фаустовскую находку общественного богатства, которые атакуют банки, чтобы изъять оттуда свои вклады и превратить их в деньги. Так в новых формах выявляются противоречия между финансовой олигархией и всеми другими производителями, прежде всего простыми товаропроизводителями. Изъятие золота из потока денежного обращения принимало уже порою массовый характер в САСШ, во Франции, в Швейцарии, т. е. в странах, где еще ассигнации на внутреннем рынке обмениваются на золото. На протяжении последнего очень короткого промежутка времени частные лица изъяли из американских банков примерно 1 млрд. долл. золотом. Во Франции, где ассигнации обмениваются на золото только при крупных суммах, развилась новая форма спекуляции золотом: появились спекулянты-менялы, которые изымают в большом количестве золото

из банков и затем за соответствующее вознаграждение обменивают мелким вкладчикам на ассигнации. Всеми силами финансовая олигархия каждого государства защищает свое золото от натиска всех других производителей, прибегая, когда исчерпаются все средства, к последнему средству: к использованию государства для запрещения обмена бумажных денег на золото. В настоящее время лишь в очень немногих странах продолжается обмен ассигнаций на золото.

И точно так же финансовая олигархия защищает свои «золотые девизы» от всех других, покушающихся на них. Постановления о девизах в различных странах— в Австрии, Германии, Англии и десятках других стран—являются не только орудием в руках финансового капитала для обеспечения валюты данной страны, но они в то же время являются его орудием в национальной и международной конкурентной борьбе. Как орудие финансового капитала эти постановления о девизах прежде всего направлены против производителей, которые лишаются возможности закупать за границей сырье для своих предприятий, так как либо совсем не получают валюты, либо получают во вторую очередь. В первую же очередь самоснабжается валютой финансовая олигархия, чтобы закупать сырье за границей и поддерживать свое производство за счет дополнительного ускорения гибели мелких конкурентов. Одновременно постановление о девизах является в международных сношениях орудием урегулирования ввоза, подбора поставщиков из отдельных стран, орудием предпочтения отдельных определенных капиталистов при одновременном оттеснении всех других, орудием для достижения определенных выгод для данной страны и т. д. Таким образом постановление о девизах—немаловажное орудие в борьбе финансовой олигархии различных государств между собою.

Падение курсов валюты

Другое важное явление, тесно связанное с международным кредитным кризисом, способствующее его возникновению и теперь крайне обострившееся в результате кризиса,—это прогрессирующее падение курса валюты целого ряда стран. Оно тоже есть одно из проявлений крайнего обострения противоречий капиталистического хозяйства вообще, в области денежного обращения в частности.

Первым этапом падения валюты было обесценение валюты всех стран, пользовавшихся серебряной валютой. Оно было обусловлено сильнейшим обесценением серебра, происшедшим во время кризиса, в течение которого цена на серебро пала на 54%. С $26^7/_{16}$ шилл. в январе 1929 г. цена на серебро пала до $19^5/_{16}$ шилл. в октябре 1931 г., причем в течение года она понизилась даже до 12 шилл. Падением курса серебряной валюты затронуты были прежде всего Индия, Китай, Персия, Афганистан и многие другие страны Ближнего и Дальнего Востока.

Но постепенно нарастание противоречий капиталистического хозяйства стало распространяться и на золотую валюту многих других стран, прежде всего захватывая наиболее слабые валюты капиталистического мира, но постепенно вовлекая в водоворот обесценения и более сильные, более твердые валюты вплоть даже до английского фунта стерлингов. Обесценивая в первую очередь валюту Испании, Бразилии, Аргентины и целого ряда заокеанских стран, безостановочное углубление и обострение экономического кризиса привело наконец к отказу от золотого паритета в Англии, к падению английского фунта стерлингов и в связи с этим—к падению валютного курса в целом ряде других стран. Кривая понижения валюты началась еще в 1929 г. и далеко еще не достигла дна падения. Уже сейчас падением валюты захвачено не менее 25 стран. Целый ряд других государств, и в первую очередь Германия, Австрия, стоит на пороге обесценения валюты.

Падение английского фунта стерлингов представляет одно из важнейших событий международной политической и экономической жизни, значение которого вряд ли можно переоценить. Это падение показывает, до какой степени мировой экономический кризис уже подкопал экономический фундамент одной из величайших империалистических держав, властелина морей и обладателя величайших колониальных владений мира. В истории Англии известны только два случая отказа от золотого паритета: во время великих наполеоновских войн в начале XIX столетия и во время мировой империалистической войны.

Это падение валюты различных стран, разумеется, прежде всего означает даль-

нейшее ускоренное обнищание рабочего класса и трудящихся масс. Оно означает дальнейшее снижение реальной зарплаты (в Англии например товарные цены в результате падения денежного курса в среднем возросли на 10%, тогда как тарифные ставки до сей поры остались на том же уровне, и буржуазия даже проектирует снижение зарплаты), ограничение социальных издержек и т. д. Вместе с тем это падение денежного курса означает снижение задолженности промышленности сельского хозяйства и торговли за счет р а н т ь е. Если например в Англии паразитический капитал рантье выиграл после войны на дефляционной политике английского правительства, если далее он выиграл на снижении цен, то сейчас обесценение валюты происходит за счет ссудного капитала, значительно обесцениваемого падением денежного курса. Далее, падение денежного курса означает колоссальное обесценение наличного капитала, в особенности постоянного капитала.

Обесценение капитала представляет имманентную составную часть всякого кризиса, и чем больше противоречия капитализма, чем острее противоречия между производительными силами и производственными отношениями, тем значительнее должно быть обесценение капитала. Поэтому сейчас этот процесс происходит в удвоенной, усиленной степени. Обесценение наличного капитала, выражающееся в колоссальном падении товарных цен, цен на средства производства, в обесценении предприятий, ценных бумаг, акций, бон и т. д., в падении земельных цен, происходило и происходит конечно и на протяжении нынешнего мирового экономического кризиса. Уже до сего времени оно приводило к массовому банкротству предприятий, к многочисленным попыткам оздоровления, фузиям и т. д.

Обесценение валюты представляет лишь новый д о п о л н и т е л ь н ы й метод обесценения наличного капитала, ускоряя этот процесс в огромной степени. Происходит переоценка капитала, тем более коренная, чем быстрее инфляция, чем значительнее падение валюты отдельных стран. Тем самым радикальным образом разрешается противоречие, выражающееся в том, что в высокоразвитых империалистических странах предприятия с высоким органическим составом капитала тотчас же становились недоходными, убыточными, как только не использовалась в полной степени их производственная способность, причем они теряли доходность именно потому, что слишком велики были расходы по амортизации, так называемые постоянные расходы. Буржуазные теоретики—Шмаленбах и др.—не видели тогда никакого выхода из этого противоречия. Но капитал нашел этот выход и беспощадно пробивает путь к нему через обесценение капитала, прежде всего постоянного капитала, через связанное с этим снижение амортизационных расходов, пытаясь подготовить восстановление прибыльности этих предприятий и новую волну рационализации.

Таким образом падение валюты в соответствующих странах означает уменьшение производственных расходов путем снижения ставок зарплаты, девальвации долговых обязательств и наличного капитала. Оно означает также для промышленной буржуазии данных стран создание особых преимуществ в области международной конкуренции.

В то же время падение валюты в различных странах приводит к росту протекционизма, к еще более усиленному демпингу при дальнейшем сохранении внутренних цен на высоком уровне. Падение валюты означает также дальнейшее обострение международных противоречий. В Англии во время выборов победил принцип покровительственных тарифов, и там уже введен пятидесятипроцентный покровительственный тариф на многие товары. В САСШ подготовляется новое повышение таможенных тарифов. Швейцария намерена выпустить постановление об ограничении ввоза, направленное против германских товаров. В Голландии недавно принято пятнадцатипроцентное повышение всех таможенных ставок. Канада тоже подумывает о повышении своих таможенных тарифов. Латвия устанавливает контингент для германского экспорта. Бенеш, чехо-словацкий министр иностранных дел, носится с реализацией старой идеи Дунайской федерации, в первую голову направленной против Германии, Франция значительно ограничила ввоз и т. д. и т. д.

Если инфлянция, с одной стороны, сулит промышленной буржуазии особые выгоды и преимущества в ее международной конкурентной борьбе, то, с другой стороны, она наносит сильные удары господству рантье в национальном и ин-

тернациональном масштабе. Уменьшается не только задолженность собственных национальных капиталистов, но в то же время и задолженность колониальных и полуколониальных государств-должников. Экономическое господство английской финансовой олигархии над колониями и полуколониями, над Канадой, Австралией, Южной Африкой, Индией и прежде всего над Южной Америкой значительно ослабляется благодаря обесценению вложенных там английских капиталов.

И одновременно усиливается подчинение английских колоний и полуколоний американскому и французскому империализму, борющемуся с английским империализмом. Борьба за новый раздел мира таким образом должна принять еще более острые формы.

Последствия кредитного и валютного кризиса

К каким последствиям привел кредитный и валютный кризис капиталистического общества? Он привел к дальнейшему обострению и углублению мирового экономического кризиса, к прекращению кредитов во многих случаях, ограничению и трудности получения их в других случаях, необходимости обеспечивать предоставляемые кредиты реальными гарантиями, где это вообще было возможно. Массовое замораживание кредитов, банкротство целого ряда банков, крах кредитной системы неизбежно приводят к чрезвычайному ускорению банкротства многих предприятий во всех отраслях экономической жизни: в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и т. д. Тем самым значительно убыстряются темп нарастания безработицы и процесс снижения зарплаты.

Крах кредитной системы приведет к дальнейшему падению цен, ибо прекращение или урезывание и удорожание кредитов, с одной стороны, необходимость возвращения предоставленных кредитов, с другой стороны, разумеется, во многих случаях неизбежно диктуют необходимость продажи товарных запасов по любой цене. Предложение товаров должно в результате этого усилиться, а товарные цены еще более снизиться, упасть.

Для трудящихся масс города и деревни кредитный кризис означает дальнейшее ускорение абсолютного обнищания их, дальнейшее ускорение роста безработицы, усиление похода на жизненный уровень пролетариата и всех трудящихся слоев.

Таким образом возникновение кредитного кризиса означает ускорение дальнейшего развязывания и развертывания мирового экономического кризиса.

Функция кредитного кризиса как частичной функции мирового экономического кризиса сводится к ускорению процесса уничтожения производительных сил капиталистического хозяйства, поскольку они становятся чрезмерными для капиталистических производственных отношений. Это ускорение уничтожения их, т. е. производительных сил, осуществляется через банкротства, безработицу, падение цен, уничтожение товаров и т. д. и т. д.

> «Каким образом буржуазия устраняет кризис?—спрашивает К. Маркс в «Коммунистическом манифесте».— С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил; с другой стороны—посредством завоевания новых и более широкой эксплоатацией старых рынков. Следовательно не чем другим, как подготовлением более широких и сильных кризисов и уменьшением средств противодействия им» («Коммунистический манифест», изд. 1929 г.).

И прежде кредитные кризисы способствовали вынужденному уничтожению производительных сил, и теперь, несмотря на все изменения в способах, происходит то же самое. Прежде кредитные кризисы были в руках сильнейших капиталистов орудием для уничтожения конкурентов. Теперь происходит то же самое, но в гораздо более сильной степени, так как рынки сбыта, под давлением всеобщего кризиса капитализма и в силу быстро прогрессирующего обнищания трудящихся масс, суживаются все более. Достаточно только указать на финансовую олигархию Франции, которая пускает все решительно в ход, лишь бы упрочить свои позиции на рынках других стран с помощью своей кредитной системы. Точно так же поступают конечно и все другие государства.

Тов. Варга неправ, создавая новую теорию кредитного кризиса и пытаясь положить в основу этой теории изменение функций кредитного кризиса. Специальная глава в последнем квартальном обзоре т. Варга называется «Изменение

функций кредитного кризиса». В этой главе он утверждает:

> «Его функция—не разрешающая, ускоряющая завершение кризиса, но затягивающая кризис».

Возникновение кредитного кризиса не только не затягивает течение мирового экономического кризиса, но ускоряет его развертывание, еще более способствуя его обострению и углублению.

Тов. Варга смешивает тут два момента: кредитный кризис и манипуляции финансового капитала для предотвращения и преодоления кредитного кризиса. Тогда как самый кредитный кризис несет с собою ускорение развязывания мирового экономического кризиса, все мероприятия финансовой олигархии и ее государства по борьбе против возникновения кредитного кризиса способствуют лишь затягиванию мирового экономического кризиса. И совершенно верно указывает т. Сталин на XVI съезде ВКП(б):

> «Понятно, что это обстоятельство (что современный капитализм является монополистическим), делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить рассасывание».

Этого-то и не понял т. Варга, так как он не умеет отличать эти два момента. Сам же он совершенно верно указывает несколькими строками дальше:

> «Монополистический капитал, препятствуя возникновению кредитного кризиса, искусно поддерживая высокие цены на монопольные товары, «видоизменил естественное течение кризиса и тем самым искусственно затянул кризис».

Совершенно верно. Монополистический капитал искусственно затянул кризис, но самую функцию кредитного кризиса он не изменил: она осталась такой же.

Противодействие финансового капитала в процессе развертывания кризиса постепенно ослабевало, да и должно было конечно ослабеть. Сопротивляемость финансовой олигархии исчерпывается постепенно. Под нажимом уже длящегося свыше двух лет мирового экономического кризиса часть финансовой олигархии уже погибла. Другие—на пороге крушения, третьи наконец значительно ослаблены кризисом и в дальнейшем еще более ослабеют. Все меньше остается в распоряжении финансовой олигархии средств для преодоления мирового экономического кризиса вообще и кредитного кризиса в частности. Часть финансовой олигархии, наиболее мощная часть конечно старается использовать полностью сложившуюся ситуацию, чтобы ограбить всех других и выйти из кризиса еще более сильной и могучей.

Всеми силами буржуазия борется за капиталистический выход из кризиса. Кредитный кризис выявил и выявляет неслыханную упорную жестокую борьбу финансовой олигархии за этот выход, тогда как трудящиеся массы во все возрастающей степени ищут под гегемонией пролетариата и под руководством компартий своего революционного выхода на путях борьбы за пролетарскую революцию. Никогда еще не обострялась так, как теперь, эта борьба буржуазии вообще и финансовой олигархии в частности за капиталистический выход из кризиса, за выход, несущий трудящимся массам дальнейшие бесконечные бедствия и нужду.

Возникновение и развитие кредитного кризиса за последнее полугодие ознаменовало не только грандиозное обострение всех противоречий, которые и в области кредитной системы на протяжении затянувшегося уже свыше двух лет мирового экономического кризиса крайне обострились и углубились,—противоречий, ищущих ныне в развитии кредитного кризиса своего насильственного разрешения. Но это развертывание кредитного кризиса одновременно показало, что преодоление его в рамках капиталистического производственного способа равносильно дальнейшему обострению и углублению всех противоречий капитализма. Обусловленное кредитным кризисом дальнейшее ограничение производства, дальнейший рост безработицы, снижение зарплаты и жизненного уровня трудящихся масс, дальнейший рост задолженности трудового крестьянства, дальнейшее банкротство всех трудящихся масс города и деревни, гибель, банкротство и обнищание значительных слоев буржуазии и части финансовой олигархии при одновременном обогащении, экспансии и упрочении позиций наиболее мощной части финансовой олигархии,— все это означает конечно преодоление кризиса путём дальнейшего углубления и обострения всех противоречий капитализма, дальнейшего обострения классо-

вой борьбы, отчаянной конкуренции и тем самым военной опасности. Война японского империализма против Китая, проведенная при поддержке Лиги наций, пляшущей под дудку Франции, оккупация Манчжурии, эта предварительно развернутая «малая» империалистическая война является предвестником новых империалистических войн, назревающих ускоренным темпом. Использование кредитного кризиса французским империализмом, этим настойчивым организатором интервенций против СССР, для дальнейшего расширения и упрочения версальской системы и прежде всего для безоговорочного подчинения Германии при одновременной поддержке манчжурской оккупации, направленной и против СССР, показывает, с какой усиленной энергией финансовый капитал подготовляет антисоветскую интервенцию. Путем разгрома СССР он рассчитывает найти отводный канал для преодоления не только современного мирового экономического кризиса, но и общего кризиса капитализма.

Пролетариат в союзе с трудящимися массами противопоставляет отчаянным попыткам буржуазии найти капиталистический выход из кризиса все усиливающуюся борьбу за пролетарский революционный выход из кризиса путем насильственного свержения буржуазии и установления пролетарской диктатуры. Растет революционный подъем, который находит свое выражение «в дальнейшем обострении стачечной борьбы и движении безработных, в развитии и укреплении советов и красной армии на значительной части территории Китая, в усилении революционного движения в колониях, в развитии революционного крестьянского движения, в росте политического и организационного влияния ряда крупнейших компартий (Германия, Китай, Польша, Чехо-Словакия), в резком усилении оппозиционного брожения внутри социал-демократии, в нарастании оппозиции мелкобуржуазных масс города, служащих и чиновников»[1].

Все больше нарастают предпосылки революционного кризиса в целом ряде стран и прежде всего в Германии и Польше, все более тревожа международную буржуазию. Все стремительнее развертывается социалистическое строительство в Советском союзе, который в текущем году завершает построение фундамента социалистической экономики, в одном только этом году пуская в ход 518 новых мощных заводов и фабрик. В СССР полностью ликвидирована безработица. За последние два года число наемных рабочих с 11,5 млн. возросло до 17 млн. человек. СССР достиг в области коллективизации трудящегося крестьянства на основе индустриализации сельского хозяйства таких колоссальных успехов, что колхозник—твердая опора советской власти—уже сейчас является центральной фигурой деревни. И в СССР это и есть решающий момент—все время повышается жизненный уровень трудящихся масс. Все ярче сияет всему миру блестящий пример гигантскими шагами прогрессирующего социалистического строительства в СССР, все яснее и отчетливее указывая всем эксплоатируемым и угнетенным массам единственно возможный выход из кризиса—выход на пути пролетарской революции.

Процесс революционизирования масс идет вперед, все более затрудняя для буржуазии ее попытки найти капиталистический выход из кризиса. Уже вопят социал-демократы и конечно прежде всего «левые» вроде Зейдевица, Макса Адлера и т. д. о том, что для капитализма нет выхода из этого кризиса, что это, мол, последний кризис капитализма, капитализм, полностью обанкротился и т. д. Даже в коммунистической печати различных стран, в особенности в газетах, мы встречаем порою подобные взгляды, по образцу «левых» социал-демократов пытающиеся построить целую теорию. Тов. Преображенский в своей последней антиленинской, в троцкистском духе написанной книге о закате капитализма пишет, что «капитализм не может уже переходить от одного цикла расширенного воспроизводства к другому» потому, что «монополизм портит механизм стоимостного регулирования». При монополистическом капитализме «дело идет к постепенной потере механизма выхода из кризиса». Потому, что «монополистическая структура капитализма настолько суживает или, может быть, верней будет сказать, настолько извращает действие закона стоимости, что этот закон не может уже так регулировать теперь процесс воспроизводства, как он регулировал его в эпоху свободы конкуренции»[1].

---

[1] Тезисы XI пленума ИККИ.

[1] Преображенский, Закат капитализма, стр 5, 19, 64, 85.

Преображенский не понял, что закон стоимости современным развитием капитализма не суживается или извращается и т. п., а наоборот, сфера влияния закона стоимости еще более расширилась и в новой, видоизмененной форме, поскольку его многообразное, еще более высокое развитие в еще большей степени выявляет противоречия капитализма, чем это было в эпоху свободной конкуренции. Конкретные формы проявления закона стоимости в эпоху империализма стали гораздо более внешне взаимно противоречащими. Для т. Преображенского они стали совершенно непонятными. Его теория основана на той же точке зрения механического краха, на которой стоят мелкобуржуазные идеологи—Штернберг, Громан и др.,—которая содержалась и в неверной теории накопления Розы Люксембург. Тов. Преображенский никогда не понимал теории стоимости и поэтому не может понять и обосновать гибели капитализма, а может только констатировать неизбежность ее. Это—возрождение старых троцкистских взглядов на кризисы в эпоху всеобщего кризиса капитализма, возникших непосредственно после войны и существовавших в период грандиозного революционного подъема вплоть до 1923 г.,—взглядов, которые и тогда не находили никакого выхода для буржуазии из экономического кризиса. Эти вопли о последнем капиталистическом кризисе, о безвыходном положении и т. д. являются выражением растущих затруднений буржуазии в ее попытках найти капиталистический выход из кризиса.

Но безвыходных положений не бывает: гибель капитализма не произойдет самотеком, сам по себе он не погибнет, его нужно свергнуть. А это требует величайшего самопожертвования и напряжения со стороны всех революционеров, это требует мобилизации миллионов для свержения капиталистического хозяйства. Всякие разглагольствования о безвыходном положении капитализма, о том, что это последний кризис капитализма, могут только повредить революционной классовой борьбе, могут быть только в интересах буржуазии, ибо это подсекает активность пролетариата и активность трудящихся масс, зовет их к пассивности, рекомендуя им выжидать, ибо капитализм все равно должен рухнуть. «Революционные» фразы «левых» социал-демократов, центристов, брандлерианцев и т. д. о безвыходности капитализма—в интересах буржуазии. Это—маневр, направленный к тому, чтобы удержать массы от революционной борьбы за свержение капитализма. С другой стороны, такие теории создают и поддерживают путчистские настроения. Все представители подобных теорий в наших рядах ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом и являются лишь пособниками социал-демократии в ее работе. С ними необходимо вести самую решительную, беспощадную борьбу. В тезисах XI пленума ИККИ совершенно правильно указано:

> «Развертывающийся **революционный подъем**... создает условия для нарастания предпосылок революционного кризиса в Германии и Польше, для дальнейшего развития революционного кризиса в Китае и Индии и созревания предпосылок революционного кризиса в других капиталистических странах в зависимости прежде всего **от способности компартии мобилизовать и возглавить движение масс против наступления капитала и политической реакции, от ее способности показать пролетариату и другим трудящимся массам на основе их собственного опыта необходимость революционного выхода из кризиса капитализма**» (подчеркнуто мною.— *Р. Н.*)[1].

Только таким путем можно действительно лишить капитализм всяких перспектив, только таким путем удастся в боях добиться замены капиталистического выхода из кризиса революционным выходом и на место диктатуры буржуазии установить диктатуру пролетариата.

[1] Тезисы, резолюции и постановления XI пленума ИККИ, Огиз — «Московский рабочий», 1931 г., стр. 14.

Развитие мирового аграрного кризиса

(«Правда» 29 марта 1932 г.)

Мировой аграрный кризис, переплетающийся с общеэкономическим кризисом, непрерывно углубляется и расширяется. 1931 г. был ярким показателем его дальнейшего развития, принесшего с собой разорение новых миллионов мелких и средних крестьян и все усиливающееся обострение классовой борьбы в деревне.

Размах и углубление мирового аграрного кризиса в 1931 г. ярче всего проявляются в падении цен на продукты сельского хозяйства. Картина падения цен видна из следующих данных:

Культуры	Рынок	Единица веса и валюты	Высший уровень цен, 1929 г.	Цены			
				Декабрь		Январь 1932 г.	Падение цен с 1929 г. в %
				1930 г.	1931 г.		
Пшеница	Чикаго	Центы за буш.	Июль—133,5	78.5	56	55	58,8
	Виннипер Канада	Центы за буш.	Авг.—159,5	55	60,5	59,5	62,7
Кукуруза	Чикаго	Центы за буш.	Сент.—102	70	38	37,5	63,2
	Буэнос-Айрес	Бум. пезо за 100 *кг*	Сент.—8,21	3,95	4,30	4,20	48,8
Рис	Токио	Центы за коку	Окт.—31,42	18,00	18,57	21,00	33,2
Хлопок	Нов. Орлеан (САСШ)	Центы за англ. фунт.	Март—20,01	9,60	6,16	6,58	67,2
Масло	Копенгаген	Крон за 100 *кг*	Окт.—335	223	222	190	43,3

Как мы видим, цены на пшеницу в таком крупнейшем центре мировой торговли, как Чикаго, упали в 1931 г. по сравнению с 1930 г. почти на 30%, на хлопок—36% и т. д. Размах кризиса становится еще более ясным при сравнении цен 1931 г. с ценами 1929 г. В Канаде и САСШ, где падение было особенно резким, цены на пшеницу, рожь и кукурузу упали к январю 1932 г. на 58—63% против высшего уровня цен в 1929 г., а цены на американский хлопок—на 67%.

Кризис, охвативший в 1930 г. главным образом зерновое хозяйство и технические культуры, в 1931 г. втянул в свою орбиту и животноводство. В 1931 г. соотношение цен на продукты скотоводства и кормов резко изменилось к невыгоде животноводческих хозяйств.

Индекс покупательной способности продуктов скотоводства и живого скота в Германии по отношению к кормам (1913=100) выразился следующими цифрами:

	Продукты скотоводства	Скот
1929 г. декабрь	139,3	119,7
1930 » »	139,0	114,6
1931 » »	108,0	73,1

Это резкое снижение индекса на продукты животноводства и скота ударяет непосредственно по мелкому и среднему крестьянству, в особенности европейскому.

Первые месяцы 1932 г. (январь, февраль) не внесли почти никаких изменений. В январе продолжалось снижение цен; в феврале отмечается некоторое повышение, связанное, несомненно, с грабительской войной Японии на Дальнем Востоке, с поставками хлопка. (Следует отметить также сокращение вывоза пшеницы из Польши и почти полное прекращение из Румынии, вызванные якобы отменой экспортных премий.)

Что это незначительное повышение не имеет устойчивого характера, показывает хотя бы такой факт: рожь в Чикаго и хлопок в Лондоне за последние пятидневки февраля показали вновь понижение, а в марте наблюдается дальнейшее снижение цен по всем основным культурам. Так цены на пшеницу в Лондоне составляли 26 февраля 32 шилл. и 7½ пенсов за 48 фунтов (около ¼ *т*), а на 11 марта—31 шилл. и 6 пенсов; рожь в Чикаго: 19 февраля—5 долл. 82 цента за *т*, а 11 марта—5 долл. 31 цент за *т*.

Сокращение посевных площадей

Глубочайшее развитие аграрного кризиса сказалось и в сокращении посевных площадей.

Мировая посевная площадь больше всего сократилась под техническими культурами (сахарная свекла, хлопок), но вместе с этим сократилась посевная площадь и зерновых хлебов (пшеница, рожь, ячмень и пр.) от 5 до 15%.

Мировая посевная площадь составила, не включая площади СССР (в миллионах гектаров):

	1930 г.	1931 г.	1931 в % к 1930 г.
Пшеница	101,3	97,0	95,7
Рожь	19,7	18,5	94,2
Ячмень	25,1	23,8	94,8
Овес	41,1	40,2	98,3
Сахарная свекла . .	2,0	1,7	85,0
Хлопок	31,4	28,8	92,3

Следует подчеркнуть особенно резкое сокращение посевных площадей в странах заокеанских (экспортирующих): в САСШ посевная площадь пшеницы составила в 1931 г. по сравнению с 1930 г. 89,9%, ячменя—90,6, хлопка—89,8; в Канаде: ячменя—67,7%, кукурузы—81,2; в Аргентине: пшеницы—81,3%, овса—88,1; в Австралии: пшеницы — 76,8%; в Египте: хлопка—80,8%; в Британской Индии: джута—53,2%. Сведения об озимых посевах 1931/32 г. показывают дальнейшее сокращение площадей в большинстве стран.

Сокращение посевных площадей сопровождалось уменьшением валового сбора продукции.

Наблюдается уменьшение урожайности, особенно резко упавшей в европейских странах. Так по пшенице урожайность 1931 г. по сравнению с 1930 г. с 1 *га* составила: в Германии—92,4%, в Испании—89,4, в Венгрии—85,5, в Польше—88,8, в Чехо-Словакии—75,2%; по ржи: в Германии—93,8%, в Польше—83,1, в Чехо-Словакии—74,5%.

Сокращение сбора однако ни в малейшей степени не повлияло на уменьшение относительного капиталистического перепроизводства сельскохозяйственных продуктов. Наоборот, мы видим в 1931 г. дальнейший рост запасов как по зерновым, так и особенно по техническим культурам. Запасы пшеницы и муки на 1 декабря 1927 г. составляли 346 млн. бушелей, тогда как в 1928 г.—459 млн. бушелей и в 1931 г.—541 млн. бушелей. Резко увеличились запасы хлопка, составлявшие 6 913 тыс. кип в начале 1928 г. и 10 293 тыс. в начале января 1932 г.

Уменьшение потребления удобрений и машин

В условиях современного аграрного кризиса деградация капиталистического сельского хозяйства обозначалась не только в отношении применения удобрений и сельскохозяйственных машин.

По исчислениям германского проф. Ремера, в Германии на урожай 1932 г. было затрачено искусственных удобрений меньше на 400—420 млн. марок, чем в 1931 г. Приведенная им таблица показывает уменьшение искусственного удобрения в 1932 г. на 75%.

В Германии имеется в данное время всего лишь 20—30 тыс. тракторов. Это равно половине произведенных тракторов в СССР в одном лишь 1931 г.

В Канаде сильно сокращается приобретение сельскохозяйственных машин в 1930 и 1931 гг. по сравнению хотя бы с 1928 г. Тракторы: в 1928 г.—17 тыс., в 1930 г.—9 тыс., в 1931 г.—0,9 тыс.; комбайны соответственно—3,6 тыс., 1,6 тыс., 0,2 тыс.; молотилки—6,2 тыс., 2,0 тыс., 0,5 тыс.

В таких странах, как САСШ, Канада и Австралия, обозначился в известных слоях фермерства процесс перехода от трактора к лошади. Австралийский министр земледелия выступил по этому поводу с особой речью, в которой доказывал, что переход к лошади понижает издержки производства и является спасительным средством. Все эти факты не носят сейчас единичного характера, хотя в корне ошибочным и антиленинским было бы утверждение о дезиндустриализации сельского хозяйства.

Надо ясно понять, что этот процесс совершенно естественен для разоряющейся нищенской части крестьянства, в то время как в крупных хозяйствах при кризисе, как указывал Ленин, происходит процесс концентрации и большего технического вооруже-

ния. О росте концентрации говорят результаты американской переписи (захватившей последние годы кризиса—с 1920 по 1930 г.), согласно которой количество крупных хозяйств свыше 1 тыс. акров выросло на 21%; одновременно на другом полюсе шли разорение, рост арендаторов, измельчание хозяйств и т. д.

Падение потребления сельскохозяйственных продуктов

Давление возросших запасов сельскохозяйственных продуктов на мировом рынке сказывается с тем большей силой, что вследствие относительного и абсолютного обнищания масс происходит непрерывное падение потребления. Падение настолько резко и непрерывно, что его уже можно проследить по кварталам. Так например в Германии в третьем квартале 1931 г. по сравнению с первым потребление мяса сократилось на $1\frac{1}{2}$ *кг* на душу населения. Ту же картину наблюдаем мы и по другим странам.

Следует подчеркнуть, что понижение покупательной способности населения вследствие безработицы и снижения зарплаты заставляет переходить к более дешевым видам питания. Картофель заменяет хлеб, маргарин—масло (в то время как потребление пшеницы упало на 21%, потребление картофеля выросло на 13%). Но и здесь капиталисты и помещики не пропускают возможности грабить массы, ибо индекс цен на картофель относительно стоит выше пшеницы и других хлебов.

Падение цен, урожайности и сбора привело к резкому снижению доходов от продажи продуктов сельского хозяйства.

Согласно данным Германского конъюнктурного института, товарная часть продукции сельского хозяйства за 1930/31 г. равняется 8015 млн. марок против 9046 млн. марок в 1929/30 г. (88,6%).

Таким образом потери сельского хозяйства составляют свыше 1 млрд. марок. Стоимость продуктов земледелия уменьшилась на 200 млн., скота—на 660 млн., молока и яиц—на 170 млн. марок.

Потери фермеров в САСШ еще значительнее. Предварительная оценка валовой продукции американских ферм составляет в 1931 г. 6 920 млн. долл., т. е. меньше продукции 1930 г. на 2 380 млн. долл. и меньше продукции 1929 г. на 5 млрд. долл. В результате падения цен покупательная способность фермерских продуктов, по официальным данным американского министерства земледелия, упала по сравнению с довоенным уровнем до 53%, причем покупательная способность зерновых снизилась до 42%, хлопка—до 37%.

Во время кризиса особенно ярко проявляется усиление эксплоатации и грабежа колониальных стран, идущее по линии особо сильного падения цен на колониальное сырье. Цены на вывозимые промышленные товары, в частности цены на машины, падают значительно меньше, чем цены на колониальные товары.

За кипу джута или хлопка теперь можно купить лишь половину того количества чугуна, которое покупали в 1924—1926 гг.; за тонну риса—$^2/_3$, за мешок кофе—$^2/_5$, за тонну каучука—$^1/_7$.

Наконец грабеж трудящихся масс ярко сказывается в сохранении розничных цен на сравнительно более высоком уровне по отношению к оптовым. Сравнение движения цен на продовольствие в розничной торговле и цен, полученных за эти же продукты фермерами, видно из следующей таблицы:

Индексы:

	фермерских цен продов. прод.	розничн. цен продов. прод. 1910/1914 = 100
Сентябрь 1930 г.	126	160
» 1931 »	84	133

Это—хорошая иллюстрация того, что падение цен, разоряющее фермера, в то же время не является облегчением и для потребителя, так как львиная доля этой разницы попадает в карманы посредников.

Рост задолженности, налогов и разорения крестьянства

Падение дохода сельскохозяйственного населения привело к колоссальному росту задолженности сельского хозяйства во всех странах. В Германии, по исчислению Берлинского конъюнктурного института, задолженность

сельского хозяйства в июне 1931 г. превысила 12 млрд. марок, увеличившись за полгода почти на 1,5 млрд. марок. В Италии оно выросло за годы кризиса в 10 раз. В Болгарии общая задолженность приближается к 15 млрд. лев (лева—1,4 коп.), а вся стоимость валовой продукции сельского хозяйства в 1930 г. составляла 9,5 млрд. лев. В Латвии ипотечная задолженность достигла в 1931 г. 258 млн. латов (лат—37 коп.) против 189 млн. латов в 1929 г., т. е. за 2 года выросла на 37%.

Уплата процентов по задолженности ложится тяжелым бременем на трудящееся крестьянство. В Германии сумма ежегодно уплачиваемых процентов росла следующим образом: в 1924 г.—425 млн. марок, в 1930 г.—910 млн. марок, в 1931 г.—около 1 млрд. марок. Принимая во внимание, что валовой сбор пшеницы оценивался в 1930 г. около 990 млн. марок, можно сказать, что уплата процентов по долгам целиком поглотила весь сбор пшеницы. Характерно, что в то время как вся задолженность Германии возросла в 1931 г. на 49,6% по сравнению с 1925 г., платежи по долгам повысились на 114%. Яркий показатель наживы финансовых магнатов за счет трудящегося крестьянства!

Новые долги заключаются в значительной части не на производственные нужды, а для покрытия старых долгов. В САСШ, по данным «Джоинт сток ланд бэнк», около 80% вновь заключенных ипотечных долгов идет на покрытие старых ссуд. В Польше, по данным выборочного обследования, в хозяйствах до 5 *га* около $^1/_4$ всех ссуд идет на уплату долгов. В то же время получение новых ссуд делается все более затруднительным: условия кредитования ухудшаются. Особо затруднено получение долгосрочных ссуд. При получении кредитов в более благоприятных условиях находятся крупные хозяйства, которым легче предоставить достаточное обеспечение.

Данные статуправления Германии о налогообложении и задолженности сельского хозяйства показывают, что задолженность мелких хозяйств в пять раз больше задолженности крупных хозяйств, и что мелкие хозяйства платят наиболее высокие проценты по ссудам. Мелкие хозяйства оказываются не в состоянии получить необходимые ссуды ни в банках, ни в кооперации и вынуждены обращаться к ростовщикам. Так в Польше, по данным выборочного обследования, из общей суммы задолженности на сравнительно дешевый банковский кредит у хозяйств с площадью до 5 *га* приходится только 6,6%, у хозяйств с площадью от 20 до 50 *га*—60%.

Займы у частных лиц (ростовщиков) первой группы составляют 64%, второй—25% (различие в условиях кредитования очень существенно: в то время как банковский процент колеблется от 4 до 11, проценты по займам у частных лиц в подавляющем большинстве случаев составляют более 15, ссуды из 48% годовых встречаются у $^1/_3$ всех обследованных хозяйств, а нередки случаи (в Западной Белоруссии) взимания 288% и более!).

Кроме высокой задолженности одним из моментов, ускоряющих процесс разорения крестьянства, является крайне возросшая налоговая тяжесть. Налоговой пресс, пускаемый в ход с помощью государственного аппарата, давит главным образом на бедняцко-середняцкие массы крестьянства, являясь в то же время для помещиков одним из средств переложения тяжестей кризиса на плечи трудящегося крестьянства. Рост обложения фермеров увеличился в САСШ в $2^1/_2$ раза. При этом главная тяжесть налогов падает на мелких фермеров. По данным германского статуправления, налоги на 1 *га* по группам хозяйства в Западной Германии равняются (в марках): до 5 *га*—55,1; 5—10 *га*—37,7; 10—20 *га*—25,2; 50—100 *га*—24,6; 100—200 *га*—15,19 (в среднем—25,7). Таким образом налоги на мелкое хозяйство в три с лишним раза выше налогов крупных хозяйств.

Следствием такого положения вещей являются полное разорение мелкого крестьянства, его пауперизация и продажа имущества с молотка. Необычайный рост числа принудительных продаж сельскохозяйственного имущества отмечается во всех странах капиталистического мира. В Германии например принудительная распродажа крестьянских хозяйств за последние годы кризиса выросла в четыре раза.

По данным Германского конъюнктурного института, в Германии в первом

квартале 1931 г. было распродано свыше 5 тыс. хозяйств (фактическое число разоряемых хозяйств гораздо больше). В Словакии (Чехо-Словакия) за один лишь 1931 г. мы имеем 9 тыс. случаев продажи имущества крестьян за неуплату налогов. В Дании число принудительных продаж в сельском хозяйстве увеличилось в 1931 г. на 67% сравнительно с предыдущим годом.

Сведения о росте банкротства приходят из Японии, Южной Африки и других стран. Распродажи стали столь массовым явлением, что даже фашисты Германии и Польши принуждены делать демагогические заявления о необходимости приостановки продажи ниже стоимости и т. п.

Борьба за революционный выход из кризиса

Буржуазия ведет ожесточенную борьбу за преодоление кризиса. Основные меры буржуазных лекарей сводятся: 1) к попыткам создания крупнейших монопольных организаций и помощи помещикам и крупным сельскохозяйственным предпринимателям; 2) к введению таможенных пошлин, что наиболее характерно для Европы, где даже Англия стала с осени 1931 г. на этот путь; 3) к установлению монополии внешней торговли.

Все эти меры, предпринимаемые буржуазией, ни в какой степени не разрешая проблемы кризиса, имеют своей основной целью перенесение тяжести кризиса на плечи трудящихся масс.

В то время как в странах капитала происходят сокращение посевных площадей, непрерывное падение цен, растет число распродаж крестьянских хозяйств с молотка, падает потребление масс, в это время страна социализма, являющаяся страной самого крупного в мире земледелия, невиданными в истории темпами развивает свое хозяйство.

Непрерывный прирост посевных площадей, составивший 10 млн. *га* за 1931 г., что достигалось в царской России лишь в течение десятилетия, техническое перевооружение сельского хозяйства (применение сотен тысяч тракторов, рост числа комбайнов, искусственного удобрения), непрерывный рост материального и культурного уровня трудящихся масс наглядно показывают преимущества социалистической системы хозяйства над капиталистической.

Удары кризиса, успехи социализма в СССР революционизируют разоряющиеся массы мелкого и среднего крестьянства капиталистических стран. В капиталистической деревне идет ожесточенная классовая борьба. Крестьянство изгоняет из деревень сборщиков налогов, избивает агентов по распродаже имущества недоимщиков, дает отпор полиции, сжигает помещичьи усадьбы.

Буржуазия ищет выхода из кризиса в разгроме революционного движения внутри своих стран, в войне за новый передел мира, в усилении агрессии против СССР.

Этому должна быть противопоставлена борьба рабочего класса и разоряющегося, задавленного крестьянства под руководством компартий против нападения на СССР и войны японского империализма против Китая, за революционный выход из кризиса, за уничтожение господства капиталистов и помещиков.

Бригада Международного аграрного института.

„Под ударами кризиса рухнули теории „организованного капитализма, бескризисного развития современного капитализма, и социал-демократические экономисты вынуждены теперь утверждать прямопротивоположное тому, что они утверждали в начале кризиса. Они признают теперь анархию капиталистического производства, неизбежность кризисов и т. д.“ (Мануильский, из доклада на XI пленуме ИККИ).

Ал. Васильев

Американский и японский империализм готовится к борьбе за новый передел мира

(«Правда» 2—3 апреля 1932 г.)

«Если письмо Стимсона имеет какой-либо смысл,— а мы думаем, что оно имеет смысл,—то оно означает, что Америка немедленно приступит к подготовке к борьбе, которая неизбежно должна произойти. Если Япония не умерит свой пыл, конфликт возникнет».

(«Чайна уикли ревью», американский журнал, выходящий в Шанхае).

Кризис нанес сильнейшие удары американскому империализму. В Вашингтоне и Нью-Йорке, Бостоне и Чикаго—во всех уголках капиталистической Америки короли бирж и промышленности стремятся к созданию «военной конъюнктуры», к повторению опыта войны 1914—1918 гг., принесшей империализму доллара колоссальнейшие прибыли.

С этой точки зрения заслуживает большого внимания та огромная работа, которая проделана американским империализмом для создания мощных вооруженных сил, для новых захватов, для нового передела мира. Ознакомление с фактическими данными вскрывает всю фальшь традиционной пацифистской болтовни, к которой так часто прибегают американские империалисты, подобно всем остальным, и к которой они не преминули прибегнуть в Женеве.

САСШ являются первой в мире страной по величине военного бюджета. По официальным данным, за 1930/31 хозяйственный год израсходовано 350 500 тыс. долл. на сухопутную армию и 375 300 тыс. долл. на морской флот.

На опыте мировой войны американский империализм убедился в несостоятельности своей старой военной системы. Война показала, что еще в мирное время необходимо иметь крепкий постоянный кадр сухопутных сил и готовый аппарат для быстрой мобилизации и развертывания *массовой* армии. Отсюда были сделаны соответствующие выводы.

4 июня 1920 г. конгрессом был принят «акт о национальной обороне», определивший дальнейшее развитие сухопутных сил САСШ. Акт от 4 июня предусматривал: создание боеспособного и хорошо обученного кадра постоянных войск (регулярной армии), развитие и укрепление милиционной системы, создание так называемых «организованных резервов» для подготовки кадров к массовой мобилизации в военное время, широкое развитие вневойсковой подготовки в целях создания достаточно военнообученного запаса на случай войны.

Ныне *сухопутные войска* САСШ в мирное время состоят из 2 категорий: постоянных войск и милиционных.

Постоянные войска составляет наемная регулярная армия, являющаяся профессиональным кадром сухопутных сил и инструкторским кадром для подготовки милиционных частей.

Непостоянные войска состоят из «национальной гвардии» и «организованных резервов».

«*Национальная гвардия*» является милиционной армией каждого из 49 штатов САСШ. Солдаты и офицеры ее состоят на гражданской службе, но не имеют права без соответствующего разрешения покинуть свой район. Подготовка «национальной гвардии» производится зимой еженедельно по $1\frac{1}{2}$ часа, а летом—во время призыва на 15-дневные лагерные сборы. В военное время «национальная гвардия» идет на усиление перволинейных частей.

«*Организованные резервы*» представляют собой *офицерские и инструкторские кадры всех родов войск*. Они организованы по территориальному признаку. Состоят они

из офицеров и унтер-офицеров, не находящихся на действительной военной службе. В военное время эти кадры должны обеспечить комсоставом мобилизованные запасные части.

В настоящее время регулярная армия САСШ насчитывает 12 тыс. офицеров и 125 тыс. солдат, «национальная гвардия» — 13 тыс. офицеров и 174 тыс. солдат, «организованные резервы»—122 тыс. офицеров и 4 тыс. солдат-инструкоров. Всего—451 450 человек.

Нельзя однако получить точного представления о вооруженных силах САСШ, если не учесть вневойсковую подготовку и военизированные общественные организации. К первым относятся: корпус подготовки офицеров резерва и гражданские лагери военного обучения.

Корпус подготовки офицеров резерва состоит из руководителей военной подготовки учащейся молодежи гражданских и милитаризированных учебных заведений. Военной подготовкой охвачено более 200 учебных заведений с общей численностью учащихся в 114 350 человек. Ежегодно подготавливается 6 тыс. резервных офицеров.

Гражданские лагери военного обучения пропускают на добровольных началах в летний период ежегодно около 35—40 тыс. молодежи, получающей в лагерях военную подготовку различной квалификации. Занятия производятся непрерывно в течение 4 недель.

Помимо вышеуказанных армейских организаций и органов вневойсковой подготовки имеется ряд военных «общественных» организаций, которые, будучи прямо или косвенно связаны с военным министерством или местными военными органами, проводят военную подготовку широких слоев населения. Среди них наиболее крупными являются:

Комитет развития стрелкового дела, подчиненный непосредственно помощнику военного министра. Эта организация объединяет свыше 1 600 стрелковых клубов. Все эти клубы и общества получают постоянную субсидию и боеприпасы от военного министерства.

Американский легион—фашистская организация, ведущая военную работу среди населения. Насчитывает свыше 700 тыс. членов, объединенных в 11 тыс. организаций. Общество состоит преимущественно из офицеров и милитаристически настроенной буржуазии.

Американские бой-скауты — организация молодежи с общим числом членов свыше 800 тыс.

Союз христианской молодежи—около 1 млн. членов. Радиолига. Химическая ассоциация. Союз армии и флота и многие другие. В общем не менее 18 млн. человек охвачено милитаризацией.

Из общего количества мужского населения САСШ, годного к несению военной службы (18,5 млн. человек), к 1932 г. прошли военную подготовку 5,5 млн. человек.

Из изложенного становится ясным, что организация сухопутных сил в настоящее время отличается от довоенной организации тем, что теперь, с созданием «организованных резервов», САСШ имеют готовый скелет для развертывания на основе всеобщей воинской повинности большой армии военного времени.

Регулярная армия в мирное время сведена в 9 номерных, гавайскую, филиппинскую и панамскую пехотные дивизии, 3 кавалерийских дивизии и 5 отдельных артиллерийских бригад. В случае войны эта армия, выделив кадры и доукомплектовавшись, образует 1-ю полевую армию (или так называемые «экспедиционные силы») в составе 9 пехотных дивизий (3 корпуса) и 3 кавалерийских дивизий, общей численностью до 500 человек.

«Национальная гвардия» при развертывании даст 2 полевых армии (6 корпусов, или 18 пехотных дивизий и 4 кавалерийских дивизии), образуя перволинейные войска. Наконец «организованные резервы» развернутся в 3 полевых армии (9 корпусов, или 27 пехотных дивизий и 6 кавалерийских дивизий).

Итого 6 полевых армий, насчитывающих до 4 500 тыс. человек. Никаких затруднений в смысле материального обеспечения этой мобилизации САСШ ощущать конечно не будут.

■ ■ ■

Чтобы понять особенности вооруженных сил САСШ, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть их организацию по родам войск.

Пехота. До второй половины 1930 г. пехота САСШ ничем особенно не отличалась от пехоты других современных армий. В 1930 г. она получила даль-

нейшее развитие в смысле насыщения ее огневыми средствами.

После реформы пехота приняла следующий вид: наименьшей единицей, где сочетаются огонь и удар, является отделение. Оно состоит из 8 человек при 2 ручных пулеметах (вернее 2 автоматических ружьях) и 1 гранатомете. Все отделения однотипны. 6 отделений составляют взвод. В военное время 3 отделения объединяются в полувзвод. 3 взвода образуют роту, 3 роты—батальон. Кроме того в батальоне имеется пулеметная рота из 16-станковых пулеметов, причем один взвод (4 пулемета) крупнокалиберных пулеметов. Полк состоит из 3 батальонов, полковой роты станковых пулеметов (12 пулеметов) и роты полковой артиллерии из 8 75-миллиметровых мортир и 8 37-миллиметровых противотанковых пушек.

Два полка образуют бригаду, а 2 бригады—дивизию. Кроме того дивизия имеет артиллерийскую бригаду из 48 75-миллиметровых пушек и 24 155-миллиметровых гаубиц, танковую роту—24 танка и авиотряд—13 самолетов. Численность дивизии военного времени—около 23 500 человек. Весь армейский транспорт моторизован.

На пехоте САСШ ярко отражается тенденция развития современной пехоты вообще, а именно увеличение мощи огня. Так во время мировой войны в пехотном полку САСШ отношение станковых пулеметов к магазинному оружию соответствовало 1 : 66,5, в 1930 г.—1 : 52, а по новой организации—1 : 27,3. Еще более резко изменилось отношение ручных пулеметов к винтовкам. Это отношение во время мировой войны равнялось 1 : 16,6, в 1930 г.—1 : 11,5, а по новой организации—1 : 4,5. В пехотной дивизии новой организации насчитывается 1 320 ручных и 270 станковых пулеметов!

Наряду с механизацией и моторизацией насыщение автоматическим оружием и повышение убойности—вот основная тенденция развития американской пехоты. Для характеристики последнего положения можно привести следующие данные: в 1914 г. пехотная дивизия американской армии могла в 1 минуту выпустить 163 400 пуль, а по новой организации—422 300 пуль, т. е. рост на 258%.

Пехота считается в американской армии основным и главным родом войск,—остальные должны содействовать ей.

Нужно добавить, что эта новая организация не введена еще во все части,—она испытывается с 1930 г. в 29 и 34 пехотных полках. В случае войны, нет сомнений, САСШ выступят с пехотой, очень близкой к подобной организации.

Вся тактическая подготовка пронизана основной идеей: наступление, активные действия. Много внимания уделяется взаимодействию армии с морским флотом.

Десантные операции являются стержнем большинства маневров.



Другие роды войск.

Конница. Как уже упоминалось выше, в случае развертывания армии выделяются 13 кавалерийских дивизий.

Общая тенденция по отношению к коннице в САСШ ведет к замене ее машинами. Пожалуй уже сейчас можно сказать, что американская конница становится придатком к технике. Так кавалерийская дивизия, состоящая из 4 полков, имеет 24 танка, 36 бронеавтомобилей, 13 самолетов, 24 орудия, около 300 автомобилей и 97 мотоциклов.

Заслуживает внимания выступление Мак-Свайна, председателя военной комиссии конгресса, от 13 февраля. Определяя военную политику американского империализма, он заявил:

> «Со всей силой я должен подчеркнуть великое значение авиации. Это современное мощное орудие как для целей транспорта, так и боя должно получить всяческую нашу поддержку... Напротив, я считаю, что конница почти уже отжила свой век».

Мото-мехчасти. Постоянных мото-мехчастей в американской армии не имеется. Ежегодно проводятся большие опыты по мото-механизации и испытанию материальной части. Как и большинство стран с широкой технической и экономической базой, САСШ еще не приняли на вооружение определенные типы машин. Но тем не менее большого внимания заслуживает их экспериментальная работа.

Наиболее нашумевшим достижением надо считать танк «Кристи 19-40», развивающий скорость на колесах по дорогам 110 *км* и на гусеницах 68 *км* в час. Учитывая наличие в САСШ мощной автомобильной и тракторной промыш-

ленности, можно полагать, что американская армия выступит в будущую войну с практически неограниченным количеством машин как боевых, так и для перевозок, создав мото-мехчасти в количестве, необходимом для полного обеспечения любого театра войны.

Химия. Лихорадочно идут также изыскания в области отравляющих веществ. Арсеналы и в первую очередь Эджвудский, являются огромными лабораториями для всевозможных экспериментов. Не лишне привести еще одно место из программного выступления Мак-Свайна.

Он заявляет:

«Хотя я питаю симпатии к каждой попытке, стремящейся к сотрудничеству наций и понижению ужасов войны, все же, зная человеческую натуру, я считаю, что наши вооруженные силы должны быть постоянно на большой высоте. Более того, я чувствую, что все эти договоры и соглашения, ставящие целью ограничить некоторые виды ведения войны, вроде применения ядовитых газов и подводного флота, и сделать войну более благородной, окажутся тщетными. Когда вспыхнет война, ни одна нация не станет чинить себе препятствий в применении всех возможных средств для уничтожения своего противника. При современных условиях противником являются не только вооруженные силы, но и все население, так или иначе поддерживающие армию... Мы должны бесстрашно смотреть в лицо действительности, а не жить в царстве грез и мечтаний».

Такова классовая правда империалистов!

Чтобы дать некоторое представление о промышленной базе для производства отравляющих веществ, нужно вспомнить, что САСШ являются первой страной в мире по величине продукции химической промышленности. Весь послевоенный период использован для того, чтобы создать такую «мирную» химическую промышленность, которая могла бы быстро стать поставщиком отравляющих веществ. В этой области сделано уже очень много. Через несколько месяцев после начала мобилизации САСШ смогут в течение 2 недель произвести больше иприта, чем Германия произвела в течение 2 лет мировой войны.

Воздушный флот. Воздушный флот САСШ развивается бурным темпом с 1926 г., с момента утверждения 5-летней программы строительства воздушных сил как армейских, так и морских. По численности самолетов американский воздушный флот стоит на втором месте в мире, уступая лишь Франции. По качеству материальной части (моторы, аэропланы) воздушные силы САСШ значительно выше воздушных сил Франции, но уступают Англии.

САСШ имеют самую сильную в мире корабельную авиацию. Авионосцы американского флота могут перебросить на огромное расстояние 250—350 боевых самолетов (не считая самолетов, приданных отдельным кораблям). САСШ имеют также самые мощные в мире авиобомбы в 1 и 2 тыс. *кг* весом. Воздушный флот имеет в настоящее время в строю около 1 тыс. сухопутных, 500 морских боевых самолетов и 10 дирижаблей. Эти преимущества американских вооруженных сил вызывают большое беспокойство у представителей японского империализма. Они особенно учитывают большую опасность для себя создания мощных военно-воздушных баз Америки на Аляске.

Авиопромышленность САСШ выпустила в 1929/30 г. около 7 тыс. аэропланов и 8 тыс. моторов, т. е. в 2 раза больше, чем во Франции. В первые же дни мобилизации авиопромышленность легко может утроить свою продукцию, с тем чтобы ее удесятерить в первый же год войны.

■ ■ ■

Военно-морской флот. По общему тоннажу (1 250 200 *т*) военно-морской флот САСШ уже догнал английский. По весу бортового залпа, а также по мощности механизмов американский флот практически не уступает остальным флотам мира. Но надо отметить, что большинство кораблей построено в период мировой войны и в данное время имеет предельные сроки службы. В начале 1932 г. была разработана новая судостроительная программа, предусматривающая постройку до 1936 г. 120 кораблей различных классов.

Линкоры. По числу (15) и тоннажу линейные корабли флота САСШ не усту-

пают линкорам английским, за исключением линкоров типа «Нельсон».

Бронирование американских линкоров значительно лучше, чем бронирование линкоров Англии и Японии. Но зато они уступают английским и японским линейным эскадрам в скорости хода (на 2—3 узла в среднем).

Что касается вооружения линейных кораблей—крупная и средняя артиллерия и минное вооружение,—то оно при условии высокой подготовки личного состава в состоянии состязаться с английскими и японскими линкорами.

Крейсера. Военно-морское командование уделяет особенное внимание постройке крейсеров. В этом отношении достигнуты значительные результаты. За 10 лет САСШ построили 18 крейсеров, из них 8 крейсеров «вашингтонского типа» и 10 легких крейсеров. Находятся в постройке 7 крейсеров «вашингтонского типа». По своим тактическим данным крейсера «вашингтонского типа» превосходят английские в артиллерийском вооружении, но уступают в скорости хода и торпедном вооружении крейсерам Японии и Англии.

Легкие крейсера ничем не отличаются от таких же крейсеров японского и английского военно-морских флотов.

Авионосцы. 4 авионосца флота САСШ по количеству принимаемых на борт самолетов превосходят авионосцы Англии и Японии. Они могут принять 259 самолетов, готовых к полетам, и 90 в разобранном виде; соответственно 6 авионосцев Англии и 4 Японии принимают по 196 и 176 самолетов.

Эсминцы. По количеству эсминцев и их торпедному вооружению военно-морской флот САСШ стоит на первом месте. Что же касается остальных тактических данных, то они схожи с эсминцами других стран.

Подводные лодки. Подводный флот САСШ равен подводному флоту Франции (110) и превосходит по числу подводных лодок флоты Англии (64) и Японии (72). По своим боевым качествам подводные лодки САСШ (кроме 12 новейших) уступают подводным лодкам всех главных морских держав.

Комплектование личным составом всех кораблей военно-морского флота САСШ на протяжении ряда последних лет никогда не было полным. Обычно оно колеблется от 82 до 94%. Это является наиболее слабым местом американского флота.

Общий вывод таков: несмотря на равенство военно-морского флота САСШ с английским по тоннажу и значительному превосходству по числу кораблей и их огневой мощи (легкие силы), надо признать, что в целом он уступает по своей боевой подготовке флотам Англии и Японии.



Рассмотрев армию, воздушный и морской флоты, можно притти к заключению, что вооруженные силы САСШ являются могущественной силой, опирающейся на широкую экономическую и техническую базу. Но в этой мощной цепи есть одно звено, слабое и опасное звено, — это человек. Несмотря на большие достижения по сравнению с прошлым, все-таки людской контингент в массе своей подготовлен хуже первоклассных армий и флотов европейских государств.

С другой стороны, солдат стал более чутко реагировать на все события, происходящие вне казармы и корабля.

Обострение классовой борьбы в стране в результате кризиса находит свое проявление и в казарме и во флоте.

Это обстоятельство нужно отметить именно сейчас, в момент усилившейся угрозы империалистической войны, в частности угрозы японо-американской схватки на Тихом океане.

В следующей части статьи мы остановимся на состоянии вооруженных сил японского империализма.

Японская военно-полицейская монархия относительно недавно вступила на путь вооруженной борьбы за захват рынков сбыта и сырья. Ее первой внешней войной была война с Китаем в 1894—1895 гг. Однако за короткий период Япония сумела показать такие темпы в области территориальных захватов, что успела уже стать одной из «великих держав», а правящие круги японских империалистов уже мечтают стать «хозяином Тихого океана и Азии».

Рост японского империализма базировался на жесточайшей эксплоатации рабочего класса и крестьянства в самой Японии, на беззастенчивой эксплоатации захватываемых колоний. Японский империализм обеспечивал себя от взрыва изнутри свирепым военно-полицейским

режимом. В деревне еще до сих пор сохранились значительные пережитки феодализма.

Опорой японского империализма и орудием новых захватов являлись сильная армия и могущественный флот. Эти «средства» росли крупными скачками от одной войны к другой. Ради усиления армии и флота японский капитализм не останавливался ни перед чем.

Японская армия перед войной 1894—1895 гг. состояла из 6 дивизий и насчитывала всего 61 тыс. человек. Успех войны, захват новых территорий и рынков, огромная (особенно по тому времени) контрибуция, полученная с Китая (около 300 млн. золотых рублей), позволили увеличить армию в течение 10 лет в 2½ раза.

Попутно росли и захватнические аппетиты японского капитала, обусловившие такой рост армии. В 1904 г. капиталистическая Япония снова устремляется на Азиатский материк для новых захватов. Она не останавливается перед войной с царским колоссом—Россией, в свою очередь старавшейся «прибрать к рукам» Манчжурию и Корею. Ощетинившаяся штыками империя японского микадо мобилизует на войну свыше 3½ млн. человек (6,5% населения), перебрасывает около половины из них на материк. Япония устилает трупами необозримые поля Манчжурии (потери японской армии, в особенности от болезней, были значительно больше потерь русской армии), но добивается победы над гнилым русским царизмом,—революция еще ускорила поражение последнего.

Новая война—новый этап в росте японской армии.

К войне 1914 г. японская армия насчитывает 236 тыс. человек. Правда, воевать этой армии почти не пришлось, если не считать экспедиции по захвату немецкого порта и крепости Циндао (в Китае). Но положение японского капитала в мировую войну, оказавшегося хозяином дальневосточных рынков в период 1914—1918 гг. и получившего огромные прибыли от снабжения воюющих армий, было чрезвычайно выгодным. Это сказалось и на японской армии.

В тот период молодой японский империализм уже пытался предпринять конкретные шаги к осуществлению своей «исторической» задачи—к порабощению Китая (21 требование). Японским генштабом вырабатывается новый план—он хочет уже иметь армию в 25 дивизий.

Этому плану однако не суждено было осуществиться. Послевоенный кризис, вытеснение японского капитала из ряда захваченных рынков вернувшимися туда после войны прежними хозяевами (Англией, САСШ) и наконец землетрясение 1923 г. заставили японский империализм временно сжаться. В 1924—1925 гг. проводится даже сокращение армии на 4 дивизии. Правда, японскому и корейскому трудящемуся от этого не становится легче: за счет сокращаемых пехотных частей формируются танковые подразделения, строятся самолеты, организуются части зенитной артиллерии, появляются химические части и бурными темпами растет военно-морской флот. За 10 лет после мировой войны Япония построила больше военно-морских судов, нежели САСШ (и по числу и по тоннажу).

В 1930 г. появились новые угрожающие миру признаки на Дальнем Востоке [1]: японский генштаб настойчиво заговорил о «сокращении» армии и необходимости ее реорганизации. Густая дымовая завеса бесконечных разговоров о «сокращении» армии на первое время скрывала от японских трудящихся подлинные замыслы военной клики.

Только почти через полтора года из-за дымовой завесы показался наконец проект этого «сокращения». Основное содержание его сводится к следующему: а) формируются новые авиационные полки, причем 2 из них должны вступить в строй уже весной 1932 г.; строятся новые сверхтяжелые бомбовозы, новые истребители и пр.; б) формируются мото-механизированные соединения и части, кадры для них готовят новые школы, уже приступившие к работе; в) на вооружение артиллерии вводятся новые, более совершенные образцы орудий; развертывается зенитная и усиливается дивизионная и пехотная артиллерия; г) формируются новые химические части; д) моторизируются тылы.

Что же касается сокращения армии,

[1] Признаков и показателей подготовки Японии к новой войне было много и до этого. Например уже в течение предшествовавших четырех лет Япония запасала нефть, приобретая вдвое больше того, чем расходовала.

то, видимо, «необходимость защиты японских резидентов в Китае» не позволяет правящим кругам заняться этим делом. До сокращения ли тут, когда кругом приходится «обороняться»?!

■ ■ ■

К началу военных действий на Дальнем Востоке японская армия насчитывала уже 250 тыс. человек. Она состояла из 17 пехотных дивизий, 4 отдельных кавалерийских бригад (8 кавалерийских полков), 4 отдельных полевых тяжелых артиллерийских бригад (8 артиллерийских полков), 3 танковых отрядов, 8 авиационных полков, 7 полков и 10—12 дивизионов артиллерии разного назначения—горной, зенитной, осадной, береговой и крепостной, 2 полков связи, 2 железнодорожных полков и ряда отдельных специальных частей—химических, воздухоплавательных и пр.

Организация частей японской армии следующая.

П е х о т а. Дивизия состоит из 2 пехотных бригад, по 2 пехотных полка в каждой, из легкого пушечного артиллерийского полка, кавалерийского полка (2- или 3-эскадронного состава), инженерного батальона, обозного батальона, отряда связи (2 роты) и жандармского отряда[1]. Полк состоит из 3 батальонов, взвода связи, саперного и химического взводов. В мирное время при полку имеется пулеметно-артиллерийский отряд, сведенный из батальонных пулеметных рот и взводов батальонной артиллерии. Батальон имеет 3 пехотных роты, а в военное время—4 пехотных роты, 1 пулеметную роту и взвод пехотной артиллерии. Рота состоит из 3 пехотных взводов, взвод—из 6 отделений, из которых два легкопулеметные.

К о н н и ц а. Отдельная кавалерийская бригада состоит из 2 кавалерийских полков, конноартиллерийского дивизиона, отряда бронеавтомобилей (4 машины) и взвода связи. В мирное время пулеметные подразделения кавалерийских полков сводятся в бригадном масштабе в пулеметный отряд. Кавалерийский полк состоит из 4 сабельных эскадронов, 1 легкопулеметного эскадрона, 1 тяжелопулеметного эскадрона и взвода связи. Сабельный эскадрон состоит из 4 взводов по 4 отделения в каждом (в состав отделения входят 7—11 человек). Легкопулеметный эскадрон состоит из 4 взводов по 4 пулемета в каждом, тяжелопулеметный—из 4 взводов по 2 пулемета.

А р т и л л е р и я. Полки легкой, горной и полевой тяжелой артиллерии имеют одинаковую организацию: полк состоит из 3 дивизионов, дивизион—из 3 батарей 4-орудийного состава. В мирное время полки полностью развертываются только в периоды сборов запаса, обычно же состоят из неполного количества батарей (6).

А в и а ц и я. Имеется 8 авиополков. Полк делится на 3 батальона, батальон—на 3 роты. В роте—9—12 самолетов. Фактически в мирных условиях в полках налицо 3—6 рот; остальные самолеты держатся в запасе. Всех самолетов (без учебных) в армии имеется 938 (по официальным сведениям), не считая гидросамолетов морской авиации (по официальным данным — 472 гидроплана).

Т а н к и. Отряд танков в Куруме является по существу танковым полком и имеет по батальону тяжелых и легких танков, отряд в Циба (при пехотной школе) соответствует примерно танковому батальону (роты легких и средних танков), отряд в Нарасино (при кавалерийской школе) имеет роту легких танков. Общая численность танков достигает предположительно 120—150 штук.

Приведенная организация армии свидетельствует, что уровень насыщения техникой японской армии (к моменту ее последней реорганизации) значительно ниже уровня армии передовых империалистических держав, в том числе Америки, и что в армии еще не изжиты остатки старых организационных форм—4 полка в дивизии, 4 роты в батальоне и пр.

Вместе с тем обращает на себя внимание значительное превосходство японской армии над другими странами в отношении ж и в о й с и л ы. В японском пехотном полку вдвое больше пехотных и легкопулеметных отделений, чем в полках других армий, а в дивизии—втрое больше. Это приближает японскую пехотную дивизию по численности и по ударной силе к корпусам других армий. Но одновременно это обстоятельство значительно понижает насыщение войск артиллерией и техническими средствами. Наконец характерно отсутствие полковой артиллерии.

---

[1] При некоторых дивизиях имеются также отряды бронеавтомобилей.

Возможно впрочем, что новая 37-миллиметровая пушка с дальностью боя до 6½ *км*, снимок которой появился в японских иллюстрированных журналах, и предназначена для выполнения задач полковой артиллерии.

■ ■ ■

Японская пехота имеет вполне современную винтовку, усовершенствованный образец старой японской винтовки, показавшей высокие боевые качества в русско-японскую войну. На вооружении также находятся легкий пулемет (видоизмененный французский «гочкис») и станковый пулемет «гочкис», также слегка измененный, являющийся одним из лучших образцов этого вида оружия.

Пехотная артиллерия вооружена 37-миллиметровыми пушками образца 1922 г. с дальностью стрельбы до 5 *км* и 72-миллиметровыми мортирами (дальность 1½ *км*). Кроме того возможно появление бомбометов, минометов, противотанковых пушек и др. образцов пехотного оружия.

На вооружении полевой артиллерии состоят также вполне современные орудия—75-миллиметровая пушка образца 1905 г. (недавно усовершенствована), 105-миллиметровая пушка и 150-миллиметровая гаубица. Последняя имеется двух образцов—старая, но вполне еще годная, являющаяся орудием корпусного типа, и новая, облегченная, могущая быть включенной в состав дивизионной артиллерии.

Характерно отсутствие в настоящее время гаубиц в дивизионной артиллерии. Возможно, что в состав артиллерийских дивизий будут включены или 120-миллиметровые гаубицы, имеющиеся в японской армии (но не в дивизиях), или облегченные 150-миллиметровые гаубицы.

Японская авиация пока наполовину состоит из самолетов устаревших образцов, однако в последнее время строительство новых, более совершенных самолетов идет быстрыми темпами, тем более, что собственная авиационная промышленность Японии стоит на высоком уровне. Правда, она работает почти целиком на привозном сырье. Новые образцы самолетов по своим качествам мало уступают новейшим образцам, принятым в передовых империалистических армиях. Но конечно японской военной авиации далеко от американской, особенно в части тяжелых бомбовозов.

■ ■ ■

Через кадровую армию в Японии проходит относительно небольшая часть призывных контингентов, главная же часть их обучается вневойсковым порядком. Две трети молодежи допризывного возраста проходят предварительную допризывную военную подготовку в обязательном порядке (с 1926 г.). Вышедшие в запас возрасты периодически призываются на переподготовку (один раз в 4 года).

Учащиеся высших учебных заведений проходят высшую допризывную подготовку, по окончании которой зачисляются в резерв в качестве офицеров запаса. Все эти мероприятия, естественно, позволяют японскому империализму накоплять большие резервы военнообученного населения.

Иностранные статистики полагают, что Япония имеет в настоящее время не менее 4 млн. человек обученных резервистов. Если же принять во внимание, что еще в 1905 г., при населении в 45 млн. человек, Япония могла призвать под знамена более 3,5 млн. человек, становится очевидным, что при численности населения в 65 млн. человек (только японцев: корейцы и вообще население колоний не призываются) Япония сможет выставить гораздо больше. Лимитом здесь будет являться не численность обученного населения, а т е х н и к а и п р о м ы ш л е н н ы е в о з м о ж н о с т и с т р а н ы.

Японская армия с 1928 г. перешла на групповую тактику. Однако в ней сохранились еще и некоторые остатки старой тактики—наблюдается склонность к сгущению боевых порядков, особенно перед атакой. Это проявилось и в последних операциях под Шанхаем.

Армия воспитывается в наступательном духе. К обороне прибегают лишь тогда, когда обстановка окончательно вынуждает к этому, причем самая оборона строится с расчетом на переход в наступление при первой возможности. Судя по японским руководствам, особое внимание уделяется ночным действиям, причем последние допускаются и для крупных войсковых соединений (как продолжение дневного боя и перед рассветом). Ночные действия довольно успешно практиковались японской армией и в русско-японскую войну.

Маршевая тренировка армии высокая. Американцы называют японскую пехоту

«пешей кавалерией». Нередки двух- трехдневные переходы по 40—50 *км* с весьма небольшим количеством отставших (хотя и с большим падением боеспособности).

Характерной чертой главной массы японских войск является слабая приспособленность к действиям в условиях сурового зимнего климата. Японскому солдату, выросшему в подтропическом климате, мало помогает хорошее зимнее обмундирование и даже практикующееся «подогревание» рисовой водкой. Нужно еще отметить слабость японской кавалерии. В русско-японскую войну она почти себя не проявила. Правда, после мировой войны в Японии было обращено большое внимание на подготовку кавалерии, которая могла бы действовать в крупных стратегических соединениях. Но и теперь японская кавалерия является по существу скорее ездящей пехотой.

Японский солдат хорошо дисциплинирован—он приучен к этому всем укладом жизни,—грамотен, но весьма мало развит политически. От политической жизни армия тщательно изолирована. Армия избирательных прав не имеет.

Японский унтер-офицер—опора дисциплины и порядка в части. Он—сверхсрочник (служит до 40 лет), прекрасно знает свое «ремесло», и его обычные запросы ограничены стенами казармы (если не считать кабака в воскресный день). По социальному происхождению унтер-офицеры являются хорошо подобранными защитниками императорской Японии,—это кулаки, зажиточные крестьяне, мелкие городские собственники и пр.

Офицер хорошо знает свое дело. Физически закален, натренирован к действиям в поле, упорно и до конца проводит в жизнь приказ старшего начальника, к проявлению собственной инициативы мало приучен, имеет склонность к шаблонным уставным приемам.

По социальному положению главная масса офицерства состоит преимущественно из дворян, мелких помещиков и городской мелкой буржуазии.

Иностранные «обозреватели» склонны считать японскую армию «исключительной» в отношении ее политико-моральной устойчивости. Однако опыт интервенции в Манчжурии и Китае показывает, что революционные процессы, происходящие в стране, находят свое отражение и в армии, и протест против войны, как и борьба японского пролетариата, проникает и сквозь стены казарм. Никакие, даже японские, методы изоляции солдат от населения здесь не помогут.

■ ■ ■

Японский империализм, готовящийся к решительной борьбе за гегемонию на Тихом океане, тратит огромные средства на содержание колоссального военно-морского флота.

Япония занимает третье место в мире по мощности своих военно-морских сил после Англии и САСШ. В составе флота имеется 9 линейных единиц (6 линкоров и 3 линейных крейсера), располагающих 16 орудиями 40-сантиметровыми (16 *дм*) и 96 орудиями 35-сантиметровыми (14 *дм*), 12 крейсеров, вооруженных 20-сантиметровыми (8 *дм*) орудиями, 21 легкий крейсер, вооруженные 15-сантиметровыми (6 *дм*) орудиями; 103 эскадронных миноносца, построенных за последние 10 лет, и 72 подводные лодки.

Японский флот также обладает сильной морской авиацией, в особенности корабельной, — в строю находятся 3 авионосца и достраивается 4-й. Кроме перечисленных судов в строю еще остается немало вполне еще годных кораблей более устаревших типов. Япония располагает рядом прекрасно оборудованных морских баз для флота.

В целом следует признать, что военно-морские силы японского империализма стоят на большой высоте и по своей боевой подготовке несомненно превосходят американский флот.

Японские правящие круги твердо уверены в мощности своих вооруженных сил и намереваются стать при их помощи «хозяином Тихого океана в Азии».

Планы японского империализма, мятущегося в поисках выхода из экономического и нарастающего революционного кризиса, перестают быть тайной немногих,—они вынесены на свет и предстали перед трудящимися всего мира во всей своей наготе. Одно только упущено в этих планах: «крот истории» делает свое дело, и как бы «грандиозны» ни были планы, в них могут быть внесены весьма существенные поправки.

Грозным врагом для всякого империализма, в том числе и японского, намеревающегося осуществлять с оружием в руках свои «исторические задачи», является подымающийся пролетариат своей же страны.

ДЖОН ДОУ

Кризис в Америке

(«Известия от 14 февраля 1932 г.»)

В день опубликования годичного послания Гувера конгрессу САСШ в начале декабря 1931 г. почти все акции на нью-йоркской бирже резко пали. Это отчетливо выявило мнение Уоллстрита о мероприятиях, предложенных американским президентом для того, чтобы «встретить затруднения», созданные кризисом, и «положить основу для восстановления». В тот же день конгресс был напуган появлением участников «голодного похода», которые самым своим присутствием, несмотря на все полицейские преграды, достаточно определенно показали, сколь мало пролетариат Америки надеется получить помощь от правительства своей страны.

Недружелюбная встреча, оказанная программному сообщению президента, заставила Вашингтон призадуматься. В результате через три дня в газетах было неожиданно опубликовано новое обращение, на этот раз к народу, в котором Гувер, желая, «чтобы страна хорошенько разобралась в программе», повторил в более краткой форме, как он предлагает бороться с глубочайшим кризисом, который когда-либо знала Америка.

Даже представители Уоллстрита откровенно признают, что послание Гувера, как пишет «Джорналь оф Коммерс», «состояло из ряда предложений и точек зрения, которые он уже высказывал раньше, и не содержало никаких четких предложений, как устранить основные причины теперешних затруднений». Это не помешало Гуверу закончить популяризированное изложение своего послания конгрессу громогласным заявлением, в котором президент САСШ непоколебимо продолжает успокаивать и обещать. Эта роль для Гувера не нова. Недавно одно предприимчивое американское издательство выпустило книгу, содержащую выдержки из высказываний Гувера, Мелона Форда и др. по вопросам хозяйственной конъюнктуры в САСШ. Издательство с остроумием висельника признается, что «эта книга не стоит бумаги, на которой она написана», и что предсказания руководящей головки американского капитала «оказались на 100% неправильными». С этим утверждением действительно трудно спорить.

Вот уже третий год, как Америка служит ареной весьма любопытного «соревнования» между казенным, приторно сладким и насквозь лживым, имеющим целью обмануть трудящихся оптимизмом официальных кругов и суровой реальностью кризиса.

Чрезвычайно симптоматичен для того бесперспективного положения, в котором находится американский капитал в настоящий момент, тот факт, что и дальнейшие, весьма оптимистические выступления в конгрессе «главнообещающего» Гувера и его министров вовсе не принесли новых надежд. Так 4 января 1932 г., в день опубликования чрезвычайного сообщения президента о создании специальной двухмиллиардной кредитной корпорации, произошло новое понижение курсов акций, продолжавшееся и на следующий день[1]. Котировки на ценные бумаги достигли рекордно низкого уровня.

Следующая таблица дает курсы ряда показательных акций за последние три года по сравнению с котировками при закрытии биржи в день 5 января 1932 г.

Фирмы	Наивысший курс акций			Курс на 5 января 1932 г.
	В 1929 г.	В 1930 г.	В 1931 г.	
Америкен Смеллин	$130\frac{1}{4}$	$79\frac{1}{2}$	$58\frac{1}{2}$	16
Америкен Телефон энд. тел.	$310\frac{1}{4}$	$274\frac{1}{4}$	$201\frac{3}{4}$	$109\frac{7}{8}$
Балтимор энд. Охао	$145\frac{1}{8}$	$122\frac{3}{8}$	$87\frac{7}{8}$	$13\frac{3}{8}$
Бетлехем Стил	$140\frac{3}{4}$	$110\frac{1}{4}$	$70\frac{3}{8}$	$17\frac{1}{8}$
Крайслер Корп	135	43	$25\frac{3}{4}$	$12\frac{5}{8}$
Дю Ронд дэ Немуре	231	$145\frac{1}{4}$	107	$49\frac{1}{2}$
Ири Рейлорд	$93\frac{1}{2}$	$63\frac{3}{4}$	$39\frac{3}{4}$	6
Дженерал Электрик	$63\frac{1}{4}$	$95\frac{3}{8}$	$54\frac{3}{4}$	$22\frac{3}{4}$
Гудрич (Б. Ф.)	$105\frac{3}{4}$	$58\frac{1}{2}$	$20\frac{7}{8}$	$4\frac{1}{4}$
Иллинойс Сентрал	$153\frac{1}{2}$	$136\frac{3}{4}$	89	$9\frac{1}{2}$
Интернейшенал Гарвестер	142	$115\frac{3}{4}$	$60\frac{1}{2}$	23
Радио Корп	$114\frac{3}{4}$	$69\frac{3}{8}$	$27\frac{1}{2}$	$5\frac{1}{2}$
Синклер Конс Ойл	45	32	$15\frac{7}{8}$	$4\frac{1}{2}$
Сотерн-Пасифик К°	$157\frac{1}{2}$	127	$109\frac{1}{2}$	$25\frac{1}{8}$
Юнайтед-Стейтс Стил К°	$261\frac{3}{4}$	$198\frac{3}{4}$	$152\frac{3}{8}$	$36\frac{1}{4}$

[1] Любопытно отметить, что проведение в палате представителей кредитного законопроекта, предложенного Гувером, опять-таки и было встречено на Уоллстрите 16 января новым сползанием курсов, положивши фактически конец наметившемуся было небольшому повышению.

Чрезвычайно важно отметить, что снижение коснулось не только акций, но и облигаций. По данным «Геральд Трибюн», средняя цена 30 облигаций снизилась со 102 долл. в 1928 г. до 75 долл. в декабре 1931 г. Такое крупное снижение, по признанию американских газет, не имеет равного за 75 лет. Значение всего этого станет ясным, если учесть, что ссуды под ценные бумаги составляют около половины всех ссуд и инвестиций американских банков. Колоссальное падение курсов акций и облигаций наряду с падением цен на недвижимое имущество ставит американскую кредитную систему в почти безвыходное положение.

На нью-йоркской бирже продажи акций в день составляют меньше половины уровня 1929 г.

И вместо прибылей клерки вписывают убытки.

За Уоллстритом через своеобразную призму биржевого барометра открываются контуры большой страны с огромными естественными богатствами и мощным производственным аппаратом, беспомощно барахтающейся в сетях кризиса,—страны перепроизводства и «голодных походов». Когда недавно, по случаю праздника «воздаяния благодарствия», президент САСШ заявил: «Наша страна имеет основания благодарить создателя. Нас благословил он обильными урожаями», нью-йоркский либеральный еженедельник «Нейшен» меланхолически заметил, что только предки современных американцев могли выражать благодарность за хороший урожай: ведь «в условиях нашей экономики, построенной «шиворот-навыворот», обильные урожаи нас ничем не обеспечивают». И действительно рекордный урожай хлопка в САСШ в прошлом году явился причиной разорения и обнищания тысяч фермеров.

Перевозки обычно служат одним из самых надежных показателей хозяйственного положения страны. В декабре 1931 г. в Америке находилось без дела более трех четвертей миллиона грузовых вагонов. Индекс погрузок «Анналиста», который стоял около 100 весной 1930 г., когда налицо уже было большое снижение товарооборота, в декабре 1931 г. дошел до 60,4. Если для того, чтобы индекс погрузок скатился с 80 до 70, потребовалось 34 недели (с января по август 1931 г.), то снижение с 70 до 60 произошло за остальные 18 недель истекшего года.

Потухшие домны, опустевшие заводы, работающие в пределах пяти—тридцати процентов своей производственной мощности,—такова картина тяжелой промышленности САСШ, основы могущества американского капитала. За два года промышленная продукция Америки отброшена по объему на десять с лишним лет назад. Сталелитейная промышленность работает в пределах 15—20% производственной мощности против 80—90% три года назад. Продукция чугуна в декабре 1931 г. была, если не считать двух месяцев 1921 г., самой низкой за 30 лет. Отгрузка локомотивов, включая и заграничные заказы, составила за одиннадцать месяцев истекшего года 147 единиц против 779 единиц за те же месяцы 1929 г. Производство автомобилей сократилось столь катастрофически, что в последние два месяца прошлого года оно стояло на уровне, характеризовавшем автомобильную промышленность первоначальных стадий ее развития в Америке. Даже производство электрической энергии, которое упорно не поддавалось понижательным тенденциям, начинает резко падать.

С июля по конец года индекс продукции электроэнергии упал на 10 единиц (до 74,7), в то время как за первую половину 1931 г. понижение составило только 3½ единицы.

Немудрено, что это плачевное положение производства ведет к застою в предпринимательской деятельности. В 1931 г. выпуск ценных бумаг снизился больше чем наполовину по сравнению с предыдущим годом,—при этом за вторую половину года он составил только 20% годовой цифры.

Интересно также то, что из общей суммы таких бумаг лишь 2—5% представляли собою выпуск акций новых предприятий.

Туго затянувшийся узел кризиса захватил и парализовал нормальные функции почти всех артерий капиталистического хозяйства. Понижению продукции предшествует и сопутствует падение цен делающее в еще большей мере нерентабельным ряд производств. Цены на пшеницу в течение настоящего кризиса пали настолько, что статистикам пришлось заглянуть в материалы XVIII столетия, чтобы найти эквивалентные им. В 1931 г. цены на медь достигли самой

низкой точки, которую когда-либо знали нью-йоркская и лондонская биржи.

На 1 декабря 1931 г. индекс оптовых цен «Анналиста» пал до 100. Иными словами, он снизился до уровня своего базиса, т. е. до цен 1913 г.: к концу декабря индекс снизился до 95,9.

Усиленные заботы Вашингтона о поддержании банков имеют самое реальное основание,—за 1931 г. лопнуло 2 260 банков, т. е. свыше 10% всей кредитной системы САСШ.

Кризис доверия к банкам достиг такой остроты, что, по скромным подсчетам, количество денег, припрятанных населением, достигает полутора миллиардов долларов, доводя денежное обращение до неслыханно высокого уровня. Мероприятия, предложенные правительством для поддержания банков, в свою очередь потребуют выпуска в обращение бумажных денег еще на много сотен миллионов долларов (согласно законопроекту в редакции, измененной сенатом, реконструктивная финансовая корпорация, обладая капиталом в 500 млн. долл. государственных денег, выпустит на полтора миллиарда долларов облигаций, которые хотя и нельзя будет учитывать в федеральной резервной системе, тем не менее можно будет продавать государственному же казначейству).

При таком росте денежного обращения золотые запасы САСШ понижаются. Золотой запас федеральной резерной системы уменьшился с $3\frac{1}{2}$ млрд. долл. в средине сентября до $2\frac{3}{4}$ млрд. долл. к концу октября. Если в дальнейшем и удалось его увеличить главным образом за счет высасывания золота из Японии до 3 млрд. долл., то дальнейшие перспективы весьма неутешительны. Доверие к доллару пошатнулось до такой степени, что мы являемся свидетелями нового налета европейских кредиторов, отзывающих краткосрочные обязательства на американский золотой запас. При этом Японией в качестве резерва уже пользоваться нельзя вследствие отмены там золотого стандарта.

Такие «ножницы» между ростом денежного обращения и уменьшением американского золотого запаса ставят под самую непосредственную и реальную угрозу сохранение золотого стандарта в САСШ.

Резкое сокращение производства, катастрофическое падение акций, усиливающиеся затруднения и крахи банков, неслыханное падение цен—как все это отражается на положении миллионов трудящихся, руками которых создана производственная мощь Америки? Ответ на этот вопрос был дан отчасти участниками голодного похода, которые представляли 12—14 млн. американских рабочих, совершенно потерявших работу и таким образом обреченных на голод, не говоря о десятке миллионов частично занятых рабочих. «Государственная помощь,—заявляет правительство, — развратит рабочего». Поэтому оно категорически возражает даже против самых ограниченных видов социального страхования, призывая однако капиталистов пожертвовать, «кто сколько может», в пользу безработных.

Точные размеры безработицы никому неизвестны. Те цифры, которые время от времени издает департамент труда, совершенно дискредитированы. Однако даже по данным этого департамента общий индекс занятости рабочих в обрабатывающей промышленности понизился в ноябре 1931 г. до 65,4 (средняя месячная за 1926 г. равняется 100). Еще более высокий процент безработицы дает ряд отраслей добывающей промышленности.

Индекс занятости «Анналиста», который принимает за 100 среднюю за 1923—1925 гг., уже в начале 1929 г. также стоит на уровне ниже базисного. В дальнейшем снижение занятости идет все ускоряющимися темпами. И опять-таки, несмотря на все уверения буржуазных экономистов, что безудержному увеличению числа безработных приходит конец, занятость рабочих продолжает падать даже круче, чем в первый год кризиса.

Изменение индексов занятости по сравнению с предыдущим кварталом

Сталелитейная промышленность

	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Январь	—	—6,5	—3,9
Апрель	—5	—1,6	—1,8
Июль	+3,9	—3,5	—3,8
Октябрь	—2,4	—6,2	—6,5

Машиностроение

	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Январь	—	—10,7	—6,8
Апрель	+8,1	—4,7	—4,1
Июль	+7,2	—9,6	—7,6
Октябрь	—1,4	—6,3	—4,7

Транспортный сбор

	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Январь	—	—5,7	—7,0
Апрель	+3,7	—2,6	—2,1
Июль	—1,2	—6,0	—3,8
Октябрь	—7,7	—8,9	—9,2

Химическая промышленность

	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Январь	—	—5,3	—5,0
Апрель	+6,3	—3,9	—4,1
Июль	+0,1	—1,2	—2,1
Октябрь	+2,2	—4,2	—4,5

Вышеприведенная таблица наглядно показывает, что в 1931 г. темпы увеличения безработицы не понизились, а в некоторых отраслях даже продолжали расти по сравнению с предшествующим годом.

Таким образом американская буржуазия заставляет рабочий класс расплачиваться за пороки капитализма. Отчаянные попытки буржуазии выкарабкаться из кризиса приводят к дальнейшему ухудшению положения трудящихся. Заверения Гувера в первые месяцы кризиса, что капиталисты не станут покушаться на уровень жизни рабочих, все еще занятых на производстве, явились завесой, за которой предприниматели приступили к систематическому снижению зарплаты на 10, 20 и даже 40%, под угрозой лишения работы. Департамент труда, учитывающий лишь часть предприятий, сообщает ежемесячно о десятках и сотнях тысяч новых рабочих, которые перешли на пониженные ставки. Одновременно предприятия переходят на сокращенную рабочую неделю, что влечет дальнейшее снижение зарплаты. Разумеется, громадная доля сокращений зарплаты проходит мимо государственных учетных органов. В ряде случаев предприниматели рассчитывают всех своих рабочих и затем спустя некоторое время нанимают часть из них вновь по «расценкам, соответствующим требованиям момента». Тот же департамент труда сообщает, что в ноябре 1931 г. индекс суммы зарплаты снизился до 51. Базой служит опять-таки 1926 г. По сравнению с 1923 г. фонд зарплаты уменьшился больше чем наполовину. И это невзирая на увеличившееся за восемь лет количество американских рабочих.

Несмотря на организационное выступление предпринимателей за сокращение зарплаты, несмотря на угрозу безработицы, висящую кошмаром над каждым рабочим, американский пролетариат вовсе не является молчаливым свидетелем наступления на его жизненный уровень. Забастовки вспыхивают стихийно в разных частях страны. Бастуют шахтеры даже отсталых районов, бастуют текстильщики Лоуренса. Волна забастовок грозит разлиться по всей стране. Забастовщиков выбрасывают из домов, принадлежащих предпринимателям. Они мерзнут в палатках в зимнюю стужу. Из многих шахтерских районов сообщают о том, что рабочие «богатейшей страны в мире» ходят в одежде из мешков. Взрослые голодают, дети по месяцам не видят молока. Но все же трудящиеся, перед которыми так или иначе стоит призрак безработицы, объединяются в левые профсоюзы, несмотря на противодействие реакционных руководителей Американской федерации труда, и совместно выступают на защиту своих интересов. В результате неутомимой деятельности американской компартии широкие круги трудящихся САСШ начинают понимать, что единственный выход из создавшегося положения лежит в борьбе против всей системы капитализма.

Вихрь кризиса несется с неудержимой силой. Оптимизм буржуазии насчет дальнейших перспектив приобретает все более расплывчатые формы. В новогоднем номере «Нью-Йорк Таймс» признается, что только незначительная часть финансовых кругов рассчитывает на относительно скорее улучшение положения, в то время как существует взгляд, что произойдет «расстройство кредитной системы в мировом масштабе, ведущее к общему банкротству». Таким образом даже буржуазия начинает понимать, что настоящий кризис чреват последствиями, грозящими подорвать самые основы мирового капитализма. Между тем по существу дела ничего кроме попыток удержать самые крупные банки от окончательного краха американское правительство не в состоянии делать.

«Вытащить себя за шнурки своих башмаков», как говорят американцы, из своих противоречий капитализм не может.

ДЖЕНКИНС

Равновесие на одной ноге

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АНГЛИИ

(«Известия» от 20 марта 1932 г.)

Английская буржуазия в оптимистическом настроении. Ей только что было сказано, что бюджет будет, по всей вероятности, сбалансирован. Эта новость была объявлена после того, как стало известно, что казначейство уплатило 43 млн. ф. ст. в счет 80 млн., занятых прошлым летом в Париже и Нью-Йорке. Английскую буржуазию заверяют в том, что новый экономический подъем не за горами. Всеобщий покровительственный тариф, функционирующий уже две недели, «закроет доступ иностранным товарам», а предстоящая имперская конференция открывает-де перспективы для своего рода имперской свободы торговли, в процессе которой Англия будет обменивать свои промышленные изделия на пшеницу, живность и молочные продукты доминионов. Эти оптимистические настроения поддерживаются полуобещаниями насчет снижения подоходного налога и налога на пиво.

За последние дни на денежном рынке происходил бешеный ажиотаж вокруг фунта стерлингов. Ожидая, что курс фунта подскочит вверх, спекулянты скупали фунты, чтобы спустя некоторое время продать их со значительной прибылью. «Краткосрочные» деньги лились в Лондон широкой рекой, но совершенно бесполезно, так как наученные горьким опытом прошлого лета банки опасаются внезапного востребования краткосрочных кредитов. На лондонском рынке капитал ищет убежища от финансовой разрухи в других странах. Приманкой для него служат толки английской печати о предстоящем экономическом подъеме. Но банки лучше осведомлены о действительном положении вещей и уже прибегли к снижению учетного процента, чтобы прекратить этот непрошенный прилив капиталов.

Для буржуазной публики биржевой ажиотаж и эффектное повышение курса фунта представляются признаками наступающего процветания. Так внушают ей газеты и безответственные заявления политических деятелей насчет «явных признаков начинающегося подъема». Экономисты вторят этому, а банкиры превозносят «имманентное здоровье» лондонского денежного рынка. Бульварная «Дейли Мейль» даже напечатала картинку, на которой иностранный промышленник обозревает участок земли, собираясь построить на нем фабрику, чтобы таким образом пробраться внутрь таможенной ограды.

Буржуазная публика редко читает отчеты министерства торговли и поэтому остается в неведении насчет сокращения промышленной продукции, торговых оборотов и перевозок на суше и на море. Между тем в отчеты министерства торговли стоит заглянуть. В них только что объявлено, что в феврале вывоз сократился на миллион фунтов против январского и почти на 8 млн. фунтов по сравнению с февралем прошлого года. С другой стороны, таможенные барьеры не помешали февральскому ввозу готовых изделий увеличиться на 7 млн. фунтов по сравнению с январским. Министерство труда вынуждено констатировать, что число зарегистрированных безработных все еще составляет 2 701 173 человека, не считая железнодорожников, сельхозрабочих и домашней прислуги. Если же к этой цифре прибавить 145 тыс. человек, которые не только лишены пособий, но и вычеркнуты из списков безработных, то общее число безработных составит 2 846 173 человека, т. е. почти на 200 тыс. человек больше, чем прошлым летом, когда национальное правительство пришло к власти. Журнал «Экономист» отмечает, что упадок производства продолжается во всех отраслях промышленности, за исключением стальной, и что даже в тех отраслях, которые более всего выиграли на обесценении фунта, как то: угольная и текстильная промышленность, высокая конъюнктура оказалась очень недолговечной. «Признаков подлинного оживления,—пишет журнал,—попрежнему нет. Если наша внутренняя торговля в некоторых отношениях улучшилась, то наша внеш-

няя торговля очутилась во много худшем положении, чем в декабре».

Что означает при этих условиях бюджетное равновесие, которого хочет добиться правительство? Если бюджет будет сбалансирован, то это не будет означать, что экономическое положение страны улучшилось. Бюджетные поступления будут, по всей вероятности, ниже сметных предположений, несмотря на то, что подоходный налог за будущий бюджетный год взимался вперед и включен в текущий бюджет. Бюджет уравновешивается за счет ограбления рабочих и безработных, за счет сокращения жалованья государственных служащих, сокращения пособия безработным и лишения 500 тыс. рабочих какого бы то ни было пособия; за счет «сбережений» на народном образовании, на жалованьи солдатам и морякам и на пенсиях; за счет выжимания из рабочих больших отчислений на государственное страхование за меньшую зарплату; за счет введения налога на продукты питания. Только таким путем удалось подогнать расходную часть бюджета к сократившимся поступлениям. При этих условиях бюджетное равновесие можно сохранять только путем дальнейшего нажима на рабочий класс в форме новых «сбережений» или посредством дальнейшего повышения тарифов, которое ведет к вздорожанию жизни.

Тарифная политика правительства продиктована теми же соображениями, что и бюджетная политика,—сбалансировать внешнюю торговлю не столько путем увеличения вывоза, сколько путем сокращения ввоза. Широкие массы, обираемые для того, чтобы казна могла сократить свои расходы, обираются еще раз посредством налогов на привозные продукты питания и на готовые изделия. Всеобщий десятипроцентный тариф равносилен снижению реальной заработной платы приблизительно в том же размере.

Перед английской буржуазией стоит еще более трудная задача, чем простое сбалансирование ввоза и вывоза товаров. Значительная часть английского вывоза является «невидимой». Таковы капиталовложения за границей, доходы от фрахтов и т. д. Между тем за последний год доход от капиталов, вложенных за границей, сократился до 165 млн. фунтов (тогда как за последние годы он составлял в среднем 240 млн. фунтов), а доходы от фрахтов упали до 80 млн. против 105 в позапрошлом году. Для того чтобы вернуть прежние размеры этого «невидимого» экспорта, необходимо финансовое оздоровление тех стран, в которых вложен английский капитал. Между тем даже осторожный «Таймс» считает более вероятным, что в ближайшем будущем Центральную Европу ожидает банкротство.

Резюмируя, можно сказать, что английская буржуазия, пытающаяся сбалансировать свой бюджет, уподобляется человеку, который с великим трудом сохраняет равновесие на одной ноге.

РУДОЛЬФ

План Дунайской федерации и новые маневры французского империализма.

(«Правда» от 4 апреля 1932 г.)

Одним из последствий мировой империалистической войны явилась так называемая балканизация Центральной Европы, т. е. создание на месте бывшей Австро-Венгерской империи нескольких новых государств (Австрия, Чехо-Словакия, Венгрия). Одновременно за счет монархии Габсбургов получили большие территории Сербия (разбухшая до пределов нынешней Югославии), Румыния и Польша.

Перекройка государственных границ в Центральной и Юго-Восточной Европе и образование новых независимых государств создали, с одной стороны, в отсталых массах рабочего класса и мелкой буржуазии иллюзии, будто ими достигнуто действительно национальное освобождение. Это облегчило буржуазии подавление пролетарской революции в Центральной Европе. С другой стороны, французский империализм действовал во

время своих хирургических операций с государственными границами по принципу—«разделяй и властвуй». Передав Румынии почти всю Трансильванию, включая районы, населенные венграми, он создал почву для румынско-венгерского антагонизма. Таким же образом были созданы условия и для возникновения новых противоречий между Чехо-Словакией и Венгрией и т. д.

Этим путем французский империализм создал одну из предпосылок для военного союза Чехо-Словакии, Румынии и Югославии с Францией. Этот союз имеет целью застраховать версальскую систему от реванша со стороны побежденных стран, а также обеспечить господство французского финансового капитала в Центральной и Юго-Восточной Европе против итальянского и английского соперников. И наконец одной из основных целей Парижа явилось сплочение антисоветского интервенционистского блока.

Французский империализм годами закреплял свои позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе при помощи целой системы займов и кредитов. Займы, щедрой рукой дававшиеся придунайским государствам, были подчинены политическим и стратегическим целям Франции. В своем большинстве они были связаны с мероприятиями военного характера—с закупкой должниками вооружения у Франции, строительством военной промышленности в странах французского военного союза, строительством стратегических железных дорог и т. д. и т. п. Так Франция добивалась осуществления своих целей—завершения враждебного окружения Германии и создания в Центральной Европе мощного военного кулака, могущего быть использованным против Советского союза, Германии или Италии.

Балканизация Центральной и Юго-Восточной Европы имела однако некоторые последствия, не входившие в расчеты французского империализма. Государственное размежевание привело к возникновению ряда экономических трудностей. Во-первых, оно создало ряд новых таможенных границ, затруднивших нормальный товарооборот в Дунайском бассейне. Во-вторых, оно привело к созданию двух государств (Чехо-Словакия, Австрия) с весьма развитой промышленностью, с чрезвычайно небольшими внутренними рынками и почти без собственной аграрной базы. Одновременно сильно выросшие Румыния и Югославия обогатились новыми аграрными районами, но оказались лишенными внутренних рынков сбыта для своей сельскохозяйственной продукции (зерно, мясо и т. п.).

Все эти обстоятельства в немалой степени содействовали обострению в странах Центральной и Юго-Восточной Европы послевоенного экономического кризиса и особенно нынешнего мирового экономического кризиса. Аграрный кризис особо резко ударил по Румынии, Югославии, Болгарии и Венгрии, а кризис промышленного перепроизводства очень глубоко захватил Австрию, Венгрию и Чехо-Словакию и создал в этих странах большую безработицу.

В результате мы видим во всех этих странах огромное обнищание крестьянства и как следствие усиление недовольства крестьянских масс и большой размах крестьянского движения. Наряду с этим развиваются процесс радикализации рабочего класса и рост коммунистического влияния.

Встревоженные таким ходом событий правящие классы придунайских государств начали за последние годы искать выхода из создавшегося для них грозного положения. Капиталисты и помещики этих стран начали убеждаться в том, что установленный ими в ряде стран фашистский или полуфашистский режим (Румыния, Венгрия, Югославия, Болгария и отчасти Австрия и Чехо-Словакия) в лучшем случае способен несколько затормозить поступательный ход революционного движения, но не в состоянии его приостановить.

Поиски выхода из кризиса пошли в разных направлениях. В Австрии внутри правящей буржуазии получила новый импульс старая идея аншлюсса (присоединение Австрии к Германии); носителями этой тенденции явились часть христианско-социальной партии (решающая партия австрийской буржуазии), пангерманцы, группа бывшего союзного канцлера Шобера, социал-демократы.

Другая тенденция, наиболее ярким представителем которой является известный реакционер, бывший союзный канцлер, патер Зейпель, высказывалась за хозяйственное и политическое объединение придунайских стран, в частности Австрии и Венгрии. В енгрии легитимисты,

в частности бывш. мининдел Грац, поддерживают стремления Зейпеля.

Внутри Малой Антанты, являющейся военно-политическим союзом Чехо-Словакии, Югославии и Румынии, также появились стремления к взаимному хозяйственному сближению. Носителем этих стремлений является Бенеш, представляющий в данном случае интересы промышленной буржуазии Чехо-Словакии.

Попытки подвести хозяйственную базу под шаткое здание Малой Антанты встретили однако серьезнейшие препятствия в экономических противоречиях между чешскими промышленниками и буржуазией Югославии и Румынии и между аграриями этих стран. К тому же взоры румынских, югославских и венгерских помещиков обратились к самому крупному рынку для их продукции—к Германии, и это создало в Румынии, Югославии и Венгрии тенденции к экономическому сближению с Германией.

Обострение мирового экономического кризиса, и особенно финансового кризиса в Австрии и Венгрии, с особой остротой выдвинуло перед придунайскими странами проблему хозяйственного сближения между собой, а также с Германией как главным потребителем сельскохозяйственной продукции этих стран и их главным промышленным поставщиком. Это привело к заключению между Австрией и Венгрией и Австрией и Югославией, а также между Италией и Венгрией особых предпочтительных таможенных договоров и контингентных соглашений.

Вместе с тем это подтолкнуло и Германию к попытке хозяйственного и политического закрепления в Центральной и Юго-Восточной Европе, что нашло свое выражение в заключении весной прошлого года предварительного соглашения с Австрией о таможенном союзе и в подписании между Германией и Венгрией и Германией и Румынией предпочтительных (преференциальных) и контингентных договоров (предоставлявших льготы румынскому и венгерскому зерну в Германии и германским промышленным товарам в этих странах).

Как известно, французский империализм не допустил осуществления австро-германского и румынско-германского соглашений. Франция увидела в этих соглашениях угрозу для своей гегемонии в Центральной и Юго-Восточной Европе и признак усиления германского влияния. Поэтому при помощи прямого политического давления, вплоть до угрозы войной («аншлюсс—это война»,—сказал покойный Бриан), и путем подкупа буржуазии Австрии и Румынии (предоставление займов и кредитов) Франция добилась аннулирования австро-германского таможенного союза и невступления в силу германо-румынского преференциального договора. Французская политика бронированного кулака еще раз одержала победу, но ни одна из животрепещущих экономических проблем не была разрешена. Наоборот, кризис продолжал обостряться с новой силой.

Давление экономического кризиса и рост революционных настроений в рабочих и крестьянских массах придунайских стран вынудили правящие классы этих стран вновь искать капиталистического выхода из кризиса в попытках хозяйственного сближения этих стран. На этот раз эти поиски происходили в новых условиях.

Германия вследствие обострения кризиса в стране оказалась оттесненной на задний план. Зато Франция, вооруженная и в финансовом отношении еще более выросшая, сумела при помощи своей политической силы и золота укрепить свои позиции в Дунайском бассейне. Все это вызвало усиление тяготения в Венгрии и Австрии к соглашению с Францией и привело даже к некоторым сдвигам в правящих кругах этих стран.

В интересах облегчения соглашения с Францией в Австрии были удалены наиболее видные сторонники «аншлюсса»—министр иностранных дел Шобер и директор Австрийского национального банка Рейш, который был заменен на этом посту бывшим министром финансов и близким к Зейпелю Книбеком (являющимся кстати юрисконсультом находящегося под контролем концерна «Шнейдер-Крезо» австрийского акционерного общества «Вейтшер Магнезитверке»). В Венгрии должен был уйти в отставку премьер-министр граф Бетлен, известный как сторонник итальянской ориентации Венгрии, и его место занял более гибкий граф Карольи.

Все эти обстоятельства создали благоприятные условия для того, чтобы в Венгрии влиятельная группа аграриев в лице бывш. министра Граца и бывш. статс-секретаря Хантоса выдвинула в начале этого года идею экономическо-

го соглашения между Австрией, Венгрией и Чехо-Словакией, а возможно и Югославией и Румынией.

Вслед за тем дунайская проблема становится темой для дискуссии во всей европейской печати.

В самый разгар этой дискуссии французский премьер Тардье выступил со своим планом «Придунайской экономической федерации». Этот план не является изобретением Тардье и в основном выработан еще Клемансо. Французские послы вручили Англии, Италии, Чехо-Словакии, Румынии, Австрии, Югославии и Венгрии и позднее Германии меморандумы с предложением этого плана, а Тардье сделал 1 марта в финансовой комиссии палаты депутатов заявление на эту тему, воспользовавшись обсуждением вопроса о предоставлении Чехо-Словакии нового займа в 600 млн. франков.

По плану Тардье, Австрия, Венгрия, Румыния, Чехо-Словакия, Югославия заключают между собой особое таможенное и экономическое соглашение, предоставляющее им особые льготы в их торговле друг с другом, в частности вводящее в систему особые преференциальные договоры. Эти льготы не могут распространяться на какие-либо третьи государства (этот пункт специально направлен против Германии), но Франция, а также Италия и Англия должны оказать придунайским странам финансовую поддержку. Выступление Франции вызвало во всей Европе огромную сенсацию и поставило дунайскую проблему в порядок дня европейской политики как следующую по важности после японо-китайского конфликта.

Какие цели преследует французский империализм своим новым выступлением?

Французский империализм ловко использовал стремление к хозяйственному сближению между государствами Центральной и Юго-Восточной Европы для того, чтобы усилить свою гегемонию в Европе. Франция играет сравнительно малую роль во внешней торговле придунайских государств. Поэтому она имеет полную возможность сама «благородно» отказаться от требования всяких льгот у этих государств. Она выступает как бы в роли «бескорыстного» советника и даже благодетеля придунайских стран, обещая им свою помощь.

Тем самым Франция предполагает закрепить свои политические позиции в придунайских странах, проявлявших еще недавно склонность к соглашению с Германией. Вместе с тем Франция и ее союзница Чехо-Словакия рассчитывают на подчинение Австрии и Венгрии французскому влиянию и тем самым на ослабление Германии и Италии в этом районе Европы.

План Тардье открыто заострен против Германии. Что касается Италии, то Тардье предполагает купить ее вовлечением в дело «помощи» придунайским странам наряду с Францией и Англией. При помощи плана Тардье должны найти свое разрешение специальные интересы французской тяжелой промышленности. Недаром в подготовке этого плана играет крупную роль «Комите де форж», а также концерн «Шнейдер-Крезо», контролирующий в Чехо-Славакии, Румынии, Югославии и Австрии ряд крупнейших военных и металлургических заводов, угольных шахт и банков.

Но план Тардье о Дунайской федерации преследует и другие задачи. Он имеет целью расширение антисоветского блока на юго-востоке Европы. Он является новым этапом в подготовке интервенции против СССР.

Об этом открыто говорят различные сторонники плана Тардье. Например венгерский депутат Фабиан недавно назвал этот план в чешской газете «Лидовановине» «первом этапом на пути европейского сотрудничества, которое спасает Европу от большевистской опасности». А бывший французский министр Пенлеве в своем докладе в Вене 22 марта прямо заявил: «Кризис мирового хозяйства испытывает тягчайшее обострение вследствие советского демпинга. Образование единого экономического блока на западе Средней Европы может создать противовес хозяйственной агрессии России».

Само собой разумеется, что заявления Фабиана и Пенлеве только в очень небольшой степени приоткрывают завесу над антисоветскими комбинациями, связанными с планом дунайского блока. Одной из важнейших целей французского империализма является в частности, устранение тех противоречий между капиталистическими государствами, кото-

рые в немалой степени затрудняли создание единого антисоветского блока.

Среди этих противоречий заметное место занимали румыно-венгерские и чехословако-венгерские противоречия. Наличие враждебных отношений между Малой Антантой и Венгрией (например чешско-венгерская таможенная война, территориальные споры между Румынией и Венгрией, итальянская ориентация Венгрии и т. п.) создает положение неуверенности для Румынии и Чехо-Словакии в случае войны против СССР. План Тардье создает предпосылки для ослабления этих противоречий и для получения Румынией и Чехо-Словакией гарантий за свой тыл во время антисоветской войны.

Больше того, создание экономического блока в Дунайском бассейне облегчает со стратегической точки зрения решение ряда задач, например коммуникационный вопрос (перевозка орудий и снаряжения в Румынию и Польшу через Австрию и Венгрию), проблему продовольственного снабжения Польши и Прибалтики и т. д.

В тесной связи с этими планами стоит усиление деятельности военного концерна «Шнейдер-Крезо» во всех придунайских странах, особенно в Чехо-Словакии, в которой создается военно-промышленный центр для всего востока Европы. Экономическое объединение этих стран облегчает также концерну «Шнейдер-Крезо» координирование деятельности подконтрольной ему военной промышленности в Чехо-Словакии, Австрии, Румынии и т. д.

План Тардье встретил весьма смешанный прием в придунайских странах. Объясняется это противоречивостью экономических интересов как этих стран, так и различных буржуазных групп в этих странах. Так чешские и отчасти австрийские промышленники заинтересованы в расширении рынков для своей продукции,—поэтому они поддерживают этот план. Венгерские помещики и кулаки надеются на расширение сбыта своего зерна в случае создания Придунайской федерации.

Чешские аграрии—против этой комбинации из боязни конкуренции венгерского и румынского зерна. В свою очередь румынская и югославская промышленность боится конкуренции чехословацких и австрийских товаров.

Наконец румынские и югославские аграрии не прочь расширить таким путем свои рынки сбыта, но боятся потерять германский рынок, имеющий для них непосредственное значение. Отсюда те колебания, с которыми в Югославии, Румынии, Венгрии и т. д. был встречен план Тардье. К этому прибавляется политическое и экономическое тяготение Венгрии к Италии и Австрии к Германии.

Особую роль играет в этих колебаниях проблема экономических отношений с Германией. В самом деле, все пять придунайских стран экспортируют в Германию—20—26% всего своего экспорта, а ввозят из Германии от 10 до 26% своего импорта. Внутридунайский же торговый оборот составляет только около 30% их внешней торговли. Поэтому исключение Германии из предусмотренных планов Тардье соглашений и льгот угрожает почти четверти всей нынешней торговли пяти дунайских стран.

Германия является для дунайских стран таким рынком и таким поставщиком, которого Франция заменить не может. Поэтому понятно, что многие руководящие политики в этих странах хотя и робко, но высказываются в пользу вовлечения Германии в эту комбинацию.

Предложение Франции натолкнулось на возражения в Германии и Италии. Буржуазия обоих государств боится потерять свои экономические позиции в Дунайском бассейне в пользу Франции и не желает нового укрепления французской гегемонии.

В ответном меморандуме Франции Германия поэтому требует: 1) включения Германии в намеченную Францией систему экономических мероприятий; 2) включения в план еще Болгарии, которая ориентируется на Германию и Италию и должна поэтому состоять в федерации вместе с Венгрией и Австрией в противовес французским союзникам.

Франция возложила большие надежды на содействие своему плану со стороны Англии. Английская дипломатия на словах заверила Тардье в своем сочувствии плану, но в английской прессе план был встречен холодно.

Английская буржуазия не очень обрадована перспективой усиления французского влияния в Европе. Кроме того ан-

глийская буржуазия хочет повидимому сделать этот вопрос объектом торга между Англией и Францией в связи с другими разделяющими их вопросами, и в частности в связи с проблемой долгов и репараций.

Как будет разрешен вопрос о Дунайской федерации и будет ли он вообще разрешен, сказать сейчас еще трудно, ибо связанные с ним противоречия сложны и многочисленны. Но уже сейчас очевидно, что план Тардье является новой попыткой, направленной против Советского союза и преследующей цель укрепления капиталистического гнета и фашистских правительств в Центральной и Юго-Восточной Европе. Поэтому разоблачение истинного характера этого нового мероприятия французского империализма — необходимая задача, стоящая перед коммунистическими партиями и рабочим классом.

«Каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой Страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом. Отсюда тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом» (Сталин).

Ю. ЛЕНСКИЙ

Четвертый год кризиса в Польше

(«Коммунистический интернационал» № 4 от 10 февраля 1932 г.)

1932 г. Польша встретила под знаком дальнейшего экономического кризиса, необычайного обострения классовой борьбы и происходящих на этой почве классовых сдвигов.

По остроте экономического кризиса и напряжению внутренних противоречий Польша продолжает занимать одно из первых мест в капиталистическом мире. Минувший год доказал, что условия созревания предпосылок революционного кризиса, на которые указал XI пленум ИККИ, в Польше особенно благоприятны. Но были бы ошибочны всякие—сознательные или подсознательные—расчеты на автоматический крах капитализма. Хозяйственное положение польского капитализма не ведет механически к катастрофе классового господства польской буржуазии. При наиболее благоприятных объективных условиях вопрос «кто кого» выдвигает на первый план субъективный фактор: необходимость организации сил нарастающей пролетарской революции в противовес хвостизму в отношении к стихийным процессам.

Этот фактор будет решать вопрос о парализовании попыток буржуазии найти выход из кризиса путем новой империалистической бойни, прежде всего —

контрреволюционной войны против СССР, победоносно завершающего первую пятилетку.

Разбойничий набег японских империалистов на Китай развязывает военные силы всего международного, в том числе и польского, империализма. Вслед за японской буржуазией может вскоре выступить зажатая в тисках катастрофического кризиса польская буржуазия. Опасность военного нападения империалистических держав на СССР становится в этой обстановке особенно актуальной.

I

Катастрофическое обострение экономического кризиса в Польше охватывает теперь все отрасли хозяйства. В этом отношении 1931 г. превзошел наиболее тяжелые для буржуазии годы существования польского государства. «На сером фоне этого года,—пишет орган лодзинских фабрикантов «Правда»,—нельзя найти хотя бы несколько светлых пятен». Глубокий застой охватил всю хозяйственную жизнь Польши, сталкивая в бездну нищеты миллионные трудящиеся массы. Продукция средств производства составляет лишь половину цифр 1928 г. Падение английского фунта, обостренная конкурентная борьба, бешеная таможенная война во всем капиталистическом мире сильно ударили по основным отраслям польского промышленного вывоза. Замирают крупнейшие текстильные центры—Лодзь, Бельск, Белосток.

Производство железа понизилось в минувшем году на 40%, стали—на 55%, потребление железа на внутреннем рынке ниже 1 *кг* ежемесячно на душу населения—это значит много ниже любой нормы стран с минимальным уровнем промышленной продукции. Ряд железных и цинковых рудников залит водой. Доменное производство достигло самого низкого уровня за последние 4 года. Ежемесячная продукция цинка упала с 14 до 8 тыс. *т*. В Верхней Силезии стоят такие гиганты, как «Гута Покуй», доставляющая 10% добычи верхнесилезского угля, 25% всей продукции железа, 15% продукции стали, занимающая 15 тыс. рабочих. Падение английского фунта нанесло последний удар этому концерну, подорванному уже раньше сужением сбыта на внутреннем рынке и банкротствами германских банков. Даже теперешний ничтожный уровень доменной промышленности ($^1/_5$ производственной способности) возможен только благодаря стройке стратегических железных дорог.

Несмотря на зимний сезон, нет оживления в угольной промышленности. Растут запасы угля на складах. Польский уголь вытесняется английской конкуренцией из заграничных рынков. Сокращаются также все другие отрасли промышленности. Производство сахара уменьшилось за минувший год на 30%. Продажа цемента понизилась на 28%. Химические фабрики работают почти исключительно на войну. Из 13 существующих в Польше фабрик суперфосфатов работает только одна. Осенняя продажа суперфосфата в сравнении с 1930 г. понизилась на 60%. Деревообделочная промышленность находится в состоянии почти полного банкротства.

Все более обостряется а г р а р н ы й к р и з и с. Индекс цен на сельхозпродукты (принимая 1927 г. за 100) упал до 60. Спекулятивный рост цен ржи и пшеницы за последние месяцы не имел серьезного значения, так как цены всех других продуктов, особенно животноводческих, продолжали падать. Обремененные долгами и разоряемые налогами, крестьянские массы распродают за бесценок домашний скот. Учащаются случаи продажи лошадей за 1—½ доллара. Задолженность мелкого и среднего крестьянского хозяйства возрастает с каждым днем. На оккупированных землях нищета крестьянских масс приводит к случаям продажи крестьянами своих детей торговцам живым товаром. Ссудные проценты достигают 84 в год, при ссудах же натурой они доходят до 500, являясь одним из крупнейших факторов разорения и экспроприации крестьянских масс.

Все сильнее выступает ф и н а н с о в о - к р е д и т н ы й к р и з и с. Вопреки оптимистическим заверениям правительственной печати этот кризис не менее глубоко отражается на всей хозяйственной системе Польши, чем в более развитых капиталистических странах. Этот кризис не принял столь резких форм, как в ряде других стран, между прочим потому, что польские банки, самостоятельность которых невелика, являются в значительной степени распределительными пунктами частью заграничных, частью правительственных кредитов. Кредитный кризис в Польше, выражающийся в резком сужении промышленных кредитов, почти полностью затормозил инвестиции, вызвал

банкротство ряда крупных промышленных предприятий, паралич целых отраслей промышленности, дальнейшее обострение аграрного кризиса.

Польская буржуазия после опыта двукратной инфляции с громадным усилием поддерживает паритет злотого при помощи грабительской внутренней политики (небывалый грабеж зарплаты государственных и коммунальных служащих, грабеж пособий для безработных, прекращение капиталовложений в общественные работы кроме военных и т. д.).

Запас золота и заграничной валюты в государственном банке Польши в продолжение последних двух лет уменьшился наполовину. Грозные тучи нависли также над торговым балансом, активное сальдо которого находится под угрозой вследствие усиления протекционизма во всех капиталистических странах. Активность торгового баланса. Польши являющегося балансом хозяйственной нищеты, происходит главным образом за счет резкого сокращения ввоза. Польскому экспорту угрожает теперь потеря ½ миллиарда злотых, т. е. суммы, равной активному сальдо за прошлый год. Одновременно наблюдается отлив капиталов за границу, достигший за последние месяцы крупной для Польши суммы—550 млн. злотых. Отлив вкладов из частных банков за 10 месяцев истекшего года достиг 30%. Фашистское правительство не смогло также устранить государственного дефицита. Не помогло полумиллиардное сокращение бюджета, проведенное за счет трудящихся. Не помогло также взвинчивание налогов, переходящее в налоговый грабеж. Сумма неуплаченных налогов уже давно перевалила за 1 млрд. злотых, новый же дефицит сокращенного до 2½ млрд. бюджета далеко превысит 200 млн. злотых. Еще более острым является дефицит коммунальных бюджетов.

Кредитные затруднения на внутреннем рынке, падение кредитоспособности банков, отсутствие прилива заграничных кредитов—все это усиливает застой в промышленности и торговле.

Безработица охватывает не меньше половины промышленного и сельскохозяйственного пролетариата. Даже по данным явно фальсифицированной правительственной статистики число зарегистрированных безработных в промышленности превысило 344 тыс. В 1931 г. безработных промышленных рабочих было в три раза больше, а частично безработных—в шесть раз больше, чем три года назад. Каждый год приносит рост органической безработицы. Сезонное уменьшение числа безработных составляло в конце августа 1929 г. 50%, в 1930/31 г.—только 32%. План замены нищенской государственной помощи буржуазной филантропией обрекает на голод новые сотни тысяч безработных. Филантропическая деятельность польской буржуазии принесла до сих пор всего 3 млн. вместо предполагаемых 60 млн. злотых. Миллионные массы безработных в деревне лишены всякой помощи.

В чем состоит актуальная программа польской буржуазии и ее фашистского правительства по борьбе с кризисом? Какие перспективы рисует буржуазная печать?

По примеру других буржуазных правительств фашистское правительство в Польше выдвигает программу «отрыва» от мирового кризиса. В этом якобы направлении должны вести новые таможенные преграды, новые мероприятия, задерживающие и без того уже свернутый ввоз заграничных товаров. Фактически это означает не отрыв от мирового рынка, а обостренную борьбу на нем. Обостренная таможенная политика, которую правительство Пилсудского считает единственным спасением торгового баланса, еще более затруднит польский вывоз и усилит дороговизну на внутреннем рынке. Эта политика идет по линии интересов монополистического капитала, разоряя мелких и даже средних предпринимателей. Это—политика форсирования демпинга, расходы которого будут нести трудящиеся массы. За каждую тонну вывозимого угля правительство доплачивает до сих пор 2,5 злотых; теперь же оно перекладывает эту тяжесть на плечи горняков. В результате—еще более бешеное наступление на рабочий класс.

В системе этого наступления начинает преобладать прямая атака. Примером для польской буржуазии и ее правительства становится политика чрезвычайных декретов, применяемая правительством Брюнинга в Германии, хотя положение в Польше не позволяет проводить эту политику в той же форме.

> «Мы должны очень внимательно следить,—писал недавно бывший министр финансов Матушевский, — за опытом, проделанным в Германии. Если бы этот опыт удался, мы не

должны медлить с приспособлением к нему нашего хозяйства».

Польская буржуазия не ждет уже улучшения в ближайшем будущем. Буржуазные экономисты и министры перестали уверять, что кризис достиг уже кульминационного пункта. Все чаще раздаются тревожные предупреждения о том, что будет еще хуже.

Ближайшая перспектива—это дальнейшее углубление экономического кризиса, который все глубже будет расшатывать структуру капиталистического хозяйства. Даже социал-фашистская печать вынуждена все чаще подчеркивать, что «дело идет не о конъюнктурном, а о структурном кризисе, о ломке самих основ капиталистического хозяйства». Одновременно она вынуждена признать, что чем глубже кризис, тем острее становится дилемма: «Или диктатура финансового капитала—или диктатура коммунизма» («Роботник»). Социал-фашизм не может уже скрыть перед массами факта победоносного осуществления социалистической пятилетки в Советском союзе—сильнейшего аргумента за революционный выход из кризиса.

«1932 г.,—пишет новогодний номер «Роботника»,—является годом пятилетки, в котором пятилетний план должен быть закончен. Недавно Молотов и Куйбышев заявили, что программа пятилетки выполнена в более широких размерах, чем это намечалось. Мы не знаем, сколько в этом правды, но выполнение этого плана отвечает интересам России, мира и рабочего класса всех стран. Оно будет способствовать смягчению диктатуры и ослаблению изоляции России от остального мира. Неудача хозяйственных планов Советской России может толкнуть эту страну на военную авантюру».

Иначе говоря—нет худа без добра. Не будучи в состоянии отрицать фактов, социал-фашистский «Роботник» пытается объяснить их по-своему. Под видом признания популярной в массах пятилетки он продолжает вести травлю СССР, упорно распространяя легенду о «красном империализме», легенду о том, что «неудача хозяйственных планов Советской России может толкнуть эту страну на военную авантюру», скрывая таким образом бешеную подготовку нападения на СССР с целью срыва пятилетки, срыва победоносного социалистического строительства в СССР.

Никогда еще пацифистская завеса не играла столь крупной роли в деле подготовки войны, как теперь, по мере усиления опасности империалистических войн прежде всего угрозы нападения на СССР. Это относится в первую очередь к польскому империализму, который своими фразами о моральном разоружении пытается затушевать лихорадочную подготовку к войне. Такой именно характер пацифистской завесы он пытается также придать договору о ненападении, представляя последовательную мирную политику СССР как вынужденный тактический маневр. Подобную же позицию занимают социал-фашисты, которые, не отрицая факта мирной инициативы советского правительства, одновременно подчеркивают, что «инициатива эта возникла под давлением Франции и нужды в заграничных капиталах для выполнения пятилетки».

Конечно роль социал-фашизма в подготовке войны ни в коем случае не сводится к антисоветской кампании и к созданию пацифистской дымовой завесы. Наоборот, социал-фашизм принимает активное участие в подготовке антисоветской войны. Так например его организация молодежи «ТУР» находится под непосредственным руководством военного министерства, как это публично признал секретарь ЦК ППС депутат К. Пужак на брестском процессе.

Вынужденные мирной политикой советского правительства, огромной популярностью СССР среди трудящихся масс Польши, враждебным отношением этих масс к контрреволюционной антисоветской войне переговоры о ненападении совпали по времени с насквозь агрессивными шагами правительства Пилсудского как на международной, так и на внутренней арене. Достаточно указать на демонстративные визиты представителей штабов польской и румынской армий, на антисоветские выступления в Варшаве югославского министра иностранных дел, на конференцию аграрных стран, направленную против мнимого советского демпинга, на беседы Залесского с французским и английским правительством об укреплении вооруженных сил Польши, на возросшую активность Балаховича, на план создания из Западной Украины так называемого моста к советской Украине, на милитаризацию желез-

ных дорог и т. п. Мы имеем дело с определенными попытками образования антисоветского военного блока балканских государств под предводительством Польши по заданию французского империализма. Французская буржуазия финансирует расширение антисоветской военной базы в Польше и на Балканах. За укрепление вооруженных сил Польши высказывается также «национальное» английское правительство, которое, как пишет «Журналь», «признает значение польского аванпоста, что позволит укрепить его военную мощь». В Париже, Лондоне и Вашингтоне делаются попытки смягчения польско-германского антагонизма во имя единого антисоветского фронта. В этом смысле выдвигается опять вопрос польского коридора, появляются проекты такого устройства коридора, которое, не нарушая захватнических интересов польской буржуазии, обеспечило бы германской буржуазии более удобную связь с Восточной Пруссией.

События в Манчжурии воскресили надежды польских интервенционистов. «Судьбы Польши решаются на полях Манчжурии»—пишет один из герольдов пилсудчины—Мацкевич. «Если японское оружие опрокинет Советскую Россию, то мы будем благословлять это оружие»,—заявляет соратник Мацкевича Студницкий, призывая к созданию общего антисоветского фронта с фашистской Германией как силой, «способной обуздать Советскую Россию». Японско-советская война в соединении с антисоветской интервенцией на Западе—это, по его мнению, единственное спасение капитализма, ибо «в России нет внутренних сил для свержения большевизма». Словоохотливые языки Мацкевичей и Студницких выбалтывают действительные планы польского империализма. Поиски выхода из кризиса все усиливают интервентские стремления польской буржуазии, причем фронт военной подготовки тесным образом связан с внутренним фронтом контрреволюции, сплачивающей свои силы для борьбы с нарастающей пролетарской революцией.

II

Процесс созревания предпосылок революционного кризиса в Польше обнаруживает значительную еще неравномерность. Систематический анализ объективных причин этой неравномерности должен быть одним из исходных пунктов при определении тактики партии. Недостаточно констатировать факт, что революционное движение идет по восходящей линии, ибо это—не прямая линия, а с заметными зигзагами на отдельных участках революционного фронта. Устранение этих зигзагов является вопросом расширения массового базиса движения, вопросом постепенного перехода развернутым фронтом в контрнаступление, в атаку на фашистскую диктатуру и на весь капиталистический строй.

XI пленум ИККИ указал, что в Польше «предпосылки революционного кризиса выражатюся: в обострении революционной борьбы в городе и деревне (бурные выступления безработных, борьба против налоговых экзекуций, дорожных повинностей и т. п.), в обострении борьбы угнетенных народов (Западная Украина), в брожении в низах социал-фашистских и фашистских партий, во все большем сужении массовой базы пилсудчины и ее приводных ремней к массам (рост недовольства внутри фашистской «рабочей» партии, социал-фашистской ППС и фашистского лагеря), а также в укреплении коммунистической партии».

Как выглядят теперь эти факторы?

Наиболее характерной чертой для революционного движения в Польше на данном этапе является сравнительно значительный размах стачечных боев. Еще на XI пленуме ИККИ мы подчеркивали слабость стачечной борьбы в сравнении с широким движением безработных и крестьянских масс. Тогда стачки охватывали преимущественно рабочих, занятых в мелкой и средней промышленности. Стачечное движение было распылено. Процент успешных стачек был незначителен. Это состояние радикально меняется во втором, особенно же в третьем и четвертом кварталах прошлого года. Стачечное движение охватывает крупные предприятия и перебрасывается в стратегически решающие центры труда. Стачки в огромном своем большинстве кончаются победой. В ряде стачек пролетариат переходит в контрнаступление, борясь не только против понижения зарплаты, но и за ее повышение. Несмотря на катастрофический кризис и безработицу, стачка является успешным оружием борьбы против сокращений и локаутов.

Прилив стачечной волны начался в первой половине прошлого года. На этот период—по официальной статистике—приходилось 147 стачек, охвативших 317 предприятий. Число бастовавших составляло свыше 36 тыс., число же потерянных рабочих дней—182 тыс. Из общего числа стачек в квартале было 59 стачек, охвативших 188 предприятий, 15 тыс. стачечников и 72 тыс. дней, тогда как во II квартале—88 стачек на 130 предприятий, 21 тыс. стачечников и 110 тыс. дней. Итак даже по весьма урезанным данным статистического управления налицо общий рост количества стачек, стачечников и потерянных рабочих дней, а также—что самое важное—укрупнение стачечных боев. Из общего числа 88 стачек 58 закончились полным или частичным успехом.

Высшими пунктами напряжения стачечной борьбы в первой половине прошлого года были боевые стачки домбровских горняков и первая славная стачка варшавских трамвайщиков. С этого времени стачечная борьба разливается все шире, отражая бешеное наступление капитала, отражая его отдельные атаки, переходя на отдельных участках в контратаку, ломая усиливающийся изо дня в день фашистский террор и опрокидывая преграды, выдвигаемые социал-фашизмом. Первый раз за несколько лет мы видим чрезвычайно упорную героическую стачку целой отрасли шелкового производства, стачку 5 тыс. рабочих, охватившую 17 фабрик, не считая мелких мастерских и продлившуюся 16 недель. Стачка лодзинских шелкопрядильщиков происходила вопреки социал-фашистским профбюрократам под руководством профсоюзной левой. Революционный характер этой стачки выразился между прочим в отклонении предложения социал-фашистов обратиться за помощью в Амстердамский интернационал. 5-тысячная масса шелкопрядильщиков решила обратиться за помощью в Профинтерн и выразила протест против полевых судов. Эта масса отклонила также неоднократные предложения арбитража. Стачка лодзинских шелкопрядильщиков достигла высокого боевого напряжения, соединяя массовые митинги с демонстрациями. Эта стачка вместе с рядом других боевых выступлений в Лодзинском округе (стачка 4 тыс. чулочников, несколько стачек в Шлессеровской и Видзевской мануфактурах, стачка в Озеркове в Пабяницах и т. д.) привели к крупной борьбе 22 тыс. лодзинских текстильщиков.

Неменьшее значение в развитии революционного движения имела вторая ноябрьская стачка варшавских трамвайщиков. Четырехдневная стачка 6 тыс. трамвайщиков в самом центре фашистской диктатуры, в период полевых судов, под скрип виселиц, явилась не только героическим отпором бешеному наступлению капитала, но также и прорывом в системе усиленного фашистского террора. Эта стачка, которой предшествовали успешная сентябрьская борьба, ряд митингов и совещаний, была основательнее подготовлена, чем предыдущая июньская стачка. Масса трамвайщиков, выведенная на борьбу профсоюзной левой вопреки всем реакционным профсоюзам, единогласно отклонила подписанный этими союзами арбитраж фашистских властей. «Профсоюзы оппозиционных и правительственных социалистов,—жаловался «Варшавский вечер»,—оказались бессильными. Массами трамвайщиков овладели коммунисты». «Всякие решения легальных союзов,—констатировал «Курьер илюстрованы»—не оказывают никакого влияния. Командуют коммунисты». «Стачка, возникшая на экономической почве,—подчеркнула правительственная «Газета польска»,—переродилась в акцию ярко политического и антигосударственного характера». Вся буржуазная печать единодушно отмечала бессилие легальных (реакционных) профсоюзов и полное руководство коммунистов. Тогда профбюрократы переменили свою тактику, формально присоединившись к стачке, чтобы изнутри сорвать борьбу. «Мы должны поддержать стачку,—говорили господа из ППС,—ибо коммунисты могли бы нас лишить всякого влияния на массу трамвайщиков» («Курьер поранны»).

Ноябрьская стачка варшавских трамвайщиков протекала на более широкой базе, чем июньская стачка. Она была поддержана стачками солидарности нескольких тысяч еврейских и польских рабочих. Ноябрьская стачка была первым шагом на пути реализации всеобщей забастовки в Варшаве. Это была подлинно массовая революционная забастовка по силе боевой активности масс, которые беспрерывно боролись на улице против вооруженных с ног до головы отрядов полиции и жандармерии, сбра-

сывали штрейкбрехеров и троекратно снимали с улиц Варшавы курсирующие трамваи. Тот факт, что вторая стачка варшавских трамвайщиков лишь частично отразила атаку на зарплату, а также сопровождалась серьезными ошибками и промахами, подвергнутыми основательной критике, не исключает ее революционного значения.

После стачки варшавских трамвайщиков вспыхивает стачка лодзинских трамвайщиков. С героическим упорством лодзинские трамвайщики отклонили ультиматум дирекции, сохранили сплоченный фронт борьбы (отсутствие штрейкбрехеров) и расширили его на депо и мастерские. По своей продолжительности, исключительной сплоченности лодзинская стачка превзошла обе варшавские стачки. Совместный фронт лодзинских текстильщиков и трамвайщиков, охватывающий все новые отряды рабочих, начал перерастать в репетицию всеобщей забастовки в Лодзи.

Необыкновенно бурные формы приняла стачечная борьба в Верхней Силезии—в этом военном арсенале польской буржуазии. Сорганизованные профлевицей стачки против арбитражного снижения зарплаты на 8% (вместо требуемых шахтовладельцами 21%) охватили 11 шахт с 14 тыс. рабочих. Навязанный реакционными профсоюзами стачечный плебисцит происходил в атмосфере брожения, какого уже давно не переживал силезский пролетариат. Первый раз за последние годы произошли массовые демонстрации, во время которых рабочие забросали полицию камнями, ранив 28 полицейских. Кровавые, упорные столкновения с полицией свидетельствовали о революционном напряжении среди верхнесилезских масс, переходящих к более развернутому фронту борьбы.

Стачечное движение вновь охватывает Домбровский угольный бассейн. Глубокое брожение в массах и ряд организованных нами стачек привели к всеобщей забастовке домбровских горняков.

Серьезное значение имели демонстративные стачки железнодорожников в Вильне и во Львове, свидетельствующие о боевых настроениях среди масс железнодорожников, заковываемых правительством Пилсудского в кандалы милитаризации. Эти настроения ярко проявились уже на августовском съезде профсоюза железнодорожников, который выявил высокую степень радикализации масс железнодорожников. Проникновение на съезд—вопреки совместным усилиям полиции и профбюрократии—фактического большинства левых делегатов является симптомом назревания боев на одном из решающих участков пролетарского фронта. Фашистское правительство, наученное опытом всеобщих забастовок железнодорожников в 1921 и 1923 гг., пытается заблаговременно милитаризировать массы железнодорожников, навязывая им все худшие условия труда.

Стачечная борьба городского пролетариата всколыхнула многотысячные массы сельскохозяйственных рабочих, бастующих против понижения и задержки выдачи зарплаты. Стачечное движение охватило ряд местностей в центральных и западных воеводствах, вызывая тревогу среди помещиков.

Армия бастующих рабочих городов и деревень беспрерывно возрастает. Число бастовавших в 1931 г. достигло по всей вероятности двухсот тысяч. В стачечную борьбу пролетариата вовлекаются также обычно пассивные слои трудовой интеллигенции. В этом отношении очень характерна трехдневная итальянская забастовка муниципальных служащих в Варшаве. На путь стачечной борьбы вступают десятки тысяч государственных служащих. Демонстрируют на улице и осаждают муниципалитет театральные работники, протестуют и угрожают стачкой учителя народных школ.

Массовая пролетарская стачка в Польше начинает играть общереволюционизирующую роль, становится рычагом революционного движения во всей стране. Стачка как оружие борьбы становится выражением и орудием гегемонии пролетариата, его руководящей роли в борьбе миллионных трудящихся масс, боевого союза с миллионными массами эксплоатируемого крестьянства и угнетенных народов. Стачки—это специфическое пролетарское оружие—становятся, говоря словами Ленина, «главным средством раскачивания масс и наиболее характерным явлением в волнообразном нарастании решающих событий». Победоносные стачки рабочих побуждают массы на борьбу в наиболее захолустных уголках страны.

> «Широкие массы эксплоатируемых,—говорит Ленин о революции 1905 г.,—нельзя было бы никоим образом вовлечь в революционное дви-

жение, если бы эти массы не видели перед собой примеров, как наемные рабочие различных отраслей, промышленности принуждали капиталистов к непосредственному, немедленному улучшению своего положения»... «Отсюда с полной ясностью вытекает,—подчеркивает дальше Ленин,— что только экономическая борьба, только борьба за немедленное, непосредственное улучшение своего положения способна встряхнуть остальные слои эксплоатируемой массы, дает им действительное воспитание и превращает их—в революционную эпоху—в течение немногих месяцев в армию политических борцов».

В Польше мы имеем только первые более мощные удары стачечной волны против наступления капитала и фашистской диктатуры. Эта волна не залила еще всей страны, не охватила еще всех основных отраслей промышленности. Ни металлисты, ни железнодорожники не охвачены еще огнем стачечной борьбы. Хотя экономическая стачечная борьба уже теперь нераздельно переплетается с политической борьбой, хотя каждая стачка, сталкивающаяся со всем аппаратом фашистской диктатуры, силою вещей и при руководстве компартии принимает ярко политический характер,— тем не менее в Польше нет еще сильного сплетения экономических и политических стачек. Польский пролетариат еще не проложил себе широкого пути к трудящимся массам при помощи революционной стачки, перебрасывающейся с места на место, с одного конца в другой, реагирующей на насилия фашизма. Польский пролетариат только начинает применять эту высшую форму борьбы, вырастающую на почве экономического движения. Об этом мощном средстве втягивания масс в движение Ленин говорит:

> «Это средство — революционная стачка упорная, перебрасывающаяся с места на место, из одного конца страны в другой, стачка повторная,—стачка, поднимающая отсталых к новой жизни борьбой за экономические улучшения—стачка, клеймящая и бичующая всякий выдающийся акт насилия, произвола, преступления царизма,—стачка-демонстрация, развертывающая красное знамя на улицах столиц, несущая революционные речи и революционные лозунги в толпу, в народную массу»[1].

В Польше соединение стачек с демонстрациями становится явлением все более частым. Но сами демонстрации—еще не массовые преимущественно авангардные. Партия выводит на улицу только передовые отряды пролетариата. Исключение составляют последние демонстрации в Верхней Силезии.

Достигнутый во второй половине прошлого года уровень стачечного движения является несомненно доказательством постепенного перехода значительных рабочих масс в контрнаступление не только на фронте экономической, но и политической борьбы. Окончание 80% стачек победой свидетельствует наглядно о революционном напряжении среди масс. Стачечная борьба все сильнее ударяет по фашистскому арбитражу как по мощному, а теперь банкротирующему перед массами средству наступления капитала. Под напором этой борьбы правительство Пилсудского маневрирует сроками и скалой сокращения зарплаты, проводя ее в рассрочку тогда, когда лобовая атака фабрикантов наталкивается на боевой отпор масс, как это было в Лодзи, в Домбровском районе и Верхней Силезии. При проведении наступления капитала правительство Пилсудского соединяет арбитражные маневры с самым бешеным террором.

Так выглядит в общих основных чертах движение работающего пролетариата. Иначе однако дело обстоит на фронте безработных. Движение безработных не поспевает за движением занятых рабочих. В сравнении с прошлой зимой напряжение движения безработных далеко слабее. Ослабело также участие безработных в борьбе бастующих рабочих, что выявилось даже во второй стачке варшавских трамвайщиков. Причины этого явления следует искать не столько в обостренном терроре, сколько в том, что партия не сумела втянуть безработные массы в развитие статечной борьбы, не сумела надлежаще координировать распыленные выступления безработныхх, организационно укрепляя свои позиции и успешно разоблачая новые маневры фашизма и

[1] Ленин, т. XII, ч. 2-я, стр. 16.

его демагогический план мнимой борьбы с безработицей. Ряд последних демонстраций и выступлений безработных не означает еще перелома, хотя свидетельствует о приливе новой волны боев безработных, о громадных возможностях, вырастающих перед компартией, и о банкротстве маневров фашистского правительства, банкротстве буржуазной филантропии. Упорные кровавые столкновения безработных с полицией (Парушовец) и войсками (Хойницы) сигнализируют рост боевых настроений среди безработных масс.

Размах стачечной борьбы городского пролетариата определяет теперь степень его гегемонии в **революционном крестьянском и национально-освободительном движении**. Это прекрасно понимают вожди «народно»-фашистских и национал-фашистских партий, оперирующие лозунгом крестьянского единства и противопоставляющие такое «единство» рабоче-крестьянскому блоку как плотину против настоящей пролетарской революции. Крестьянская борьба главным образом направлена против налогов и долгов. Она крепко ударяет по фашистской системе, которая отвечает карательными экспедициями на сопротивление крестьян налоговым экзекуциям. Огромное большинство крестьянства саботирует уплату налогов и долгов. Во многих округах по крайней мере половина крестьян прямо отказывается платить налоги. В разных местностях крестьяне упорно борются за пользование лесами, рубят их захватным порядком, разоружают лесников и активно сопротивляются полицейским облавам (Полесье, Подгале, Пригородная Варшава). На Западной Украине и Белоруссии антиналоговое движениее переходит в борьбу против польской оккупации. Антиналоговое движение все более охватывает также коренную Польшу, принимая самые разнообразные формы: массовая неуплата налогов, отклонение волостных бюджетов, активное сопротивление налоговым экзекуциям. Иногда целые деревни объединяются для совместного выступления. Выдвинутый V съездом КПП лозунг «Ни гроша фашистскому правительству голода, безработицы, террора и войны» становится достоянием широкихх масс эксплоатируемого крестьянства. Не везде однако гегемония пролетариата в движении этих масс выступает с достаточной силой, согласно словам Ленина, что «гегемония принадлежит тому, кто борется всех энергичнее». Слабость ее видна особенно в Западной Белоруссии и на Украине. Растут симпатии крестьянских масс к коммунизму. Так например на похоронах товарища Зволинского, убитого полицией, демонстрируют полторы тысячи крестьян, осаждая полицейский участок.

Наиболее характерной чертой нынешней стадии революционного подъема является обострение борьбы с обеих сторон.

> «На нашей революции больше чем на всякой другой,—говорит Ленин,—подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем, силу сопротивления со стороны буржуазии»[1].

Этот закон—с известными конечно изменениями—можно также применить к нарастающей пролетарской революции, против которой буржуазия сплачивает свои силы и применяет наиболее острые привентивные (предупредительные) средства. Это—наиболее характерная черта теперешней ситуации в Польше. В борьбе с революционным движением польская буржуазия объединяет карательные экспедиции, применяемые не только в деревнях, но и в городах, с полевыми судами, волею которых воздвигаются десятки виселиц, чтобы терроризировать массы. Фашистское правительство начичинает применять полевые суды даже за участие в демонстрациях. Польская буржуазия организует еврейские погромы как испытанное средство контрреволюционной диверсили и сплочения своих сил. Нарастающая революция должна преодолевать все большие препятствия, воздвигаемые буржуазной контрреволюцией. Это обстоятельство может вызвать новые зигзаги в дальнейшем развитии революционного подъема, **быстрое преодоление которых зависит от степени активности компартии**. В процессе преодолевания препятствий революционное движение будет развиваться на все более широкой основе, подниматься на высшую ступень, трудящиеся массы под руководством компартии будут все быстрее приближаться к непосредственной борьбе за власть. **Ближайшая перспектива означает расширение фронта ста-**

---

[1] Ленин, т. XVII, стр. 67.

чечных боев, новую бурную волну выступлений безработных, дальнейшее развитие антиналоговой борьбы и стихийных взрывов в деревне, означает возрастающие возможности прорывов в системе фашистского террора, в наиболее слабых местах фашистского фронта.

III

Нарастающая пролетарская революция сплачивает силы буржуазной контрреволюции, но вместе с тем она ускоряет внутреннее разложение в лагере буржуазии. Этот двойственный диалектический процесс все ярче выступает в Польше. Под ударами усиливающегося экономического кризиса растет недовольство не только широких разоряемых кризисом слоев мелкой, но и средней буржуазии, выступающей против монополистической политики правительства. Кризис подталкивает централизацию капитала. Вырастают все новые промышленные картели и экспертные объединения, закрепляющие свою монополию на внутреннем рынке при разделе правительственных субсидий и экспортных премий. Фашистское правительство, являющееся непосредственным участником ряда картелей, всеми силами поддерживает их интересы. В этом направлении устремляется его таможенная политика, по той же линии идут взимание налогов и раздел остатков государственных инвестиций. Привилегиями пользуются только наиболее сильные. Они при помощи правительства имеют больше шансов «продержаться» в обостренной конкурентной борьбе, устраняя с пути более слабых конкурентов и паразитируя на развалинах обанкротившихся предприятий. Паразитический характер монополистического капитала ударяет все чувствительнее по средней буржуазии, являясь экономической основой обостряющихся трений в лагере буржуазии. С другой стороны, рост революционного движения расшатывает авторитет правящей группы в этом лагере и активизирует оппозиционные группы в роли спасителей капитализма.

Отражением внутренних трений в лагере буржуазии и роли социал-фашизма как ее главной социальной опоры был брестский судебный процесс. Основные моменты этого процесса подтвердили целиком оценку, данную V съездом компартии Польши. Брестский процесс выявил, что «борьба» между пилсудчиной и центро-левой, поддерживаемой национал-демократией, велась в границах принципиальной общей классовой основы, не за изменение политической системы и не за противоположную хозяйственную программу, но за некоторое изменение внешних методов управления и способов спасения капитализма, за участие в государственном аппарате.

Требованиям центро-левой пилсудчина противопоставляла максимальную концентрацию власти в своих руках и дальнейшую централизацию фашистского аппарата вместе с «парламентскими надстройками» (сейм и сенат) для борьбы с революционным движением и для войны против СССР. Чтобы упрочить свою гегемонию в фашистском лагере и укрепить свою команду над всеми, в том числе и оппозиционными фракциями этого лагеря, пилсудчина применила к ним метод брестских мордобоев, результатом которого явился брестский процесс и приговор. Она хотела таким образом обуздать внутренние споры, которые ослабляли ее авторитет и сплоченность аппарата фашистской диктатуры.

Брестский процесс был продолжением этих споров в буржуазной семье, а вместе с тем выражением тенденции к компромиссу, к сплочению контрреволюционного и антисоветского фронта. Об этом красноречиво свидетельствуют как направление обвинения, так и прикрытие оппозиционно-демократическими аксессуарами выступления вождей социал-фашизма и народники фашизма.

Уже обвинительный акт констатировал, что центро-левые «заговорщики» не стремились к изменению основ государственного строя. Все же обвиняемые лезли из кожи вон, чтобы доказать отсутствие каких бы то ни было намерений опрокинуть правительство Пилсудского. Вся их оппозиционная деятельность вращалась в границах фашистской легальности. Единственным оружием этих рыцарей революционной фразеологии был избирательный бюллетень и петиция президенту. Огнестрельное оружие они применяли только к коммунистам. Сущность их фразеологии заключалась в том, чтобы политически и физически разоружать рабочих, отвлекать их от революционной борьбы и свести на путь контрреволюционной демократической диверсии.

Мы не будем приводить подробных

цитат из речей обвиняемых, использованных уже обильно в статье т. Гвяздовского[1].

Вожди социал-фашизма не могли уже скрывать перед массами, что в Польше существует диктатура, которую нельзя устранить при помощи избирательного бюллетеня. Они должны были признать банкротство выдвигаемого ими лозунга мирной ликвидации «послемайской системы». Каким же образом примирить с этими основными фактами легалистскую позицию? Нынешний вождь ППС Недзялковский констатировал на процессе, что еще до Бреста и выборов в сейм (осенью 1930 г.) социал-фашизм «был загнан в тупик», что уже тогда существовало «состояние бесправия». Однако «мы не хотели и не могли,—заявил Недзялковский,—перейти к революционной борьбе. Мы видели выход в проведении честных выборов». И вот «все наши усилия,—жаловался Недзялковский, — были опрокинуты методом, при помощи которого проводились выборы и самым ярким примером которого был Брест».

Конечно и после этого наглядного избирательного урока ППС продолжает удерживать массы в рамках фашистского легализма, распространяя иллюзии о том, что так называемая «послемайская система» сама пошатнется и уступит под «моральным» давлением общественного мнения.

> «Господин прокурор,—пишет «Роботник»,—все время подсовывал обвиняемым ответ, что устранить диктатуру можно только силой. Такого простецкого ответа он конечно не получил».

Да, такого ответа он не получил, ибо социал-фашисты на процессе неоднократно подчеркивали, что они вовсе не намеревались даже низвергнуть существующую диктатуру.

Контрреволюционная сущность социал-фашизма, как шило из мешка, вылезла на брестском процессе. Это лучше всего чувствовали «левые» специалисты в области революционной фразеологии, вроде Дюбуа, Зарембы, Целкоша. Отсюда их уверения, вопреки обвинительному акту, в том, что «ППС стремится к изменению общественного строя», что «вся партия—революционная, ибо стремится к низвержению теперешнего строя», что «ППС—это социальная революция» и т. п.

Но суд не принимал всех этих фраз всерьез. Он понимал, что эти фразы являются необходимым прикрытием фактической защиты существующего строя. Исходя из предпосылки, что «по отношению к обвиняемым судебное разбирательство не дало никаких оснований подвергать сомнению их лойяльность и приверженность к отечеству», суд Пилсудского даже номинально применил к ним самый мягкий приговор и оставил их после приговора на свободе.

Брестский процесс еще раз показал, как глубоко ошибочно было противопоставление социал-фашизма фашизму правой группой Варского—Костржевы, ее взгляд относительно неизбежной ликвидации социал-фашизма фашизмом. Даже наиболее обостренные трения в буржуазном лагере не меняют того факта, что социал-демократия, как говорит т. Сталин, «есть объективно умеренное крыло фашизма», что «обе организации не отрицают, а дополняют друг друга» и что «буржуазия не может удержаться у власти без наличия такого блока». Брест как эпизод во внутренней семейной борьбе между отдельными фракциями фашистского лагеря не означает ликвидации социал-фашизма или народнико-фашизма, спасающая роль которых в условиях катастрофического обострения экономического кризиса и нарастания пролетарской революции увеличивается. Банкротство непосредственных приводных ремней фашистской диктатуры к трудящимся массам (БСС, Федерация труда) еще более подымет удельный вес социал-фашизма в буржуазном лагере.

Брестский процесс дает богатый материал для разоблачения социал-фашистских вождей в глазах масс. Этот материал должен быть умело использован компартией. Было бы упрощенством считать, что вожди социал-фашизма **сами** разоблачили себя перед массами, что каждый рабочий и крестьянин из ППС, из крестьянской партии или беспартийный сам уяснил себе уже контрреволюционную роль этих партий. Было бы ошибкой видеть в брестском процессе только одну сторону медали и не замечать его объективно-диверсионной роли как фактора, отвлекающего внимание масс от революционных задач и создающего среди этих масс иллюзии в отно-

[1] См. статью т. Гвяздовского «Польские социал-фашисты перед фашистским судом» в № 36 «КИ» в декабре 1931 г.

шении социал-фашизма. Некоторая недооценка этой обратной стороны брестского процесса обнаружилась в центральном органе компартии Польши «Красное знамя», который видит только элементы «саморазоблачения» социал-фашистов, якобы выступавших на суде «без маски». Такой подход приводит к уменьшению опасности «левой» фразы социал-фашизма. Уже тот факт, что первый раз в истории польского буржуазного государства вожди ППС и «народных» партий попали на скамью подсудимых, что они выступали в роли преследуемых жертв фашистской диктатуры, мог и должен был дезориентировать массы. Надо этим массам выяснить сущность и политическую подоплеку споров, имевших место на суде между этими членами одной семейки.

Отдельные звенья компартии Польши недооценивают—особенно на практике—маневроспособность социал-фашизма. Партийные организации не умеют вовремя и конкретно реагировать на все более сложные маневры социал-фашизма. Это—наиболее слабое место компартии Польши и ее массовых приводных ремней в борьбе с социал-фашизмом.

Возможности маневрирования социал-фашизма и народнико-фашизма увеличиваются еще тем, что оппозиция составляет меньшинство в сейме. Это облегчает им вносить такие предложения, как вотум недоверия правительству, как пепеэсовский проект автономии Западной Украины, предложение об отмене полевых судов и т. д. К демагогическим маневрам социал-фашистов принадлежит также выдвигаемый ими лозунг единого фронта борьбы против фашизма, причем ППС, подобно германской социал-демократии, подхватывает в этом отношении контрреволюционную инициативу Троцкого.

Все теперешние маневры социал-фашизма сводятся к указыванию массам мирного «демократического выхода» из кризиса. Таким образом социал-фашизм хочет задержать процесс революционизирования прежде всего тех масс, которые ищут еще выхода с наименьшими жертвами.

На XI пленуме ИККИ т. Мануильский подчеркнул опасность маневрирования социал-демократии по вопросу о формах буржуазной диктатуры. Это сейчас ее главный маневр целого исторического периода. Социал-демократия стремится отвлечь массы от основных вопросов классовой борьбы и повернуть их к спорам о форме их собственного угнетения—к вопросам, какая форма буржуазной диктатуры лучше: парламентская или внепарламентская. Это относится особенно к польскому социал-фашизму, выступающему в ярко оппозиционном облачении. «Польский социал-фашизм,—говорили мы на XI пленуме,—выступая в роли преследуемой оппозиционной партии, имеет значительную возможность перехватывания революционных настроений среди масс». При помощи этой роли и необыкновенно тонких маневров, не разоблачаемых надлежащим образом компартией, вождям ППС удается в значительной степени задерживать разложение своих рядов.

ППС критикует методы лечения капитализма, примененные правительством Макдональда, а также выражает опасение относительно целесообразности лечебной практики своих германских друзей.

> «Коммунистическая демагогия,—жалуется Недзялковский,—имеет хорошую способность возлагать на социализм часть ответственности за теперешнее положение; в мнении толпы некоторые социалистические партии выглядят как сила, охраняющая, но не преобразующая теперешний строй. Толпа не отдает себе отчета в смертельной опасности политики катастрофы, видит же такие факты, как голосование германских социалистов за правительство Брюнинга».

В чем однако состоит предлагаемый польским социал-фашизмом выход? Как должна выглядеть основательная «реорганизация» капиталистического хозяйства? Сам Недзялковский утверждает, что «это—наиболее слабый пункт», ибо «социалистическое движение не располагает еще законченным планом преобразования общественно-хозяйственной системы». «Мы знаем,—говорит он,—что идем к социализму, но путь к нему мы видим сквозь туман».

В действительности ППС предлагает те же самые методы лечения капитализма, что и германская социал-демократия, хотя маскирует их оппозиционной фразой в условиях, когда она отстранена от государственного пирога. Роль добросовестного врача призвана

выполнить центро-левая «демократия», ибо «хозяйственная политика Санации (пилсудчины) не разбирается в состоянии больного» и не умеет привлечь массы к жертвам в пользу государства. Вся хозяйственная программа ППС сводится к введению фашистским правительством контроля над производством и к гальванизации кулацкой аграрной реформы. Такую же демагогию «общественного контроля над производством» выдвигает фашистская конфедерация профессиональных союзов как способ поднятия «жертвенной способности» рабочих в интересах капитализма. Кулацкая крестьянская партия выдвигает также лозунг аннулирования долгов банкам, к которым обращаются преимущественно кулаки, призывая одновременно к уважению частных долгов, т. е. к уважению ростовщической задолженности среднего крестьянства и деревенской бедноты кулачеству.

Итак мы видим, что эти требования не только не нарушают основ капиталистической системы, а целиком вращаются в ее границах. «Демократический выход из кризиса» представляет только фразеологическую равновидность капиталистического выхода.

Подобным же характером отличается программа национал-демократии, которая продолжает расширять свое влияние в буржуазном лагере за счет пилсудчины, проникая все глубже в мелкобуржуазные массы. Общая программа национал-демократии, подобно программе пилсудчиков, является программой крупного финансового капитала, но с большим учетом интересов средней буржуазии, а также с антигерманской и антиеврейской окраской.

Верховный совет национал-демократии в опубликованных недавно резолюциях высказывается за ликвидацию так называемого этатизма, предлагая приступить к распродаже нерентабельных государственных предприятий, составляющих конкуренцию для частного производства, «за исключением тех, которые связаны с обороной государства». Кроме того резолюции требуют ревизии «политики слишком высоких цен, проводимой некоторыми картелями, пользующимися особенной поддержкой правительства», и приостановления «искусственной поддержки государством торговых монополий». Таким образом «мелкая и средняя промышленность, ремесло и торговля должны получить условия дальнейшего развития». Далее следует политический вывод, что правящая теперь группа не сумеет развить хозяйственных сил страны, что «национальное правительство является необходимым условием хозяйственного возрождения Польши».

Эти требования национал-демократии, тесно связанной с финансовым капиталом, означают стремления к перехватыванию настроений недовольства, растущего среди слоев мелкой и даже средней буржуазии, для расширения своей массовой базы.

Некоторые из этих требований находят отзвук также среди националистских кругов. Впрочем и правительство Пилсудского было бы не прочь продать нерентабельные государственные предприятия, сосредоточив главное внимание на предприятиях, работающих на войну.

Программные разногласия между пилсудчиной и национал-демократией, или бывшей центро-левой, не являются принципиальными, ибо принципиальная классовая основа их программы—общая. Поэтому правительственная «Польская газета» в новогоднем номере призывает оппозицию к лойяльному сотрудничеству на почве концентрации всех сил буржуазного общества:

> «Мы вовсе не требуем от оппозиции, чтобы она приостановила борьбу,—пишет редакция «Польской газеты»,—мы не оспариваем ее прав на критику и не навязываем ей своих мнений. Необходимо сплотить все силы на борьбу с врагом, перед которым становятся ничтожными всякие политические разногласия и недоразумения; имя этому врагу,— 1932 г., которому с глубокой тревогой смотрят в глаза все силы мира. Борьбу надо вести только там, где она необходима, и только с той опасностью, которая угрожает основным интересам государства».

На таком семейном языке обращается к оппозиции после брестских побоев и брестского процесса правящая партия, ибо над всеми трениями в буржуазном лагере доминирует совместный фронт борьбы с нарастающей революцией.

Через трения и внутренние споры происходит на деле процесс взаимного сближения между спорящими фракциями фашистского лагеря. Под напором подымающейся революционной волны, которая расшатывает устои фашистской дикта-

туры, будут возобновляться попытки найти компромисс, облегчающий максимальную концентрацию сил буржуазии в борьбе с революцией. В рамках такого компромисса, на который толкает также заграничный капитал, возможны частичные перетасовки в фашистском лагере, возможна та или иная смена лиц в правительстве, те или иные перемены в государственном аппарате, некоторое привлечение к участию в правительстве представителей тех или иных оппозиционных фракций фашистского лагеря. Эта тенденция будет и впредь маскирована широким потоком фраз и оппозиционных маневров, рассчитанных на удерживание масс от революционной борьбы. Поэтому нереальной является перспектива механической замены пилсудчины национал-демократией, претендующей на роль наследницы существующей власти. Выдвижение теперь такой перспективы некоторыми товарищами объективно означает курс на механический крах диктатуры Пилсудского и недооценку развития революционного движения и его роли как фактора низвержения фашистской диктатуры Пилсудского. Одновременно выделение роли национал-демократии как неизбежной наследницы пилсудчины, подчеркивание гегемонии эндеков как «второй партии буржуазии» перед партиями бывшей центро-левой и рассматривание социал- и народнико-фашистских партий как трамплина для прихода национал-демократии к власти объективно означают недооценку роли социал-фашизма как третьей партии буржуазии и ее маневров, применяемых буржуазией при смене правительственных форм и декораций, особенно в условиях революционного кризиса. На все более реальную возможность этих маневров должно быть направлено внимание компартии.

IV

В чем проявляются в четвертом году кризиса активность и сила нашей партии? В чем заключаются ее слабые места? В какой степени резолюции XI пленума ИККИ и основанные на них указания III пленума ЦК КПП были осуществлены партией? Каких успехов компартия добилась на решающем фронте завоевания большинства пролетариата?

Эти вопросы должны теперь стать перед каждой организацией, перед каждым членом партии, должны сделаться предметом большевистской самокритики, проводимой сверху донизу.

Основные достижения компартии Польши после XI пленума ИККИ выражаются в укреплении руководства стачечным движением и в дальнейшем организационном росте партии.

Руководящая роль коммунистов в стачечных боях проявилась не только во время стачек, но также и в их подготовке. Это—одна из главных причин размаха и победоносного в общем характера стачечной борьбы.

Все же нам не удалось еще втянуть в стачечную борьбу ни металлистов, ни железнодорожников. Главная причина—наша организационная слабость в металлургической промышленности и недостаточное организационное закрепление роста нашего влияния среди железнодорожников. Партийные организации *не смогли еще перейти к отражению атак капитала более широким фронтом*, особенно там, где не умели организовать частичных стачек против каждого частичного грабежа зарплаты, каждого сокращения и каждого проявления капиталистической рационализации как исходного пункта для широкой стачечной борьбы. Это относится прежде всего к Верхней Силезии и Домбровскому угольному району. Пример Лодзи показывает, что уже теперь при больших усилиях мы можем расширенным фронтом отражать атаки капиталистов.

Мы также не должны ни на минуту забывать о значительном еще влиянии социал-фашистов, перехватывающих неоднократно руководство стачками или умело тормозящих размах стачечной борьбы, чтобы ее в подходящий момент сломать. Наиболее типичные примеры успеха этой тактики социал-фашистов мы видим в Западной Белоруссии, где некоторые товарищи начали сползать на почву сотрудничества с социал-фашистами. Необыкновенно гибкую тактику социал-фашисты применили во время второй стачки варшавских трамвайщиков. Наученные опытом первой стачки они решили на этот раз формально поддержать стачку и даже в известный момент прокламировать на бумаге всеобщую стачку солидарности, чтобы только удержаться в массах, переждать стачечное напряжение, дезорганизовать борьбу изнутри и при благоприятных условиях сломать ее совместно с фашистами. Такого рода тактика, недостаточно разоблачаемая нашей

организацией, дезориентировала товарищей, поставленных во главе стачечной борьбы. Их легалистские настроения тесно переплелись с иллюзиями по отношению к социал-фашистам как помощникам в борьбе. Выражением этих иллюзий была контрольная комиссия, избранная вместо стачкома, а их ярким проявлением—согласие подписать вместе с социал-фашистами воззвание в защиту стачки. Факт сползания, хотя бы только кратковременно, на почву сотрудничества с социал-фашистскими профбюрократами, вопреки директивам профсоюзной левой, является ярким доказательством слабости нашей работы по разоблачению хитрых маневров социал-фашизма.

Недостаточно также противодействие партийных организаций ловкому маневрированию со стороны социал-фашистов лозунгом всеобщей забастовки, которым они пользуются для торможения частичных стачек, особенно там, где эти стачки могут действительно перерасти во всеобщую забастовку. Такой маневр был применен ППС в угольном бассейне. Вместо сосредоточения усилий на том, чтобы задержать несколько решающих предприятий и создать таким образом основу для расширения стачки, наши товарищи временно поддались натиску пепеэсовской фразеологии о всеобщей забастовке и не использовали сразу боевого напряжения на отдельных предприятиях. Эта ошибка была вскоре исправлена успешной организацией в крупнейших шахтах после фашистского арбитража.

После фашистского арбитража наша организация не сумела развернуть и координировать стачки в крупнейших предприятиях. ППС удалось временно дезориентировать массы ожиданием прокламирования всеобщей забастовки горняков. Не только в массах, но даже в части нашего актива возникли иллюзии, что ППС действительно поведет всеобщую забастовку. Благодаря этим иллюзиям профбюрократам удалось на шахтах Гише провести выборы межсоюзного (от всех профсоюзов) стачкома, перед которым стушевался ранее выдвинутый массой стачком. Выражением этих иллюзий было также требование рабочей делегации, выбранной на одном из митингов, чтобы пепеэсовские профсоюзы прокламировали всеобщую забастовку. Это была попытка сделать из профбюрократов вынужденных союзников и легальное прикрытие борьбы. Силезская организация подвергла решительной критике эти ярко оппортунистические ошибки отдельных активистов.

Известных успехов партия достигла в осуществлении единого фронта снизу на почве стачечной борьбы. Доказательством этого является значительное участие рабочих из социал-фашистских партий и беспартийных рабочих в стачках под руководством профлевицы. Это облегчает коммунистам организацию стихийного стремления масс к единству в борьбе против бешеного наступления капитала и вытеснение социал-фашистов из решающих позиций в рабочем движении. Наиболее слабой стороной нашей работы является неумение проникать при помощи сотрудничающих с нами рабочих пепеэсовцев, бундовцев и т. д.—в их собственные организации, чтобы изнутри ускорять разложение социал-фашизма.

Выдвинутая XI пленумом ИККИ во главу непосредственных задач секций «борьба против наступления капитала и организация широкого контрнаступления пролетариата» была в значительной степени осуществлена в области стачечной борьбы. Но ослаб, как мы уже подчеркивали, фронт безработных. Только за последние месяцы усилилась активность партии в организации борьбы безработных, результатом чего был ряд демонстраций в основных центрах безработицы. Наиболее массовой и боевой была демонстрация в Недобрзицах (в Силезии) против полевого суда.

Расширение фронта стачечной борьбы, вовлечение в нее атакуемых капиталом горняков и металлистов, усиление движения безработных и самая тесная увязка его с движением занятых рабочих, реагирование массовыми демонстрациями и политическими стачками на полевые суды и кровавые насилия фашизма, систематическое, конкретное, основанное на опыте повседневной борьбы разоблачение социал-фашизма—вот задачи, стоящие перед партией в области организации широкого контрнаступления пролетариата.

Одновременно усилия партии должны быть направлены на развязывание борьбы эксплотируемого крестьянства против налогов и долгов. При помощи этого звена партия

должна вытягивать всю цепь революционного движения в деревне, увязав его с борьбой против фашистской комассации и за ликвидацию сервитутов, с борьбой за землю без выкупа, а также увязав это движение с контрнаступлением пролетариата. То же самое относится к организации борьбы с национальным гнетом, организации национально-освободительного движения, в котором партия проявляет особенную слабость. Сделанный третьим пленумом поворот от общей пропаганды к повседневному руководству национально-освободительной борьбой не проведен еще на практике, что затрудняет мобилизацию масс угнетаемых народов как одного из решающих резервов пролетарской революции.

На основе повседневной борьбы партия должна шире развернуть борьбу против империалистической войны и военной интервенции СССР. Внимание трудящихся масс, их борьба против империалистической войны должны быть теснейшим образом увязаны с военными событиями в Китае, с расширением империалистами антисоветской военной базы на Дальнем Востоке и ударных баз в капиталистической Европе (Польша, прибалтийские государства, Балканы). Защита СССР должна быть неразделько связана с защитой независимого Китая и китайской революции. Центр тяжести должен быть перенесен на защиту социалистического строительства как рычага международной пролетарской революции от провокационных выпадов империалистов. С этой целью необходимо систематически популяризировать мирную политику советского правительства и сбрасывать пацифистские завесы с военных приготовлений польского империализма, с его социал-фашистских агентов в рабочем классе. Одновременно необходимо искоренять, прежде всего в самой партии, всякие настроения выжидания войны, выражающие пассивность и неверие в революцию, в собственные силы, а также всякие тенденции заскоков, льющие воду на мельницу врага и противоречащие линии, проводимой партией в борьбе за мир. Борьба против войны должна стать в центре всех задач партии. Вся организационная практика должна быть приспособлена к непосредственной угрозе войны.

В этой ситуации необходимо всемерно усилить борьбу за армию. Наша работа в армии слабо продвинулась вперед. Мы сделали только первые шаги в этом направлении. Систематическая работа среди солдатских масс не сделалась еще боевой задачей всей партии. Партийные организации переоценивают свои успехи и отдельные симптомы разложения в армии. Борьба за армию является до сих пор на практике одной из второстепенных задач партии. Необходимо, чтобы работа среди солдат стала делом всей партии, каждой партийной ячейки как ударная задача дня. Компартия должна мобилизовать широкие массы пролетариата и крестьянства на борьбу за армию, тем более что фашистское правительство начинает уже бросать военные отряды на внутренний фронт, употреблять их для подавления забастовок и демонстраций.

Организационный рост партии является результатом не только революционизирования масс, которые сами уже начинают искать партийную организацию, но и возросшей активности партии, особенно в руководстве повседневной борьбой пролетариата и эксплоатируемого крестьянства. Оба эти фактора определяют динамику развития отдельных парторганизаций.

Прирост членов партии в период от V съезда, т. е. от октября 1930 г. по октябрь 1931 г., составил 107%. Это значит, что директива об удвоении членского состава целиком выполнена. Компартия в самой Польше насчитывает теперь свыше 7 тыс., а вместе с КПЗБ и КПЗУ—свыше 12 тыс. членов, не считая нескольких тысяч, сидящих по тюрьмам.

Рост партии происходит неравномерно. Наибольший процент прироста в период от марта по октябрь 1931 г. дают: сельскохозяйственные округа—78, промышленно-сельские—46, промышленные — 41. Промышленные округа дают 30% общего числа членов партии, промышленно-сельские—36% и сельскохозяйственные—34%. Исключение представляет быстрый рост верхнесилезской организации.

В социальной структуре партии произошли следующие сдвиги: число рабочих крупных промышленных предприятий возросло на 66%, крестьян—на 166%, сельскохозяйственных рабочих—на 162%.

Физиономия отдельных окружных организаций компартии такова: в крупнопромышленных округах рабочие крупных промышленных предприятий составляют

34% всего партсостава (в самой Варшаве меньше); в промышленно-сельских округах рабочих крупной промышленности—10%, крестьян—36%, сельскохозяйственных рабочих — 2%, других — 52%; в сельскохозяйственных округах рабочие крупной промышленности составляют 5%, крестьне—42%, сельскохозяйственные рабочие—7%, другие—46%.

Уже это сопоставление указывает на одно из наиболее слабых мест нашей организации: в решающих промышленных центрах занятые рабочие крупной промышленности составляют одну треть общего числа членов, остальные безработные (Верхняя Силезия) или ремесленники и рабочие мелких промышленных предприятий (Варшава).

Отсюда вывод, что ударной задачей партии остается данная V съездом директива о расширении партийной организации среди крупнопромышленного пролетариата, особенно в таких центрах, как Варшава и Лодзь. Особенное внимание должно быть направлено на металлическую промышленность, прежде всего военную, где при некоторых успехах организационное состояние партии еще очень слабо. Удвоение наших рядов требует также усиления работы над большевистским воспитанием и активизированием членской массы, требует укрепления путем смелого выдвижения рабочих, кадров при дальнейшем расширении организационного охвата партии. В условиях бешеного фашистского террора вопрос систематического пополнения и укрепления кадров становится очень острым.

Главные слабости партии находят свое отражение иногда в усиленной степени в КСМ Польши. Наиболее тревожным является тот факт, что рост КСМ, насчитывающего свыше 9 тыс. членов, отстает от роста партии. КСМ не выполняет надлежаще своей основной задачи как школы коммунизма. Сильно хромает активность КСМ в организации повседневной юношеской борьбы в то время, когда наступление капитала наибольшей тяжестью падает на трудящуюся молодежь. КСМ должен перегнать партию по числу членов и усилить свое пролетарское ядро, завоевывая себе прочную опору на крупных фабриках.

Под ударами фашистского террора слабеют наши приводные ремни к трудящимся массам. Мы не умеем с необходимой быстротой восстанавливать разгромляемые фашизмом массовые организации. Поэтому при крупном росте нашего влияния в революционном профдвижении его организационный охват слабо продвинулся вперед. Необходимость действительного перелома в организации профдвижения со всей остротой стоит перед партией. Необходимо использовать для развития профлевицы всякие возможности в реакционных профсоюзах, особенно в профсоюзах железнодорожников и сельскохозяйственных рабочих.

К достижениям и слабостям партии мы должны сейчас подходить с другим мерилом, чем в прежние времена, когда развитие событий и темп революционизирования масс были медленнее. Обычная активность партии и старые методы работы уже недостаточны. Между тем ряд парторганизаций продолжает работать по-старому. Кампания в защиту политзаключенных и против полевых судов ярко обнаружила эту слабость. В период быстрого созревания предпосылок революционного кризиса вопрос приспособления темпов и методов работы к изменившимся условиям имеет решающее значение.

В свой практике парторганизации недооценивают революционного напряжения среди масс и серьезности ближайшей перспективы. Убеждение, что мы быстро приближаемся к решающим боям, что уже теперь мы стоим в огне боев, которые будут перерастать в крупные битвы за власть, за диктатуру пролетариата, не проникло еще до глубины сознания наших кадров и партийной массы. Это— одна из основных идеологических причин всякого оппортунизма, особенно правого, продолжающего быть главной опасностью для партии. Правая опасность идет главным образом по линии ослабления бдительности к маневрам социал-фашизма. Кроме того переоценка трудностей, сваливание собственных слабостей на массы, отдельные случаи отступления перед террором, поиски более «легких» способов борьбы, пассивное отношение к стихийным формам крестьянской борьбы — вот другие важнейшие проявления правого оппортунизма.

С другой же стороны наблюдаются «левые» тенденции к перескакиванию через необходимые этапы революционного развития, к действованию за массы, к подмене массовых акций индивидуальными,

террористическими актами или же праздной болтовней о вооруженных демонстрациях и других выступлениях, которые еще не стоят в порядке дня. Эти тенденции в условиях фашистского террора могут облегчать провокационную тактику фашизма, вносить дезорганизацию в революционное движение и затруднять мобилизацию масс для широкого контрнаступления. Такие тенденции выразились также в партийной печати и в воззваниях. В области самообороны существует опасность подмены организации борьбы широких масс против фашистского террора и ее массового организационного базиса на фабриках замкнутыми, изолированными от масс узкими кадрами.

Одной из основных причин совершаемых партией ошибок является схематизм в оценке развития задач и форм революционного движения, особенно в характеристике трений и сдвигов внутри буржуазного лагеря. Примером такого схематизма в методах агитации было воззвание к полицейским, механически переносящее наше отношение к солдатам, которых мы должны завоевать для революции, на полицию, которую мы должны окружить атмосферой неумолимой ненависти со стороны трудящихся масс. Эта грубая ошибка, ослабляющая борьбу с полицией, была подвергнута немедленной критике.

Необходимо поднять идеологический уровень партии. Наши успехи в идеологической области, достигнутые в борьбе на два фронта, прежде всего с идеологией правой группы, не освобождают нас от необходимости усиления идеологической работы, неразрывно связанной со всей практикой партии. В этом направлении должна итти начатая ЦК ревизия идеологического наследства люксембургизма и остатков меньшевистской идеологии ППС-левицы. Резолюция ЦК, дающая первый раз большевистскую характеристику люксембургизма и его роли в КПП, подчеркивает, что:

> «Критика люксембургизма должна стать основным фактором большевизации всей партийной практики как в тактической, так и в организационной области. Основательная картина люксембургизма облегчит партии преодолеть отставание от развития революционных событий, поднимет роль партии как инициатора и организатора в революционном движении, обеспечит партию от недооценки крестьянского и национально-освободительного движения, облегчит ей проведение поворота в области национально-освободительной обороны, будет способствовать расширению и укреплению организационного охвата партии».

Ревизия люксембургизма, приводимая в последовательной борьбе на два фронта, должна быть решительно противопоставлена всяким попыткам реабилитировать и гальванизировать обанкротившуюся правую группу, попыткам фактической защиты польских разновидностей меньшевизма.

Борьба на идеологическом фронте должна вестись также за четкую большевистскую революционную перспективу, против ее оппортунистического смазывания. Преодолевая всякие тенденции, идущие по линии люксембургианских взглядов, на автоматический крах капитализма, мы одновременно должны обеспечить партию от натиска социал-фашистских взглядов в области перспективы выхода из кризиса. В период углубления экономического кризиса и созревания предпосылок революционного кризиса особенно опасны взгляды, предрешающие выход капитализма из кризиса и отвлекающие внимание коммунистов от организации сил для революционного выхода из кризиса. Таковы например оппортунистические взгляды т. Лапинского, одного из идеологов польской правой группы, рассуждающего теперь на тему о преодолении капитализмом кризиса при помощи усиления элементов госкапитализма, о том, как будет выглядеть завтра вновь стабилизированный капитализм. Эти взгляды представляют логическое продолжение грубейших правых установок т. Лапинского в оценке кризиса и фашизма, которые в свое время были подвергнуты нами развернутой критике. В своих статьях т. Лапинский уже не раз предрешал возможность преодоления кризиса капитализмом путем интервенции буржуазного государства, скатываясь фактически к теории организованного капитализма. Против таких установок необходимо направить огонь идеологической борьбы. Только проводимая таким образом большевизация вооружает компартию для выполнения огромных задач, которые все острее ставит перед ней нарастающая пролетарская революция.

Мировой экономический кризис в цифрах

Для того чтобы дать читателям «Правды» возможность следить за изменениями в ходе мирового экономического кризиса, мы приступаем к регулярному печатанию конъюнктурных сводок Института мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии, содержащих в себе основные показатели хода кризиса.

Промышленность

(данные взяты за третью неделю указанного месяца и года)

Страны и показатели	1929 г. высшая точка	1931 г. январь	1932 г. январь	% падения с высшей точки 1929 г. по январь 1932 г.
САСШ («Annalist»)				
Недельный индекс хозяйственной активности по «Анналисту»	100,1 (июль, 4-я неделя)	78,1	63	— 42,8
Битуминозный уголь. Среднесуточная продукция (в тысячах тонн)	1 990 (июнь, 3-я неделя)	1 479	1 148	— 42,3
Нагрузка **стальных предприятий**[1] (в % к производственной способности)	90 (август, 4-я неделя)	46	28	— 68,9
Автомобили. Недельная продукция (в штуках)	143 250 (25 апреля)	45 841	29 833	— 78,2
АНГЛИЯ («Board of Trade»)				
Уголь Недельная продукция (в тысячах тонн)	5 647,2 (21 декабря)	5 022,8	4 645	— 17,7
Сталь. Продукция за месяц	904 (октябрь)	409	471 [2]	— 47,9
ГЕРМАНИЯ («Wochenberichte»)				
Каменный уголь. Ежедневная продукция в Рурской области (в тысячах тонн)	445.5 (25 ноября)	337,2	241,1	— 45,9
Сталь, Продукция за месяц (в тысячах тонн)	1 470 (июль)	773	400	— 73
САСШ				
Железнодорожная погрузка, аа неделю, кончившуюся 16 января (в тысячах вагонов)	1 186 (19 октября)	692 (17 января)	573	— 51,7
ГЕРМАНИЯ				
Дневная погрузка на 30 января (в тысяч. вагонов)	170,2 (16 октября)	193,1 (30 янв.)	90,6	— 46,8

Безработица:

Страны и показатели	1929 г. высшая точка	1931 г. январь	1932 г. январь	% изменения с высшей точки 1929 г.
САСШ («Federal Reserve B.»)				
Индекс занятости 1923—1920 = (среднемесячн.)	105,0 (сентябрь)	78,8 (декабрь 1930 г.)	67,9 (декабрь 1931 г.)	— 35,3
АНГЛИЯ («Ministry of Labor Gazette»)				
Количество безработных среди застрахованных [3]	1 552 000 (декабрь)	2 624 000	2 728 000	+ 75,8
ГЕРМАНИЯ («Wochenberichte»)				
Общее количество безработных	3 050 000 (февраль)	4 886 009	6 127 000 [4]	+ 100,8

[1] Данные взяты за четвертую неделю.

[2] Декабрь 1931 г.

[3] Небольшое увеличение количества безработных в январе 1932 г. против января 1931 г. объясняется снятием с учета нескольких сотен тысяч безработных в течение последних месяцев в связи с проведением так называемого режима «национальной экономии».

[4] По некоторым исчислениям число безработных доходит до 8 млн.

Квартал падающих индексов и дальнейшего загнивания

Мировой экономический кризис в цифрах.

(Конъюнктурная сводка Института мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии.)

Первые два месяца 1932 г. свидетельствуют о дальнейшем углублении мирового экономического кризиса. Пр дукция продолжает падать. Попреж ему колоссальный рост безработицы. Если в Англии по официальным данным безработица несколько снизилась, то это объясняется тем, что за последнее полугодие были сняты с пособия 431 тыс. человек на основании так называемого «закона об экономии».

В САСШ не существует статистики безработицы. Вместо этого существует «индекс занятости», с помощью которого американская буржуазия скрывает число безработных, достигающее, по некоторым данным, 14 млн. человек. Надо отметить, что официальная английская и германская статистика также далеко не отражает действительного числа безработных.

Война на Дальнем Востоке внесла оживление в военную промышленность. Этот факт однако нисколько не смягчил остроты кризиса в виду наличия огромных запасов непро анных товаров и вследствие пrодолжающегося сильнейшего упадка продукции в других отраслях промышленности.

Основные показатели кризиса

Показатели	1929 г.	1931 г.	1932 г.		Процен.изменения в феврале посравнению с высшей точкой 1929 г.
	Высшая точка	Февраль	Январь	Февраль	
Безработица					
Англия (число безработных среди зарегистрированных)	1 1 5[1] (май)	2 694	2 728	27[illegible]1	+ 131,8 % к низшей точке
Германия (число безработных)	1 252[1] (июль)	4 972	6 042	6 128	+ 389,5 % к низшей точке
САСШ (индекс занятости 1923—/1925 = 100	105 (сент.)	77	68 (дек.)	66 (янв.)	— 37 7
Промышленость					
САСШ (недельный индекс хозяйственной активности «Анналиста»	110 (июль)	76,8	62,2	61	— 44,5
Германия (индекс объема промышленной продукции) 1928 = 100	108,4 (апр.)	69,2	56,1	—	— 48,3
Франция (индекс объема промышленного производства) 1928 = 100	113,4 (апр. 1930 г.)	104.7	81,2	—	— 28,4
Продукция чугуна					
САСШ (в тысячах тонн)	3 961 (май)	1 734	988	980	— 75,2
Англия » »	70[illegible] (окт.)	323	338	32[illegible]	— 5[illegible],9
Германия » »	1 204 (июль)	520	358	300	— 50,2
Франция » »	905 (янв.)	726	502	—	— 44,5
Продукция автомобилей					
САСШ	622 (апр.)	220	119	—	— 80,9

[1] Низшая точка в тысячах.

Индекс оптовых цен

САСШ (1913 = 100)	140,4 (июль)	108,2	96,4	—	— 31,3 (в январе)
Англия » »	133,8 (март)	95,6	93,9	92,9	— 30,6
Франция » »	139,6 (март)	114	100	99,8	— 28,6
Германия » »	132 (март)	109	89 (к дек.)	90	— 31,8

Индекс стоимости жизни

САСШ (июль) (1914 = 100)	163 (окт.)	143	133 (к дек.)	—	— 18,4 (к дек.)
Англия (1913 = 100)	167 (янв.)	152	147	147	— 12,0
Германия (1913 = 100)	157 (март)	139	114	122	— 22,3
Франция (1913 = 100)	565	590	531	—	— 6,1

Индекс курсов промышл. акций

САСШ (1926 = 100)	216,1 (сент.)	100,3	54,4	52,9	— 75,5
Англия (1924 = 100)	149 (янв.)	94	82	—	— 45,0
Германия (1924=26 = 100)	139 (янв.)	76,7	—	—	— 51,7
Франция (1913 = 100)	548 (февр.)	373	250	294	— 46,4

Банкротства

	Низшая точка				
САСШ (число банкротств)	1 318 (сент.)	2 277	2 383	3 241 [2]	+ 146
Англия » «	272 »	398	435	—	+ 60
Германия »	657 »	1 065	1 128	1 094	+ 66
Франция » »	420 »	858	1 160	1 217	+ 190

Внешняя торговля

Импорт	Февраль 1929 г.				
САСШ (млн. долл.)	364	177	135	—	— 62,6
Англия (млн. ф. ст.)	81	58	57	64	— 21,0
Германия (млн. рейхсм.)	1 015	620	440	441	— 56,5
Франция (млн. фр.)	5 162	4 065	2 340	2 399	— 53,6
Экспорт					
САСШ (млн. долл.)	435	246	146,7	—	— 65,5
Англия (млн. ф. ст.)	56	32	31	30	— 46,5
Германия (млн. рейхсм.)	970	775	542	538	— 44,6
Франция (млн. фр.)	4 118	2 574	1 806	1 768	— 57,1

У нас и у них

У нас[1]

Задута первая домна Магнитогорского завода, одна из самых больших в мире, производительностью до 1200 *т* чугуна в сутки. До революции на южных заводах печи давали не более 400—500 *т*, а на Урале—не более 200 *т*.

В Европе таких печей нет. В САСШ печи типа магнитогорской насчитываются единицами.

К новой печи применены усовершенствования, достигнутые на лучших американских и европейских металлургических заводах. Все обслуживание печи полностью механизировано. Подача руды и флюсов на бункера производится саморазгружающимися вагонами, а кокса — транспортером. Взвешивание — автомати-

[1] Таблицы «У нас и у них» взяты из «Известий ЦИК СССР и ВЦИК»

[2] Декабрь 1931 и январь 1932 г.

ческое. Кроме того введено полное блокированное управление (собранное на одном щите) всеми механизмами загрузки и распределения шихты. Наверху у места загрузки не будет ни одного человека. Все механизмы действуют автоматически.

Выпуск чугуна и шлака также механизирован.

Благодаря полной механизации всех производственных процессов, исключающей применение тяжелого мускульного труда, число работников у печи сокращается против обычного более чем в десять раз. Остается только технический персонал и высококвалифицированные рабочие.

Подобных печей на Магнитогорском заводе будет 8. Вторая печь сейчас тоже заканчивается. Всего завод будет давать 2,5 млн. *т* чугуна в год, с последующим расширением до 4 млн. *т* (годовое производство чугуна в довоенной России). Равным ему является только металлургический завод Герри в Америке.

Стоимость завода около 1 млрд. руб.

Рабочих на строительстве — 60 тыс.

У них

В САСШ в 1931 г. не выстроено ни одной новой домны. В 1930 г. в САСШ была выстроена только одна печь, производительностью около 700 *т* в сутки.

Перестроенная в 1930 г. старая печь № 3 «ДЖОНС ЭНД ЛАФЛИН», мощность которой должна была быть доведена до 1 200 — 1 500 *т* в сутки, в ход не пущена ввиду кризиса.

В среднем на каждую печь в САСШ приходилось в 1929 г. 302 рабочих дня, а в 1930 г.—только 255 дней.

В Германии в конце 1931 г. работало только 47 домен из наличных 165, в Англии — 70 из 371, во Франции — 98 из 140, в Бельгии — 43 из 63, в САСШ—57 из 302. Таким образом в Германии было потушено 118 вполне годных к работе домен, в Англии—301, во Франции—42, в Бельгии—20 и в САСШ—245.

Годовая производительность всех наличных домен САСШ составляет, по последним оценкам Американского института железа и стали, около 53 млн. *т*, из которых на долю бездействующих домен приходится около 40 млн. *т*.

Количество работающих доменных печей в капиталистических странах достигло уровня примерно конца XIX в., в САСШ количество работающих печей ниже, чем в 1895 г., во Франции — на уровне 1894 г., в Германии и Англии—ниже, чем в середине XIX в.

У нас

В Мечетинском районе идет строительство крупнейшего овцеводческого учебно-опытного комбината всесоюзного значения. Стоимость строительства — 27 млн. руб.

На станции Пресня Московско-окружной железной дороги идет строительство чаеразвесочной фабрики производительностью 14 400 *т* чая в год. Стоимость фабрики — $3^1/_2$ млн. руб. По механизации и технологическому процессу фабрика будет первой в Европе.

В Саранске — центр Мордовской автономной области — идет строительство первого в Среднем Поволжье овощного, молочного и консервного завода. Стоимость завода — $3^1/_2$ млн. руб.

На Северном Кавказе развертывается 90 новых машинно-тракторных станций. Весной 1932 г. на полях Северного Кавказа будут работать 217 МТС с тракторным парком в 112 800 лош. сил. Из числа этих станций 170 будет зерновых, 22 — хлопковых, 8 — свекловичных, 12 — садовых, огородных и виноградарских и 5 — табачных. Посевная площадь МТС Северного Кавказа—5 млн. *га*.

Вблизи Сталинграда начаты изыскательные работы по постройке величайшей в мире Волжской плотины, входящей в систему Волгостроя. Плотиной будет орошено 20 млн. *га*.

У них

В Польше в бездействии находится 75 тыс. товарных вагонов, занимающих около 700 *км* железнодорожного пути. В связи с этим проектируется прекращение железнодорожного товарного движения в воскресные и праздничные дни.

В Венгрии посевная площадь в 1931—1932 гг. по сравнению с 1930 г. сократилась: по пшенице — на 2,5%, по ржи — на 6,6% и по сахарной свекле — на 25%.

Мексиканское правительство ликвидировало государственное морское пароходство ввиду невозможности продолжать субсидирование этого убыточного предприятия.

Общий тоннаж судов, находящихся в постройке на английских верфях, в 1930 г. исчислялся в 1 614 тыс. *т*. В декабре 1931 г. судостроение пало до 400 500 *т*. Объем судостроения в Англии пал почти в 5 раз, до уровня 1887 г. Без работы находятся 60% всех рабочих судостроительной промышленности. Судоходство и доходы от него играют исключительную роль в английской экономике.

У нас

Гордость химической промышленности Союза, мощная фабрика плодородия колхозных полей — гигант Невхимкомбинат (Ленинград) закончен строительством. В третью большевистскую весну колхозники полей получат 1 тыс. *т* суперфосфатов. С комбината идет отгрузка готового суперфосфата на колхозные поля Ленинградской области.

Двухпутный мост через Обь готов к пропуску маршрутов с углем и рудой. Линия Кузнецк — Томиртау сдана в эксплоатацию, чем обеспечен подвоз топлива к Кузнецкому заводу-гиганту.

Закончены вторые пути Петропавловск — Куломзино и Усяты — Полысаево.

В Краснодаре создан всесоюзный Научно-исследовательский институт масличных культур типа научно-производственного учебного комбината, охватывающий 8 зональных станции, расположенных по всему Союзу.

У них

Общее количество автомобилей САСШ впервые в истории этой страны уменьшилось за последний год на 500 тыс. штук.

Вклады в банках федеральной резервной системы САСШ по сравнению с ноябрем 1929 г. уменьшились на $3^1/_2$ млрд. долл.

Золотой запас и запас иностранной валюты германского Рейхсбанка составляет сейчас 1 121,0 млн. марок против 2 667,2 млн. в мае 1931 г.

Во Франции обанкротилось крупнейшее общество по торговле продуктами питания, располагавшее самой разветвленной сетью филиалов. Капитал общества составлял 60 млн. фр.

У нас

Пущен в эксплоатацию сернокислотный завод Воскресенского химкомбината.

Завод по мощности не имеет себе равного ни в Европе, ни в Америке. Общая мощность его — 160 тыс. *т* годовой продукции, а при интенсификации будет доведена до 240 тыс. *т*.

Весь комбинат с подсобными предприятиями занимает площадь в несколько десятков квадратных километров. Все процессы работы в комбинате механизированы. Сейчас при комбинате строятся культурно-социальные учреждения: школа ФЗУ, ФЗС, больница, амбулатория и большая механизированная столовая. Приступают к строительству клуба, универмага, пяти жилых домов, десяти двухэтажных стандартных домов. Планируется грандиозный парк культуры и дом отдыха для рабочих. Разрабатывается проект постройки социалистического города, который помимо Воскресенского химкомбината будет обслуживать рабочих цементного завода «Гигант» и Асботрубного комбината.

У них

Развитие химической промышленности в капиталистических странах отражает, с одной стороны, углубление мирового экономического и в частности аграрного кризиса, а с другой — усиленную подготовку империалистов к войне, поскольку химическая промышленность является и военной промышленностью. Особенно показательно в этом отношении развитие азотной промышленности.

Производство азота за два последние года уменьшилось на 22,7%. Потребление азота, несмотря на широкую пропаганду азотных удобрений, упало еще больше — на 30%. Это указывает на усиливающееся разорение крестьянства — главного потребителя азотных удобрений.

У нас

Электротехническая промышленность

Развитие электротехнической промышленности является одной из важнейших основ электрификации СССР.

Рост продукции электротехнической промышленности СССР (в миллионах рублей)

1928/29 г.	271,0
1930 г.	589,6
1931 г.	926,5

В 1931 г. продукция нашей электротехнической промышленности почти в десять раз превысила довоенную продукцию, которая оценивалась примерно (в ценах 1926/27 г.) в 95 млн. руб. В 1930 г. в СССР был построен турбогенератор мощностью в 24 тыс. *квт*, а в конце 1931 г. турбогенератор мощностью в 50 тыс. *квт*, работающий на Каширской электростанции.

У них

Происходит снижение, под влиянием кризиса и продукции, электротехнической промышленности в крупнейших капиталистических странах: САСШ, Германии и Англии. В этих странах не ведется учета электротехнической продукции, но о ее снижении дает представление степень занятости рабочих. Занятость в электротехнической промышленности, принимая 1929 г. за 100, составляла:

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	IV кв. 1931 г. в процент. к IV кв. 1929 г.
САСШ	100	86	66	60
Германия	100	75	57	56
Англия	100	101	71	56

О снижении продукции свидетельствуют также данные по мировым электротехническим концернам.

Сбыт второго по величине американского концерна Вестингауз составлял: в 1929 г.—216 млн. долл. в 1930 г.—180 млн. долл., в 1931 г.—104 млн. дол.

В Германии в 1928/29 г. на всех заводах Сименса работало 99,2 тыс. рабочих, а в 1930/31 г.—только 73,6 тыс. На заводах АЭГ в 1928/29 г.—50 тыс. рабочих, а в 1930/31 г.—34,5 тыс.

У нас

Строительство

	СССР (в миллионах рублей)
1929 г.	4 450
1930 г.	6 240
1931 г.	11 730

Строительство СССР в 1931 г. почти утроилось в сравнении с 1929 г. В Советском союзе вся страна покрыта вновь построенными и строящимися заводами, фабриками, школами, больницами, жилыми домами и т. д.

У них

В капиталистических странах, переживающих небывалый экономический кризис, новое строительство почти совершенно прекратилось и лишь заканчиваются немногочисленные постройки, начатые в первые годы кризиса.

В САСШ в 1931 г. строительство по объему сократилось на 40%.

Строительство в Германии в 1931 г. упало по стоимости до $^2/_3$, а по объему — до $^1/_2$ довоенного уровня. За годы кризиса строительство сократилось на 55%.

В то время как в 1929 г. в Германии на постройках было занято в среднем 70% всех рабочих-строителей, в 1930 г. занятость упала до 52%, в 1931 г.—до 30%, а в марте 1932 г.—до 11%.

В начале 1932 г. число безработных строителей в Германии достигло 1 млн.

Еще больше, чем все строительство, снизилось промышленное строительство.

За 2 года кризиса промышленное строительство в Германии сократилось на 52%, а в САСШ—на 77% (по сравнению с 1929 г.).

Советский союз не только опередил по промышленному строительству Германию и САСШ, сокративших в условиях кризиса строительную продукцию, но вообще уже в 1931 г. достиг уровня, совершенно неизвестного Германии и САСШ даже в годы наибольшего развертывания строительства.

У нас

Рост числа рабочих в СССР

Успешное развитие всех отраслей народного хозяйства СССР сопровождалось увеличением численности рабочего класса.

Число рабочих и служащих СССР (в среднем за год (в милионах)

	Всего	В том числе в промышленности, строительстве, на транспорте и связи
1913 г.	11,3	—
1929 г.	12,4	6,1
1930 г.	14,5	7,9
1931 г.	18,1	10,3

Общая численность рабочего класса уже в 1929 г. превысила довоенный уровень, за два последние года она возросла на 50% А в промышленности, строительстве и транспорте — почти на 70% Число женщин, занятых только в тяжелой промышленности, возросло с 111 тыс. в 1930 г. до 212 тыс. в 1931 г.

Безработица в СССР совершенно ликвидирована. 83% всего числа рабочих переведено к концу 1931 г. на семичасовой рабочий день.

У них

Рост безработицы в капиталистических странах

В то же самое время рабочий класс капиталистических стран все сильнее страдает от мирового экономического кризиса. Безработица растет

	1929 г. (в тысячах)	1932 г. в процентах к 1929 г.
В Англии	1 413	194
» Германии	2 483,9	246,7
» Италии	489	234
» Австрии	246,1	146,7
» Чехо-Словакии	55,2	1 141

В САСШ не ведется статистики безработицы. По некоторым даже буржуазным источникам число безработных в САСШ доходит теперь до 14 млн. Во Франции учитывается только небольшая часть безработных, получающих пособие. Общее число полностью и частично безработных оценивается теперь в 2 млн. Но и в тех странах, где ведется учет безработицы, статистикой охвачены далеко не все безработные. Кроме того статистика учитывает только полностью безработных. Между тем даже из работающих огромное число работает неполную неделю и получает соответственно неполную зарплату.

«В стране Советов мощный и неуклонный подъем народного хозяйства на основах социализма. Страны капитала как в отношении промышленности, так и сельского хозяйства уже третий год идут под гору, по пути все большего упадка.

В нашей стране ликвидированы безработица и нищета (пауперизм). В капиталистических странах растут кадры безработных; число безработных достигает уже нескольких десятков миллионов; растет нищета в деревне; быстро увеличивается число самоубийств на почве безработицы и голодухи».

(Молотов)

Президентские выборы в Германии

(«Правда» 13 марта 1932 г.)

Сегодня состоятся выборы президента германской буржуазной республики. Германские пролетарии выступают за своего пролетарского кандидата — т. Тельмана.

«Лагери формируются к решающему бою». Так изображают германская буржуазия и социал-фашистская печать шумиху, поднятую в буржуазном лагере Германии, вокруг кандидатуры президента Гинденбурга.

Семь лет назад престарелый фельдмаршал вошел в президентский дворец, как олицетворение начинавшейся частичной стабилизации капитализма. За кандидата крупнейших капиталистов и аграрников—Гинденбурга голосовала также значительная часть пауперизированной в период инфляции мелкой буржуазии.

Социал-демократия, выступившая в первом туре выборов с собственной кандидатурой Отто Брауна, поддержала потом как «меньшее зло» члена партии центра—Маркса. Социал-демократия изображала тогда избрание Гинденбурга как дерзкий вызов германской буржуазии Версальскому договору.

Кандидат монополистического капитала, рыцарь полуфеодального юнкерства и монархии Гинденбург, нашел очень быстро общий язык с социал-демократией. Под эгидой «надпартийного» президента социал-демократия осуществляла большую коалицию на основе безоговорочного служения капиталистической рационализации и стабилизации.

Фельдмаршал Гинденбург стал генералом генерала Дауэса,—точно так же, как национал-социалист Гитлер использует сейчас национальную демагогию, чтобы стать затем жандармом жандарма версальской системы и антисоветских планов—французского империализма—в Европе.

Обострение экономического кризиса в Германии, обусловившее огромный рост радикализации пролетарских масс, начало кризиса социал-демократии и созревание предпосылок революционного кризиса вызвали новую передвижку сил внутри буржуазного лагеря, усилив его открыто фашистское крыло за счет мелкой буржуазии.

Внутри буржуазного лагеря, единого в основном вопросе борьбы за капиталистический выход из кризиса, единого в проведении фашистской диктатуры как средства спасения от большевизма, имеют место лишь разногласия по вопросу о методах и темпах осуществления фашистской диктатуры. В этом именно смысл шумихи вокруг кандидатуры Гинденбурга.

Но в условиях резкого обострения классовой борьбы и кризиса сузилась почва для широких маневров буржуазии и социал-фашизма.

Характернейшей чертой расстановки классовых сил в Германии является тот факт, что, как бы ни голосовала та или иная отдельная фракция буржуазного лагеря,—за правительственного кандидата Гинденбурга, или кандидата национал-социалистов Гитлера, или другого оппозиционного кандидата—Дюстерберга (заместителя председателя «Стального шлема», почетным председателем которого является Гинденбург),—нет той фракции буржуазии, которая голосовала бы принципиально против Гинденбурга.

Ни социал-фашист Брейтшейд, ни инфляционный спекулянт Гугенберг, ни социал-полицейский Зеверинг, ни председатель «Стального шлема» сельтерский фабрикант Зельдте не являются по существу противниками Гинденбурга.

Переговоры Гитлера и Брюнинга показали, что для национал-социалистов речь с самого начала шла о давлении на Гинденбурга в смысле перемены состава правительства. Программа национал-социалистов предусматривает государственное снижение зарплаты, которое уже проводило и проводит правительство Брюнинга при помощи социал-демократии. Она предусматривает грабеж масс под флагом госкапиталистических мероприятий, которые социал-демократы уже подносили рабочим как переходный этап от капитализма к социализму. Речь идет о полном запрещении компартии, которое давно уже систематически и планомерно подготовляют и проводят господа социал-полицейские.

В плане фашистов для социал-демократов предусматривается некоторое сужение буржуазной свободы печати. Но можно не сомневаться в том, что социал-демократия, это умеренное крыло фашизма, столкуется с воинствующим фашизмом Гитлера... на тактике «меньшего зла»! Недаром ведь председатель социал-демократической фракции прусского ландтага Гейльман публично хвастал недавно, что «Пруссия (где прочно окопались в министерствах социал-фашисты) в течение 10 лет является самой прочной опорой и самым верным служителем каждого имперского правительства»!

Не случайно социал-демократический полицей-президент Берлина Гржезинский отметил день, когда Гинденбург заявил о согласии выставить свою кандидатуру, немедленным запрещением «Роте Фане»! Не случайно на сцену выплывает снова кровавая собака Носке, который, с одобрения руководства социал-демократической партии подписал ультрареакционное и шовинистическое воззвание инициативной комиссии берлинского обер-бургомистра Сама в пользу кандидатуры Гинденбурга.

Для социал-фашизма речь идет о том, под каким «оппозиционным» покровом поднести эту кандидатуру рабочим массам, как убедить рабочих, что эта кандидатура есть... шаг к социализму, как они это делают сейчас с каждым актом фашизации, с каждым новым антирабочим декретом правительства Брюнинга. Давно уже не было такой четкой расстановки классовых сил в Германии, как в настоящее время. Класс стоит против класса.

Сокращение производства и кредитный кризис приняли катастрофические размеры. Безработица превысила 6 млн. человек, из которых не больше половины получает страховое пособие. В строительной промышленности занято только 16% рабочих. Несмотря на всю тяжесть последнего декабрьского декрета о снижении для 15 млн. рабочих зарплаты в государственно-принудительном порядке на 10—15%, продолжается дальнейшее ее снижение во всех отраслях производства.

Крушение ряда крупнейших концернов и трестов (Нордволле, Борзиг и др.) или серьезный подрыв их финансовой базы (Стальной трест) вплотную подвели к краху связанные с этими концернами и трестами самые крупные капиталистические банки Германии («Данатбанк», «Дрезденербанк» и др.). Правительство Брюнинга глубоко запустило руки в карманы германских налогоплательщиков для укрепления позиции финансовой олигархии и спасения лопающихся капиталистических банков. Постановление о «санации» банков потребует от государства сотен миллионов марок в пользу обанкротившихся банкиров. Это первый открытый шаг к инфляции. Впереди нет признаков улучшения положения.

Отсюда новые проекты наступления на жизненный уровень трудящихся масс.

Социал-демократический обман о снижении цен в качестве компенсации за снижение зарплаты быстро и полностью себя разоблачил. Социал-демократия не может сейчас—во время президентских выборов и накануне выборов в прусский ландтаг—открыто поддерживать прямое наступление капитала в форме декретов о снижении зарплаты. Вот почему социал-фашисты с пеной у рта доказывают сейчас необходимость инфляции, т. е. нового косвенного грабежа масс, как полгода назад они столь же яростно выступали против инфляции, чтобы оправдать диктаторские декреты правительства Брюнинга, проводившие сокращение зарплаты в законодательном порядке.

Рост революционной боеспособности масс и угрожающие размеры брожения социал-демократических рабочих вынуждают социал-демократов к «левым» маневрам и крикам о борьбе с фашизмом. Но трудно убедить рабочих, что речь идет о борьбе «прогрессивной части бур-

жуазии против реакционной части», как бесстыдно утверждает социал-демократическое воззвание. Трудно убедить рабочих, что каждый голос, отданный за Тельмана, есть «голос за фашизм» и что Гинденбург есть «последний оплот республики против фашизма». Трудно убедить социал-демократических рабочих, что короли металла и химии—Крупп, Дуисберг, Зильверберг, стоящие за Брюнингом,—«меньшее зло», чем король Стального треста Тиссен, стоящий за Гитлера.

Кризис германской социал-демократии становится все глубже. Вот почему германская социал-демократия пускает в ход самые гнусные методы для борьбы с мощно растущим влиянием коммунизма. Ряд социал-фашистских газет опубликовал фальшивку, очередное «письмо Зиновьева», в которой выставляется гнусное и лживое утверждение, что якобы Мануильский и Пятницкий рекомендуют германской компартии... организовать единый фронт с Гитлером. Эта подлая ложь—показатель тех методов, которыми германский социал-фашизм борется с компартией.

Одновременно объединение реформистских профсоюзов провозглашает созыв чрезвычайного «кризисного» конгресса профсоюзов, который должен найти работу для безработных на проектируемых за счет государственных субсидий общественных работах. На деле этот конгресс, вводя принудительный труд для безработных, должен прикрыть грабительскую инфляцию. На деле, даже по признанию социал-демократического теоретика Нафтали, работу получат в лучшем случае не более 20 тыс. безработных (из 6 млн.).

Наряду с этим социал-демократические теоретики провозглашают миллиардный грабеж германских налогоплательщиков для «санации» банков, а Рейхсбанк германского монополистического капитала—проводником неизбежного развития... к социализму.

Коммунистическая партия Германии подрывает массовую базу социал-фашизма. Под ее ударами социал-фашистский «Форвертс», предвидя отказ миллионов социал-демократических рабочих голосовать за Гинденбурга, «убеждал» коммунистов воздержаться от участия в кампании. Под ее ударами жалкая и гнусная банда «левой» социал-фашистской агентуры—Зейдевиц, Брандлер, троцкист Урбанс, чтобы уловить отходящие от социал-демократии рабочие массы, заявляет о своем согласии голосовать за т. Тельмана.

Для коммунистической партии, выдвинувшей против всего буржуазного фронта кандидатуру т. Тельмана, кампания президентских выборов является в первую очередь рычагом мобилизации широчайших масс для борьбы за революционный выход из кризиса, рычагом действительной революционной борьбы против фашизма и социал-фашизма, против вовлечения Германии в антисоветский блок, против версальского рабства, рычагом разоблачения подлинного лица социал-демократии как органической части буржуазного лагеря и умеренного крыла фашизма, как партии антисоветской интервенции.

Рабочие массы с энтузиазмом приняли кандидатуру т. Тельмана. На первое предвыборное собрание в Дортмунде, которым открывалась кампания компартии, явилось 75 тыс. рабочих. Буржуазная газета «Дортмундер Генераль Анцейгер» так описывает это собрание: «*Это были лица, которые мы знаем по биржам труда и площадям у заводских ворот. Это были люди, согнанные сюда надеждой на лучшее будущее. С бушующим восторгом встречались плакаты: «Руки прочь от Китая и СССР!*»

Борьба компартии на президентских выборах—борьба против японской интервенции в Китае, борьба против антисоветской войны, подготовляемой международным империализмом и II Интернационалом.

Для коммунистической партии кампания президентских выборов есть *внепарламентская* кампания, означающая тесную увязку ее с конкретной повседневной борьбой пролетариата против бешеного нажима на него германской буржуазии при помощи социал-фашизма. Это—рычаг борьбы за широчайший единый фронт пролетариата, за преодоление всех элементов отставания революционного авангарда, за подведение германского пролетариата к решающим победоносным боям против диктатуры буржуазии, за диктатуру пролетариата.

Первый тур выборов дал компартии прирост в полмиллиона рабочих голосов

(«Правда» 16 марта 1932 г.)

«Роте Фане» о результатах президентских выборов

Комментируя в передовой результаты президентских выборов «Роте Фане» пишет:

«5 млн. голосов были поданы за кандидата компартии. Это—большой смотр боевых сил широких рабочих масс, готовых к борьбе под руководством компартии за революционный выход из капиталистического кризиса.

Компартия Германии выиграла почти полмиллиона новых рабочих голосов. Избирательная борьба показала необычайную активность всех классов и слоев. Это нашло свое выражение в высоком проценте количества избирателей, участвовавших в выборах. Обострение капиталистического кризиса создало такие условия, что в миллионных массах рабочего народа растет воля к изменению и устранению существующих условий.

Избирательная борьба происходила на политическом фоне обострения всех противоречий капиталистической системы, роста предпосылок революционного кризиса, массовых демонстраций компартии во всей Германии, повышенной активности коммунистических организаций и революционных массовых низовых организаций, вступления тысяч рабочих в компартию во время избирательной борьбы, создания новых опорных пунктов партии в деревне, проникновения в среду деревенской бедноты, в ряды служащих, трудящихся и средних слоев населения.

Все это свидетельствует о боевой решимости и энергии руководимой компартией части рабочего класса. Революционной признательности заслуживает самоотверженная работа десятков тысяч участников красной выборной кампании.

Социал-демократии еще раз удалось при помощи лицемерного маневра, каким является лозунг: «Бейте Гитлера», увлечь значительные части рабочего класса и использовать их для создания брюнингско-северинговской диктатуры. Социал-демократам удалось привлечь те массы, которые еще не осознали, что гиндербурговская политика расчищает путь открытой фашистской диктатуре.

Никогда с такой ясностью не выступали значение и правильность основной стратегической ориентировки на завоевание большинства рабочего класса, на высвобождение рабочих из-под влияния социал-демократии, как именно теперь. Этот результат отстает от объективных возможностей нынешнего положения.

Компартия считает для себя результаты выборов неудовлетворительными. Мы должны с большевистской самокритикой констатировать, что нам только отчасти удалось разбить маневр социал-демократии и ее мошеннические формулы «меньшего зла», «государственного капитализма» так же, как и политику «железного фронта».

Социал-демократия сумела использовать финансируемое буржуазией контрреволюционное движение гитлеровского фашизма для того, чтобы привлечь значительные массы рабочих к гинденбурговскому фронту.

Политика буржуазии на президентских выборах представляет характерный пример одновременного использования ею как социал-демократии, так и национал-социалистического движения.

Результат выборов обнаруживает неравномерный характер. Наряду с известными успехами в сельских округах и в Южной Германии—рост количества голосов в Баварии, Бадене, Восточной Пруссии и даже в отдельных частях Рейнской области и Вестфалии—надо отметить в других округах застой или даже ухудшение. Рост голосов в ряде округов доказывает, что ни недостаточный общий результат, ни потери в некоторых округах отнюдь нельзя объяснить утверждением,

что «на президентских выборах мы всегда получаем меньше голосов, чем на парламентских».

Существенные причины отставания от благоприятных объективных возможностей заключается в том, что наша борьба за пролетарский единый фронт может иметь успех только в той мере, в какой мы умеем организовать и вести повседневную борьбу рабочего класса против наступления капитала. Мы не сумели стать во главе всех форм массового сопротивления диктатуре чрезвычайных декретов и наступлению предпринимателей.

Мы не вели с достаточной принципиальной беспощадностью,—а это не одно и то же, что употребление «энергичных» слов,—борьбу против социал-демократии за завоевание социал-демократических рабочих и рабочих реформистских профсоюзов. В проведении основной стратегической задачи—завоевать большинство рабочего класса путем применения политики единого фронта—имели место крупные пробелы.

Мы должны неразрывно связать борьбу за революционный выход из кризиса с вопросами повседневной борьбы, в гораздо большей мере развивать массовую инициативу и волю к борьбе и превращать их в конкретные действия рабочего класса.

Борьба против германской социал-демократии как до, так и во время выборов велась недостаточно. Факт начавшейся империалистической войны, опасность интервенционистской войны против Советского союза не были в достаточной мере поставлены в центре агитационно-пропагандистской массовой работы и работы по организации конкретной массовой борьбы против подготовки войны.

Необходима самая острая самокритика в связи с недостаточной работой на заводах, непониманием необходимости перенести центр тяжести работы в профсоюзы и предприятия. Во время избирательной борьбы это не имело место. Недостаточно декларировать о работе на заводах, необходим немедленный и решительный поворот, который должен охватить глубочайшую толщу партийных и массовых организаций.

Недостаточной является также наша работа среди безработных. Развязать и руководить мощными боевыми выступлениями 6 млн. безработных совместно с работой на предприятиях—таковы неотложные задачи партии. Весьма серьезная слабость заключается в том, что в рамках основного удара, направленного против социал-демократии, недостаточно практически ставятся особые задачи борьбы против национал-социалистических влияний в массах.

Основной недостаток нашей избирательной борьбы заключается в том, что мы, выдвигая нашего кандидата и лозунг «класс против класса», действовали слишком схематично и недостаточно увязали нашу политику с конкретными повседневными вопросами. Слишком слаба была постановка борьбы за социалистический выход из кризиса капиталистической системы.

Эти парламентаристские уклоны проявились также в том, что мы не развернули достаточно беспощадной борьбы против наглого контрреволюционного мошеннического маневра троцкистов и партии Зейдевица, выдвинувших лозунг: «За Тельмана—против КПГ».

Из этих основных недостатков и слабостей важно извлечь урок, чтобы правильно поставить задачи во время второго тура президентских выборов, а также при парламентских выборах в Пруссии, Вюртемберге и Баварии.

В соответствии с директивами Коминтерна и ЦК нашей партии, во главу угла нашей работы по мобилизации масс должна быть поставлена борьба против империалистической войны, борьба в защиту Китая и Советского союза. Мы должны суметь увязать борьбу против империалистической войны с мобилизацией масс на борьбу против диктатуры чрезвычайных декретов Брюнинга — Зеверинга и против всех атак буржуазии.

Компартия идет ко второму туру президентских выборов с боевой кандидатурой красного рабочего кандидата т. Тельмана. Компартия и при втором туре будет нести в миллионные массы революционную программу и коммунистические лозунги, ставя их с величайшей остротой и ясностью.

Вести суровую беспощадную борьбу против социал-демократической предательской политики «меньшего зла», бить ее, срывать с нее маску—это самая действенная политика собирания масс на борьбу против класса капиталистического фронта Гинденбургов, Брюнингов, Зеверингов и Гитлеров».

«... **Главная задача**, стоящая перед всеми коммунистическими партиями, заключается в **завоевании большинства рабочего класса** как необходимом условии победы над буржуазией и подготовки рабочего класса к решающим боям за **диктатуру пролетариата**...

Неравномерность развития кризиса и революционного подъема требует от каждой компартии при подготовке массовых выступлений **конкретного** применения таких форм **единого фронта снизу**, которые обеспечили бы возможность вовлечения в борьбу широчайших масс рабочих и работниц, безработных, рабочей молодежи, служащих и других полупролетарских слоев» (Из резолюции XI пленума ИККИ).

Президентские выборы в Германии

(«Правда» от 17 марта 1932 г.)

Нынешние президентские выборы в Германии происходят в крайне напряженной политической обстановке, при чрезвычайном обострении всех внешних и внутренних противоречий.

Буржуазия напрягает свои силы, чтобы задержать нарастание предпосылок революционного кризиса. Она усиливает свое наступление на трудящихся, все более переходит к методам открытой фашистской диктатуры.

Националистические, фашистские партии развивают отчаянную демогогию, для того чтобы удержать массы от пролетарской революции. Для характеристики перехода буржуазии к открытым формам фашистской диктатуры ярким показателем является тот факт, что самый реакционный кандидат апрельских выборов 1925 г., монархист, вильгельмовский генерал-фельдмаршал Пауль фон-Гинденбург ныне становится, как провозглашает социал-демократия, «кандидатом прогрессивной части буржуазии, против ее реакционной части», тем кандидатом, который якобы должен представлять остатки буржуазной «демократии».

Однако, несмотря на растущую угрозу капиталистическому строю в целом, несмотря на общий поворот буржуазии к методам открытой фашистской диктатуры, внутри буржуазии обнаружились значительные разногласия по вопросу о методах и о формах борьбы за выход из кризиса и о методах удержания масс под своим влиянием. Несмотря на долгие торги, буржуазия не могла объединиться на кандидатуре Гинденбурга, этой основной кандидатуре всей буржуазии, включая и ее главную социальную опору — социал-демократию.

Характерно, что даже националистическая «Рейнско-вестфальская газета» указывает, что те, которые решили в первом туре голосовать против Гинденбурга, «на самом деле стоят наиболее близко к Гинденбургу». Те же, которые еще всего несколько лет назад формально выступали против него (социал-демократы в первую очередь), уже в первом туре голосовали за Гинденбурга.

Буржуазии, кроме ее основного кандидата Гинденбурга, который **должен быть избран**, понадобилась еще открыто фашистская кандидатура Адольфа Гитлера для прямой угрозы революционным рабочим и для улавливания националистических элементов, недовольных существующим режимом. Буржуазии понадобилась еще и третья кандидатура — полковника Дюстерберга. Эта кандидатура представляет основную линию политики финансового капитала, не связывающей себя непосредственно ни с национал-социалистами ни с социал-демократами, но опирающейся и на тех и на других, не компрометируя их открытым блоком перед массами.

Три кандидата, не расходящиеся в

своих откровенно фашистских убеждениях, три кандидата диктатуры буржуазии против рабочего класса, должны были демонстрировать фашистское единство германской буржуазии против революции. Вместе с тем эти кандидатуры предоставляли как социал-демократии, так и национал-социалистам максимум возможностей для мобилизации широких рабочих, крестьянских и мелкобуржуазных масс на поддержку диктатуры буржуазии.

Линия классового фронта на сей раз была проведена более отчетливо, чем когда-либо при прежних выборах в Германии. Триединой кандидатуре фашистской буржуазии противостояла толька одна рабочая кандидатура—коммуниста, транспортного рабочего Тельмана. Однако, несмотря на ясную расстановку классовых сил, буржуазии удалось получить 32 млн. голосов против 5 млн. голосов за пролетарскую революцию и за диктатуру пролетариата.

Такого избирательного успеха буржуазии удалось добиться, во-первых, только потому, что гитлеровцы сумели обмануть широкие массы мелкой буржуазии и крестьян и некоторую прослойку безработных оппозиционными фразами, выдавая себя за спасителей от невыносимого для трудящихся масс режима Брюнинга—Гинденбурга; во-вторых, потому, что социал-демократам была предоставлена возможность выступать с истерическими криками об угрожающей фашистской опасности, гражданской войне, если победит Гитлер. Прикрывая этим свой союз с фашизмом, социал-демократии удалось мобилизовать значительные массы за Гинденбурга.

Гинденбурга и Гитлера, которые по существу являются синонимами, социал-демократия представила политически неопытным массам как противоположности. Крики о гитлеровской опасности помогли социал-демократам. Крики о том, что Гитлер уничтожит брюнинговскую систему, помогли гитлеровцам.

Благодаря этому двойному избирательному маневру национал-социалисты сумели мобилизовать широкие слои недовольной существующим режимом мелкой буржуазии, крестьян и отсталых рабочих за Гитлера, а социал-демократы—повести основные массы своих избирателей к урнам для голосования за Гинденбурга.

Значительные массы социал-демократических рабочих, все больше и больше отворачивающиеся от социал-демократической партии, но не видящие еще сегодня революционного выхода из кризиса, пошли еще раз за лозунгами социал-демократии и голосовали за Гинденбурга, предполагая, что этим они защищаются от открытой фашистской диктатуры. Таким образом социал-демократии, несмотря на глубокое брожение в ее рядах, удалось при помощи буржуазии еще раз обмануть массы.

Но революционный фронт вырос и окреп. Было бы неправильно сравнивать цифры этих президентских выборов с итогами выборов в рейхстаг в 1930 г. Смысл и политическое значение этого голосования и голосования при выборах в рейхстаг значительно отличаются друг от друга.

При выборах в рейхстаг речь шла об обычных парламентских выборах, о выборе между программами политических партий, которые борются за власть. Тогда от избирателя не требовалось ничего другого, кроме сочувствия программе коммунистической партии. Теперь речь шла не только о том, чтобы голосовать за компартию, но и о том, чтобы тем самым признать, что главной опорой буржуазии и главным пособником фашистского террора является социал-демократия, что фашизм и социал-фашизм—близнецы.

На этих выборах от коммунистического избирателя требовалось гораздо больше сознательности, чем при выборах в рейхстаг. Если взять весь период после президентских выборов 1925 г., то политически эти выборы можно сравнивать только с референдумом в Пруссии 9 августа 1931 г., когда речь также шла о борьбе против социал-демократии как главной социальной опоры диктатуры буржуазии. С этой точки зрения германская компартия одержала крупный успех, сплотив вокруг себя 5 млн. человек, готовых при всех условиях выступить против буржуазного фронта в целом и сознающих, что **социал-демократия—это и есть главная социальная опора буржуазного строя, без разгрома которой успех пролетарской революции невозможен.**

На выборах 13 марта фронт Гинден-

бурга получил меньше голосов, чем на выборах в рейхстаг. Но при укреплении позиций коммунистов выборы показали и крупный рост количества голосов, поданных за открыто фашистскую партию национал-социалистов. Не подлежит сомнению, что за национал-социалистов голосовали не только мелкобуржуазные и крестьянские массы. За национал-социалистов голосовали и некоторая прослойка безработных и отдельные группы отсталых рабочих, разочаровавшихся в политике социал-демократии и ненавидящих теперешний режим. Эти массы мелкой буржуазии, крестьян, служащих, чиновников, безработных сегодня еще верят, что национал-социалисты есть та сила, которая может изменить существующий режим, но они еще не понимают того, что эти изменения будут направлены против них, а не в их пользу.

Президентские выборы еще не завершены. Гинденбургу нехватало до абсолютного большинства 150 тыс. голосов. На 10 апреля назначен второй тур выборов. Компартия извлекает из первого тура уроки, для того чтобы со всей энергией повести массы на второй тур президентских выборов и особенно на предстоящие 24 апреля выборы в прусский ландтаг.

Политическая и тактическая линия КПГ была единственно соответствующей интересам рабочего класса. Продолжая эту линию, коммунисты будут еще более решительно разоблачать социал-демократию как социальную опору буржуазии и проводника фашистской диктатуры, вскрывая перед массами всю опасность либерального противопоставления социал-демократии национал-социалистам и разоблачая тактику «меньшего зла». К о м м у н и с т ы являются единственными действительными организаторами борьбы против фашистской диктатуры. Они ставят себе задачей показать массам со всей отчетливостью, что основным препятствием для свержения капитализма и для борьбы против фашистской диктатуры является социал-демократия.

Коммунисты со всей отчетливостью сознают, что только развертывание экономических и политических боев под руководством компартии и революционной профоппозиции покажет широким массам, что компартия не только представляет общие интересы рабочего класса, но что уже сегодня она является той силой, которая способна дать отпор наступлению буржуазии на жизненные интересы рабочего класса.

Массы должны убедиться на деле в боях, руководимых компартией, что вопрос заключается не в противопоставлении национал-социалистов социал-демократам, а речь идет и л и о д и к т а т у р е б у р ж у а з и и (включающей и национал-социалистов и социал-демократов), и л и о д и к т а т у р е п р о л е т а р и а т а. Коммунисты со всей отчетливостью сознают, что успех национал-социалистов в деревне и среди мелкобуржуазных слоев города оказался возможным только потому, что коммунистическая агитация в этих слоях еще совершенно недостаточна, что коммунисты еще не перешли к действительной и серьезной работе среди этих многомиллионных масс трудящихся. Коммунисты сознают также, что удержание социал-демократией основных кадров своих избирателей в первом туре президентских выборов является результатом еще недостаточной работы партии по разоблачению социал-фашизма, по разоблачению его роли в подготовке новой войны и интервенции, по разоблачению социал-фашистской теории «наименьшего зла», коммунисты сознают, что это также является результатом недостаточной работы партии по развертыванию классовых боев против диктатуры буржуазии.

Коммунисты не считают нужным кричать о своем успехе. Они не имеют никаких оснований недооценивать значение 5 млн. пролетарских голосов, поданных за т. Тельмана против фашизма, против социал-демократии, за диктатуру пролетариата. Партия достигнет дальнейших успехов в мобилизации трудящихся Германии для пролетарской революции разоблачением социал-демократии, борьбой против парламентских иллюзий и теории «меньшего зла». Партия достигнет этих успехов, р а з в е р т ы в а я п о л и т и ч е с к у ю и э к о н о м и ч е с к у ю б о р ь б у п р о т и в с н и ж е н и я з а р п л а т ы и п о с о б и й б е з р а б о т н ы м, п р о т и в ч р е з в ы ч а й н ы х д е к р е т о в п р а в и т е л ь с т в а Б р ю н и н г а—Г и н д е н б у р г а, п р о т и в п о д г о т о в к и н о в о й и м п е р и а л и с т и ч е с к о й в о й н ы и и н т е р в е н ц и и, п р о т и в ф а ш и с т с к о й д и к т а т у р ы в Г е р м а н и и, з а н и з в е р ж е н и е в л а с т и э к с п л о а т а т о р с к и х к л а с с о в.

Под лозунгом «класс против класса» Резолюция ЦК КПГ

(«Правда» от 29 марта 1932 г.)

ЦК КПГ опубликовал сегодня резолюцию об итогах первого тура президентских выборов. В резолюции говорится:

«Первый тур президентских выборов подтверждает правильность того анализа классовой ситуации в Германии, который дан февральским пленумом ЦК компартии, в соответствии с линией XI пленума ИККИ. Факт далеко идущих репрессий государства против пропаганды компартии, усиленная агитация и пропаганда буржуазии и ее пособников, фашистское единство буржуазии против революционного пролетариата,—все это указывает на чрезвычайное обострение всех противоречий в Германии.

Президентские выборы происходят при ситуации, когда германская буржуазия все более усиливает свое наступление против пролетариата и всех трудящихся и все более переходит к методам открытой фашистской диктатуры для того, чтобы задержать развитие предпосылок революционного кризиса. Президентские выборы происходят в обстановке, когда Советскому союзу непосредственно грозит империалистическая интервенционистская война на востоке и на западе.

Германской компартии удалось завоевать 5 млн. голосов за пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата под ясным лозунгом: «Класс против класса». Но все же ЦК констатирует, что результаты выборов, ввиду благоприятных предпосылок объективной ситуации, ни в коем случае нельзя считать удовлетворительными. Причинами этого отставания, в первую очередь, являются слабости партии на важнейших участках революционной массовой работы—в самостоятельном руководстве выступлениями и боями пролетариата.

При обострении принципиальной борьбы против социал-демократии, при резком разоблачении теории «меньшего зла», при смелом применении тактики единого фронта снизу, при улучшении работы революционной профоппозиции количество поданных за кандидата компартии голосов могло быть значительно больше. Итоги выборов по отдельным районам носят неравномерный характер. Самые крупные успехи были достигнуты там, где партии и революционной профоппозиции удалось руководить массовыми выступлениями и боями против капиталистического наступления и фашистского террора.

Совершенно неудовлетворительными являются результаты выборов в Берлине, Гамбурге и различных других крупных городах. Результаты выборов в этих городах указывают, что буржуазии и обоим крыльям фашизма—национал-социалистской партии и социал-демократии удалось обмануть несознательные массы, отрицая единство всех трех кандидатов буржуазии.

Социал-демократии удалось успешно осуществить лживый маневр с так называемой теорией «меньшего зла» и своим лживым лозунгом «бейте Гитлера» и тем самым мобилизовать значительные массы за Гинденбурга. В это же время партия Гитлера сумела обмануть широкие массы мелкой буржуазии, служащих и крестьян, а также известный слой безработных оппозиционными фразами против системы Брюнинга и юнговского порабощения.

То, что двойной маневр буржуазии удался, свидетельствует о том, что 1) партии не удалось полностью разоблачить социал-демократические лживые маневры и на основе сильного брожения среди социал-демократических и реформистских рабочих доказать им, что социал-демократия является умеренным крылом фашизма. Это усугубляет значение резолюции XI пленума ИККИ, которая подчеркивает необходимость сильнейшего обострения принципиальной борьбы против социал-демократии; 2) далее, рост гитлеровской партии и ее проникновение в отчаявшиеся слои безработных показывают слабость активной борьбы партии против гитлеровского фашизма.

Преодоление недостатков в борьбе против социал-демократии и национал-социалистов требует самой острой борьбы против всех тенденций недооценки классового врага. Обостренная борьба против опаснейших «левых» разновид-

ностей социал-фашизма приобретает особое значение в виду актуальной опасности интервенционистской войны против Советского союза и усиленного перехода германской буржуазии к методам открытой фашистской диктатуры.

Одновременно партия в целях улучшения борьбы против обоих крыльев фашизма должна внести полную ясность в ряды партии и в массы сознательного пролетариата в вопросе большевистской стратегии и беспощадно бороться против всякой тенденции либерального сопоставления социал-фашизма и гитлеровского фашизма, буржуазной демократии и фашистской диктатуры.

ЦК требует открытой непримиримой большевистской самокритики от всех высших и низших партийных организаций и от коммунистических фракций пролетарских массовых организаций. Самыми слабыми местами последней предвыборной кампании являются недостаточность борьбы против империалистической войны и борьбы против наступления буржуазии и против осуществления фашистской диктатуры, слабость в работе на предприятиях, среди безработных, в работе среди революционной профоппозиции, слабость политики революционного единого фронта, в агитации и пропаганде. Это повлекло за собой ослабление темпов массовой мобилизации.

Во время второго тура президентских выборов необходимо со всей остротой объяснить массам значение выставления компартией рабочего кондидата т. Тельмана. В центре второй предвыборной кампании должна стоять борьба против империалистической войны, за защиту Советского союза и советского Китая и против раздела Китая империалистами. При этом должна иметь место действительная организация активного сопротивления против военных поставок и транспорта оружия. Должна быть усилена борьба против социал-демократии и гитлеровской партии, равно как и против партии центра на базе единого революционного фронта».

«Только ведя настойчивую, систематическую, повседневную работу, только осуществляя на деле борьбу за повседневные интересы рабочих используя даже малейшие протесты рабочих масс против эксплоатации и фашистской реакции, компартии, сумеют реализовать широчайший единый фронт снизу, разбить социал-демократию, создать массовые революционные профессиональные союзы или революционную профоппозицию завоевать большинство рабочего класса и повести рабочий класс к решающим боям за пролетарскую диктатуру»

(Из резолюции XI пленума ИККИ)

Тов. Тельман о задачах КПГ

(«Известия» от 3 апреля 1932 г.)

На саксонской областной конференции КПГ выступил т. Тельман с большой речью о задачах партии в связи с предстоящим вторым туром президентских выборов и выборами провинциальных ландтагов. Тов. Тельман заявил:

Партия должна понять, что с политической точки зрения выполнение партийных решений на отдельных участках работы неудовлетворительно. Темпы партии в проведении экономических боев рабочих слишком медленны.

Задача, стоящая перед партией, требует, чтобы, с одной стороны, из резервуара неорганизованных рабочих, а, с другой,—из миллионов организованных в профсоюзах рабочих привлечь силы для создания мощного революционного профсоюзного движения. Тов. Тельман далее подчеркнул огромное значение передовой статьи «Правды», посвященной президентским выборам, которая помогла германской компартии дать ясную установку в оценке итогов первого тура президентских выборов.

Пролетарская диктатура—та цель, которая должна быть выдвинута на первый план во всех боях. Она существует уже в одной стране—в стране социализма и с 1917 г. является наглядным примером для пролетариата всего мира.

Коммунистическая партия Германии должна активно готовиться ко второму туру президентских выборов. Партия снова выдвигает свою кандидатуру — кандидатуру борьбы против буржуазных классовых врагов. Коммунисты должны преодолеть все парламентские иллюзии, которые еще существуют в массах, и прежде всего иллюзию о том, что коммунистическая партия может при капиталистическом строе получить большинство голосов в пользу своей боевой кандидатуры. КПГ должна приложить все силы, если она хочет сохранить голоса, полученные в первом туре, и партия говорит, что будет большим успехом, если это ей удастся. Не невозможно, что партия во втором туре потеряет часть своих голосов. КПГ должна изжить всякое малодушие и всякое неверие в свои силы не только в своих рядах, но и, что еще важнее, в рядах всего германского рабочего класса. При этом решающее значение имеет развертывание энергичного принципиального наступления против социал-демократии и в особенности против ее политики обмана, опирающейся на теорию «меньшего зла».

Одной из основных причин неудовлетворительного проведения наступления при правильной генеральной линии партии является то, что между твердыми решениями партии и их осуществлением создались большие ножницы. В связи с этим и партии необходимо констатировать, что она должна целеустремленнее и гораздо хладнокровнее оценивать свои отдельные успехи, не хвастаясь ими и не рекламируя их. Партия в своей печати выпячивала каждый свой небольшой успех. Это привело к самодовольству в ее собственных рядах и к значительной переоценке своих возможных успехов. Германская компартия должна понять, что социал-демократическая партия в Германии, а также в Саксонии все еще является сильной массовой партией. Социал-демократические традиции в рабочем классе еще столь сильны, что социал-демократия была в состоянии привести к избирательной урне миллионы рабочих, голосовавших за Гинденбурга, который подписал чрезвычайные декреты. Здесь существенно повлияли и роль национал-социалистов и давление фашистского террора, под влиянием которого социал-демократические рабочие подали свои голоса за Гинденбурга, как за «меньшее зло» по сравнению с Гитлером. С другой стороны, раздавались голоса о том, что революционный кризис в Германии назреет скорее, если рейхспрезидентом станет Гитлер. Партия должна констатировать, что такие настроения наряду с парламентскими иллюзиями являются самыми опасными для пролетариата и что надо решительно бороться против них.

Надо констатировать, что партии не удалось провести действительную внепарламентскую мобилизацию масс. Что должна теперь сделать партия в области внепарламентской борьбы для оживления всей партийной работы? Борьба партии

против угрожающей СССР военной опасности должна проводиться под лозунгом усиления стачечных боев против производства военных материалов и транспорта оружия, под лозунгом защиты Советского союза и борьбы за свержение капитализма, в тесной связи с ежедневными задачами и вопросами, которые стоят перед пролетариатом и всеми трудящимися.

Оценивая итоги президентских выборов, необходимо притти к выводу, что всюду, где партия проводила хотя бы частичные выступления рабочих, где ей удавалось проводить забастовки, где партия выставляла требования и руководила боями,—там, даже если они и не приводили к непосредственным материальным результатам, партия добивалась успехов.

В настоящей ситуации крупнейшей центральной и решающей задачей компартии является борьба против империалистической войны. Создавшаяся особая ситуация требует особо активных мероприятий. Непосредственная опасность мировой войны угрожает пролетариату. Агитации и слов уже было достаточно. Теперь настало время для практических действий. В этой большой области партия, если она хочет выполнить свой революционный долг, должна сделать решающий поворот. Тов. Ленин учил, что пролетариат в основной своей массе лишь тогда готов вступить в политическую борьбу, участвовать в политических забастовках, если эта борьба за общие классовые цели увязана с непосредственными ежедневными боями за насущные интересы. Это особенно относится к политическим массовым забастовкам и стачечной борьбе против империалистической войны.

Касаясь «левого» крыла социал-демократии т. Тельман заявил: социалистическая рабочая партия в цифровом отношении во всей Германии, кроме некоторых пунктов, незначительна. Но роль и значение этой особой разновидности социал-фашизма зависят не от ее организационной силы. Если например проанализировать все колебания коммунистической партии за последние месяцы, то окажется, что там, где имели место такие колебания или ошибки, в большинстве случаев при подробном расследовании, оказывалось, что к этому имели отношение группа Зейдевица-Розенфельда или брандлеровцы. Таким образом партия полностью права, если она оценивает социалистическую рабочую партию и другие «левые» группы социал-демократии как опаснейшие оттенки социал-фашизма.

КПГ должна четко установить, что социалистическая рабочая партия, брандлеровцы и троцкисты занимают не колеблющуюся серединную позицию между революционным пролетариатом и буржуазией, ибо то, что колеблется, при известных условиях могло бы перейти на сторону революции и там остаться. Все они—неотделимые составные части классового фронта буржуазии. Письмо т. Сталина показывает и германским коммунистам на историческом примере борьбы большевиков против центризма и оппортунизма в их собственных рядах, с какой непримиримой резкостью они должны бороться против всех уклонов в этой области.

Далее т. Тельман переходит к вопросу о связи между наступлением на теоретическом фронте и революционной практикой. Он констатирует, что в германском пролетариате имеются обнищавшие и деклассированные в результате непрерывной нужды элементы, которые отчаиваются достигнуть путем революционной массовой борьбы своей цели—классового освобождения. Они стремятся с помощью надуманных мероприятий ускорить или перепрыгнуть этот богатый жертвами путь. Партия должна учесть, что она своей революционной деятельностью не исключила возможность появления подобных настроений. За такими настроениями в более или в менее примитивной форме скрывается теория, которая на XI пленуме ИККИ получила резкий отпор, а именно: теория о том, что путь пролетарской революции лежит через фашизм. Такие воззрения имелись в рядах германской компартии в декабре 1930 г., когда правительство Брюнинга перешло к обостренным методам диктатуры. Тогда партия правильно ставила проблему, что правительство Брюнинга и его зеверинговская агентура в Пруссии являются правительствами проведения фашистской диктатуры в Германии. Но до того, как в этом вопросе была создана полная ясность, в коммунистической печати были допущены большие перегибы. Так например был выставлен тезис, что фашистская

диктатура уже осуществлена и поэтому речь может итти не о препятствии созданию фашистской диктатуры, а лишь о ее свержении. Неясности в вопросе о фашизме, которые еще долго жили в партии и сейчас еще окончательно не изжиты, исправлены лишь в самые последние месяцы на основе решений XI пленума ИККИ. Партия должна вести теоретическое наступление в революционной практике как против оппортунизма, так и против настроений революционного нетерпения в рядах рабочего класса, которые могут привести партию к серьезным отклонениям от революционной классовой линии.

ЖАК ДОРНЬЕ.

Современный этап испанской революции

(«Правда» 1 апреля 1932 г.)

Четвертый съезд испанской компартии начал свою работу в чрезвычайно сложной и ответственной политической обстановке. Одна из важнейших задач съезда—дать правильную оценку этой обстановке и в первую очередь дать правильную оценку имеющим первостепенное значение январско-февральским событиям в Испании.

Январь и февраль 1932 г. были самыми бурными месяцами в развертывающейся испанской революции. В прокатившейся по стране волне массовых политических стачек принимало участие несомненное большинство испанского пролетариата. Местами стачки перерастали в восстание. Охваченная паникой буржуазия мобилизовала все полицейские силы и значительную часть армии для подавления движения.

Исходным моментом январско-февральской стачечной волны являются события 31 декабря 1931 г. в Кастильблакко (провинция Бадахос) и 5 января 1932 г. в Арнедо (провинция Логроньо).

В конце декабря в провинции Бадахос имела место стачка сельскохозяйственных рабочих, охватившая около 80 тыс. человек. Характерно, что эти сельскохозяйственные рабочие принадлежали к реформистскому профсоюзу. Революционный напор масс был так силен, что предательское социал-фашистское руководство не смогло предотвратить стачки, вынуждено было ее санкционировать, но ему удалось возглавить стачку, чтобы предать движение в решительный момент.

События в Кастильбланко, небольшом сельском пункте, произошли как раз во время этой стачки. Находившиеся здесь для соблюдения «порядка» 4 жандарма, заслужившие всеобщую ненависть еще во время монархии, вели себя настолько провокационно, что возбужденная голодом и преследованиями масса батраков и мелких крестьян набросилась на жандармов и растерзала их.

Это событие имело самое широкое отражение в стране. Реакционные круги требовали крайних репрессий и превозносили жандармерию («гвардиа сивил»), как «душу Испании». Рабочие и крестьянские массы выражали свою солидарность с доведенными до отчаяния батраками Кастильбланко. В этой напряженной обстановке произошло новое событие, вызвавшее еще большее возбуждение. Разнузданные палачи-жандармы расстреляли 5 января в городке Арнедо мирную рабочую демонстрацию. Было убито 6 и ранено 16. Шестеро раненых умерли в больнице. Расстрел в Арнедо вызвал огромное негодование испанских рабочих и крестьян. Орган компартии «Мундо обреро» стал во главе кампании протеста и мобилизации революционных масс. Компартия призвала рабочих к 48-часовой политической стачке, намечая ее на 25—26 января.

В обстановке все усиливающегося политического возбуждения 18 января в Бильбао расходившиеся после митинга монархисты убили 4 и ранили 3 рабочих. Стихийно началась всеобщая стачка протеста.

19 января началась революционная, перерастающая в восстание стачка в горняцком местечке Фигольс, в обла-

сти Каталонии. 20 и 21 января движение распространилось на весь район к югу от Фигольса, в бассейне реки Льобрегат, с главным центром в г. Манресе. Это было высшим моментом движения. Рабочие обезоружили часть полиции и осадили казармы жандармерии. Здания муниципалитетов были заняты и на них вывешены красные и черные (анархистские) флаги. В воззваниях указывалось, что «социальная революция началась во всей Испании». Но руководство движением оказалось в руках анархистов. Правительству удалось окружить восставший район крупными военными силами, и рабочие сдались. К вечеру 22 января движение в бассейне Льобрегата было ликвидировано.

23-го, в субботу, после внутренней борьбы анархо-синдикалистская организация Барселоны объявила всеобщую стачку, поддержанную 50—60% рабочих, 25-го, в понедельник, началась 48-часовая стачка, провозглашенная компартией после событий в Арнедо. Анархисты заблаговременно объявили, что в стачке 25—26 января они участвовать не будут, считая эту стачку «частным делом» коммунистов. Вопреки этому, массовая политическая стачка 25—26 января имела несомненный успех.

В ряде пунктов рабочие-анархисты не выполнили предательского распоряжения своих вождей и бастовали вместе с коммунистами. В Севилье и во многих центрах юга Испании стачка была всеобщей. В большом количестве пунктов стачка была частичной.

Январские события вызвали большую тревогу у испанской буржуазии. Ее печать развила бешеную кампанию против революционного движения, клеветнически обвиняя во всем «Москву». Аппарат репрессий начал энергично действовать. Были закрыты коммунистические и анархические газеты. Произведены многочисленные аресты. 119 революционных рабочих, анархистов и коммунистов сосланы на каторгу в африканские колонии.

Эта ссылка, осуществленная в середине февраля, вызвала новую полосу боев. Стачка потухала в одних городах, с тем чтобы вспыхнуть в новых. Только 19—20 февраля эта стачечная волна спала.

Одного беглого перечня событий таким образом достаточно, чтобы убедиться в грандиозности их размаха и серьезности их значения, как одного из важных этапов все усиливающихся, все обостряющихся классовых боев в Испании.

* * *

В последних событиях, помимо растущего подъема революции, обнаружился и другой факт: поднимающаяся революция все еще движется стихийными, разрозненными путями, все еще лишена должного руководства. За компартией следует пока лишь меньшинство рабочих и крестьян Испании. Большинство испанского пролетариата все еще находится под влиянием либо социал-фашистов, либо анархо-синдикалистов.

Социал-фашистское руководство побивает рекорды предательства. Входящие в правительство три министра социал-фашиста с честью выполняют функции охранников буржуазного строя.

В январско-февральских событиях, как и в предыдущих классовых сражениях, социал-фашисты стояли целиком на стороне правительства. В отдельных местах социал-демократы рабочие шли вместе с бастующими товарищами, но основную массу, организованную в реформистских профсоюзах, их социал-фашистским руководителям удалось удержать в своих руках.

Анархо-синдикалисты имеют два основных течения. Правое течение, руководимое Пестанья и Пейро, в смысле предательства интересов рабочих ничем существенным не отличается от социал-фашистов, руководимых Ларго Кабальеро. Группа Пестанья — Пейро усиленно проповедует старую оппортунистическую мудрость, что рабочим нужно думать прежде всего о повышении своего культурного уровня и что в данных условиях заменить буржуазную республику нечем. Эта группа неоднократно высказывалась против развития стачечного движения и делала все возможное, чтобы сорвать январскую стачку в Барселоне.

В довершение всего Пестанья в феврале публично обратился к главе правительства Асанье и к министру внутренних дел Казаресу Кироге с увещеваниями, пытаясь доказать им, что они «ошиблись», думая ссылкой рабочих в Африку приостановить развертывающееся движение. Обращение Пестанья и по форме и по содержанию предназначено для того, чтобы сеять среди

рабочих иллюзию, будто в правительстве сидят «порядочные люди», которые, мол, только «ошибаются» и с которыми можно договориться.

«Левое» крыло испанского анархо-синдикализма, представленное ФАИ (федерация анархистов Иберии), до последнего времени имело руководящее влияние в анархо-синдикалистской профсоюзной организации—Всеобщей конфедерации труда. На это «левое» крыло ложится ближайшая ответственность за поведение анархо-синдикалистов в последних событиях. Анархисты из ФАИ ответственны за отказ от поддержки руководимой коммунистами стачки 25—26 января и за разгром перераставшего в восстание движения в бассейне Льобрегата. Судьба этого последнего движения наглядно доказывает полный крах претензии «левых» анархистов на руководство революционным движением.

Вся совокупность революционного опыта последних месяцев красноречиво свидетельствует, что «левые» анархисты по существу не менее вредны и опасны для развертывающейся испанской революции, чем открытые предатели типа Ларго Кабальеро или Пестанья, и что преодоление влияния «левых» анархистов является одним из необходимейших условий для обеспечения успеха революции.

Поведение анархистов в январские дни 1932 г. в округе Манреса-Фигольс является прекрасной иллюстрацией к брошюре Энгельса «Бакунисты за работой», критически освещающей деятельность испанских анархистов в революции 1873 г.

Завладев на некоторое время властью в некоторых пунктах Испании, анархисты показали, что не знают, как с ней поступить, не имеют никакой перспективы. Анархистский «революционный комитет» торжественно провозгласил установление «безгосударственного коммунизма» и пригрозил, что несогласные с ним «будут отвечать за свои действия». Но по отношению к несомненным врагам революции, которые попали в их руки, анархисты проявили редкое «великодушие», стараясь не обидеть их.

Близкая к анархо-синдикалистам пресса возвела в добродетель растерянность и пассивность анархистских руководителей, доказывала, что революция вообще не нуждается в руководстве, так как ее движет «божественная сила», и т. д.

В этой растерянности анархистов, в их взывании к «божественной силе» есть много комичного. Но в данных условиях это комичное становится трагичным, так как отвечать за действия анархистов приходится всему испанскому пролетариату и эксплоатируемому крестьянству.

Разоблачение анархистов, особенно «левых», является важнейшей очередной задачей испанской компартии. Не вырвав массы из-под влияния анархистов, не разоблачив до конца маневров «левых» анархистов, нельзя обеспечить победоносного развития испанской революции. До сих пор компартия не проделала достаточной работы, чтобы выполнить эту задачу. Ее практическая позиция в отношении анархистов не была достаточно выдержана и последовательна. В первые месяцы революции коммунисты вели слабую борьбу с анархистами, не отличая рабочую массу от ее руководителей и не стараясь сблизиться с низовыми рабочими-анархистами, чтобы привлечь их в компартию. В дальнейшем, начав с помощью Коминтерна осуществлять поворот в своей политической работе, испанская компартия начала исправлять эту свою ошибку, но впала при этом в другую ошибку.

Среди испанских коммунистов проявилась тенденция оценивать ФАИ в целом как революционную организацию, ставить ее рядом с коммунистической партией, противопоставляя эти две организации всем остальным. Эта тенденция разумеется глубоко ошибочна. Как организация, как политическое течение анархизм, хотя бы и самый «левый», в действительности является контрреволюционным течением. Необходимое сближение с анархистскими рабочими, проведение единого фронта с ними в совместной борьбе против классового врага нельзя истолковывать, как какую бы то ни было уступку анархизму, как целому, как определенной политической организации. Наоборот, сближение с анархистскими рабочими имеет целью как раз облегчить выполнение необходимейшей задачи уничтожения анархистского влияния на испанский пролетариат, которое обрекает революцию на поражение.

После январских событий компартия

указала пролетариату на предательское поведение анархистов. Но эта критика анархизма недостаточно систематична, недостаточно развернута и, самое главное, не всегда ведется с правильных позиций. Рассматривая опыт январского движения в округе Манреса, некоторые партийные документы характеризуют это движение как путч и свою критику анархизма строят именно под этим углом зрения. Эта позиция неверна. Январская стачечная волна была массовым движением, имевшим глубокие стихийные корни. Перерастание этой стачечной волны в восстание тоже имело глубокие корни в массах и являлось выражением крайнего обострения классовых противоречий в этот момент.

Преступление анархизма состоит не в том, что он идет «слишком далеко», а в том, что он предательски сопротивляется систематической подготовке революции, развитию политической борьбы пролетариата, созданию и укреплению партии и борьбе за власть. Отдельные революционные акты взбесившихся мелких буржуа—это максимум того, на что способен анархизм. Эти отдельные разрозненные акты являются скорее взрывами отчаяния, чем последовательными революционными действиями, имеющими ясную цель. На деле анархизм означает пассивность, дезориентацию, подчинение диктатуре буржуазии и помещиков. Именно отсюда, с этой стороны следует подходить к разоблачению анархизма. Следует вскрыть прежде всего его предательскую мелкобуржуазную природу, его неустойчивость, склонность к бегству с поля битвы в самый решительный момент.

Другая слабость, обнаруженная испанской компартией в последние месяцы состоит в том, что ею не был дан достаточный отпор социал-фашистам, троцкистам и другим ренегатам, которые после окончания стачечной волны стали усиленно распространять буржуазную клевету о якобы имевшем место «поражении» пролетариата. Оценка результатов последних боев как поражения проникла и в ряды компартии. Следует решительно бороться против подобной оценки.

Январско-февральская стачечная волна, перерастающая в отдельных местах в восстание, не была решающим боем такого типа, который обычно определяет поворотный пункт в революции. Это был один из больших боев в развертывающемся подъеме революции. Новейшие события наглядно показывают, что, несмотря на жестокие репрессии и на обнаруженные слабости движения, приостановить этот растущий революционный подъем буржуазии не удается. Стачки в Толедо, в провинции Хаен, недавние столкновения в Орензе, движение во всей провинции Галисия и наконец новые стачки в Мадриде, руководимые компартией,— все это наглядно показывает, что сила натиска испанского пролетариата не сломлена и что вместо разговоров о поражении следует сделать все возможное, чтобы обеспечить массовому движению правильное руководство.

При всех недостатках и слабостях последних движений испанский пролетариат может гордиться той классовой непримиримостью, которую он проявляет в трудной борьбе. Героический натиск испанского пролетариата внушил панику буржуазии и толкнул ее между прочим на такой шаг, как роспуск ордена иезуитов.

Неправильным является также назначение компартией массовой политической стачки на 3 недели вперед. Такой длительный срок давал, с одной стороны, возможность правительству принять контрмеры и, с другой—слишком далеко отодвигал осуществление стачки от ближайшего побудительного мотива к ней (расстрел в Арнедо).

В самом проведении стачки отдельные организации компартии проявили явный, неприкрытый оппортунизм, например в Валенсии. Самой важной общей слабостью было конечно то, что компартии не удалось возглавить движение в масштабе всей страны и что только в одной Севилье и некоторых более мелких центрах она увлекла за собой большие массы рабочих и, что особенно важно, рабочих-анархистов.

Основной причиной этого является то, что к моменту начала стачечной волны компартия подошла, не представляя еще достаточной политической силы, какую она должна была бы представлять, чтобы возглавить движение во всей стране. С самого начала революции и в течение всего 1931 г. компартия сделала ряд ошибок и проявила ряд слабостей, которые помешали ей до-

стигнуть бо́льших успехов в решительный момент. Очень мало было сделано для развития, **организации и возглавления аграрной революции**. То же самое и в отношении национального движения.

Особенно важным и серьезным недостатком, является то, что не была проделана работа по организации рабочих и крестьян. Не были созданы **фабричные и крестьянские комитеты**—очередное организационное звено, которое способно помочь компартии стать решающей силой на предприятии и в деревне, облегчить завоевание профсоюзов и создание советов.

Исправление всех этих ошибок и слабостей, наверстание упущенного являются важнейшей задачей испанской компартии. **Революционный подъем продолжается. Нужно его возглавить и привести к победе.**

К числу других ошибочных тенденций, которым необходимо дать решительный отпор, принадлежит тенденция преувеличивать ошибки испанской компартии, делать пораженческие выводы, опускать руки, впадая в оппортунистическую пассивность. Для таких пораженческих настроений нет никаких оснований. Несмотря на все совершенные ошибки, испанская компартия за год революции проделала большой путь развития и достигла значительных успехов. Из небольшой пропагандистской организации, насчитывающей 1 тыс.—1 200 членов, она превратилась в политическую партию, имеющую около **10 тыс. членов. Испанская компартия стала важным политическим фактором в стране.**

Она руководила многими стачками, открытыми боями с полицией, манифестировала на улицах городов, в ряде мест руководила аграрным движением. Испанская компартия—единственная революционная партия Испании, действительный авангард передовых рабочих и руководитель революционных крестьян. Этот авангард, правда, еще недостаточно тесно связался с основной массой рабочих и крестьян, но находится на пути к установлению такой связи.

Та критика ошибок испанской компартии, которую делает Коммунистический интернационал,—критика необходимая и полезная. Испанские коммунисты должны дать сокрушительный отпор маневрам классового врага, стремящегося сеять пораженческие настроения. Испанские коммунисты, помимо прочего, являются не только революционным авангардом пролетариата своей страны—они представляют Коммунистический интернационал, мировую пролетарскую революцию, уже осуществляющую социализм в одной шестой части земного шара. Борцы за мировую пролетарскую революцию могут смело смотреть в глаза будущему!

Главная задача, стоящая сейчас перед всеми коммунистическими партиями, заключается **в завоевании большинства рабочего класса** как необходимом условии победы над буржуазией и подготовки рабочего класса к решающим боям **за диктатуру пролетариата.**

(Из резолюции XI пленума ИККИ).

Грабительская война японского империализма в Китае и антивоенная борьба японского пролетариата

(«Коммунистический интернационал» № 4, от 10 февраля 1932 г.)

«...В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного новейшего финансового капитала» (Ленин, т. XIII, стр. 4.78, изд. 1-е).

I

Бывший премьер-министр японского правительства генерал Танака писал в своем знаменитом меморандуме императору Японии от 25 июля 1927 г. [1]

«Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Манчжурию и Монголию... (стр. 48).

Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы... (стр. 49).

Если мы заглянем в будущее Японии, то мы должны признать неизбежность войны с Россией на полях Северной Манчжурии... (стр. 53).

Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные штаты, т. е. поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне... (стр. 48)».

А нынешний премьер Инукай в своем новогоднем поздравлении (1932 г.) не забыл подчеркнуть с дипломатической циничностью, свойственной империалистам:

«Если в этом случае (т. е. в случае оккупации Манчжурии.—*А.*) мы не разрешим всех вопросов, то может случиться, что территория Восточной Азии будет оставлена на произвол и охвачена беспорядками, и *нашей нации придется в конечном счете отступить с материка. Этого нельзя ни в коем случае терпеть*». (Подчеркнуто мною.—*А.*)

То, что около 4 лет назад сказал генерал Танака императору, сейчас осуществляется японским империализмом в Манчжурии и Внутреннем Китае.

Японский империализм всегда отличался своей особой агрессивностью. Об этом свидетельствуют китайско-японская и русско-японская войны, военное вторжение в Китай в связи с боксерским восстанием, аннексия Кореи, хозяйничанье в Китае во время мировой войны, интервенция в Сибири и т. д. и т. п.

Японский империализм во всех этих случаях безжалостно истреблял миллионы трудящихся рукою японской офицерщины и обманутых солдат. Он не останавливался ни перед обманом, ни перед массовыми убийствами. Легкость, с которой японский империализм применяет военно-агрессивные методы экспансии, определяется целым рядом особенностей его исторического развития, а также особым удобством (до самого последнего времени) беспощадно грабить Китай.

Японии как империалистической державе нехватает капиталов, железа, нефти, угля, химического сырья и т. д. В Японии чрезвычайно узок ее внутренний рынок и покупательная способность забитых рабочих и крестьян, низведенных (в отношении жизненного уровня) буржуазией и помещиками до положения колониальных трудящихся масс (экономический кризис обострил многократно эти бедствия и страдания японских рабочих и крестьян и повлек за собой дальнейшее сужение внутреннего рынка).

Стремление Японии стать могущественным, самостоятельным империализмом и для этого обеспечить себя сырьевой базой и широким колониальным рынком и укрепить военно-стратегические базы на азиатском континенте встречает на своем пути сопротивление крупнейших империалистических хищни-

[1] «КИ» № 34—35 за 1931 г.

ков (и в первую очередь САСШ) и революционный отпор со стороны подымающегося революционного движения в Китае. Это характерные черты на всех этапах, и особенно в последнее время в связи с углублением кризиса, империалистической агрессией Японии.

Япония ведет захватническую грабительскую войну в Китае. Она бомбардирует Шанхай, Нанкин, Сватоу и др. Она сконцентрировала для этого лучшие силы флота на реке Янцзы. Она преследует широкие цели окончательной аннексии Манчжурии и Монголии и установления своего контроля и во Внутреннем Китае. Ее операции в бассейне реки Янцзы направлены против китайских советов.

Вожделения японского империализма также несомненно простираются через Северную Монголию и КВЖД на Сибирь. Таким образом, несмотря на чрезвычайное обострение противоречий между империалистическими державами в связи с военным вторжением Японии в Центральный Китай, угроза войны против СССР и китайских советов со стороны японского империализма не только не снята, но, наоборот, с каждым днем усиливается. Об этом говорит целый ряд фактов с начала оккупации, как например: планомерное укрепление плацдарма для нападения на СССР и систематическое провоцирование войны с последним, отказ от предложения СССР заключить договор о ненападении и наконец продвижение большой армии в Северной Манчжурии вдоль КВЖД.

Вместе с тем в последнее время, в особенности в связи с наступлением японского империализма на Центральный Китай, где наиболее переплетены интересы и противоречия империалистических держав—Японии, САСШ, Англии и Франции,—очень быстро растет опасность войны между империалистами за передел Китая, главным образом между Японией и САСШ. Подготовка к этой войне идет не только по линии дипломатических представлений и протестов, но, что еще более существенно, по линии концентрации крупнейших вооруженных сил в непосредственной близости от арены конфликта (маневры американского флота у Гавайских островов). Очевидна крайняя близость войны между империалистами на Тихом океане.

Агрессивному характеру японского империализма соответствует и его политический строй—господство военно-бюрократической полицейской монархии, осуществляющей диктатуру блока буржуазии и помещиков.

Боязнь массового революционного движения и необходимость вести войну в обстановке обострения кризиса и классовой борьбы привели к созданию открыто агрессивного кабинета Инукайя, этого непосредственного преемника политики генерала Танака, установившего тесный контакт с военщиной. Режим безудержной военно-полицейской диктатуры господствует в стране. План проведения до конца грабительской войны получил еще более твердое руководство.

II

В ускорении захвата Манчжурии японским империализмом сыграл важнейшую роль мировой и японский экономический кризис и его последствия—обострение антагонизма между империалистами, усиленная подготовка войны последними в обстановке все больше усиливающего страха перед растущими силами СССР, китайской революции и обострением классовой борьбы внутри Японии.

В результате экономического кризиса снижение объема промышленной продукции достигло в основных отраслях японской промышленности 30—70%, внешняя торговля уменьшилась в 1931 г. сравнительно с 1930 г. по экспорту на 22,3% и по импорту—на 21,5%. Торговля с Китаем быстро упала с активного баланса 10 429 тыс. иен[1] в июне 1931 г. до пассива на 807 тыс. иен в октябре того же года, а теперь торговля почти замерла. Сужение внутреннего рынка по всем признакам огромно. Прошлый год был неурожайным: урожай риса был на 17% меньше, чем в 1930 г.

После начала оккупации экономический кризис в Японии еще более обострился.

К моменту оккупации кризис захватил уже и финансовую систему Японии. Золотой фонд страны быстро уменьшается. К началу оккупации Манчжурии он составлял около 1 млрд. иен, а к февралю этого года пал до 400 млн. иен. Золотой паритет отменен, и иена упала сразу на 30—35%. В результате этого резко понизилась реальная зарплата рабочих и служащих. Цены на предметы первой не-

---

[1] Иена = 100 сэн, составляет около 75 коп.

обходимости повысились с ноября по декабрь на рис на 10%, на хлопчатобумажные ткани—на 10%, на сахар—на 3%, Так же значительно выросли цены на сельскохозяйственный инвентарь и удобрения. Зато финансовые магнаты заработали только путем спекуляции на иене: Митцуи—не менее 50 млн. чистой прибыли, Митцубиши—15 млн. и т. д. Зарплата же за один только прошлый год понизилась не менее чем на 35%. Безработица охватила 2½ млн. человек. Задолженность крестьянского населения быстро возрастает, достигая только по банкам и по кредитным товариществам 5 млн. иен. Бедняки и середняки—крестьяне задыхаются под бременем непомерной арендной платы и налогов. В северных районах Японии свирепствует голод. Там крестьяне продают своих дочерей за гроши, иногда за 10 иен.

Несмотря на военно-полицейский террор и предательство социал-фашистов, недовольство трудящихся масс, в первую голову рабочих, возрастает и во многих случаях выливается в стихийные беспорядки против эксплоататоров и полиции. Число конфликтов в промышленности возросло с 1 420 в 1929 г. до 2 289 в 1930 г. и до 1 079 за одну только первую половину 1931 г. (против 728 в первой половине 1930 г.). Количество конфликтов в деревне между крестьянами и помещиками тоже неуклонно растет:

Январь — октябрь	1929 г. . . .	1 002
» »	1930 » . . .	1 238
» »	1931 » . . .	1 501

Поводом к конфликтам на предприятиях служат главным образом увольнения (25% всех конфликтов за первую половину 1931 г.), снижение зарплаты (23% всех конфликтов) и т. д.; а у крестьян—отобрание земельных участков у арендаторов, причем с каждым годом число таких конфликтов возрастает: за сентябрь—октябрь 1929 г.—327 из 1 002, в 1930 г.—530 из 1 238, а в 1931 г.—881 из 1 501. Характер и методы борьбы значительно обострились к концу истекшего года. В ряде стачек, сопровождавшихся кровавыми столкновениями с полицией, происходили баррикадные бои с полицейскими отрядами (Сумитомо, Хусими Сейфу и др.). Участились случаи нападения крестьян на полицейские участки. Брожение проникло и в ряды мелкой буржуазии города. В 1931 г. стачечная волна прокатилась почти по всем высшим учебным заведениям Японии.

Поэтому не случайно накануне оккупации Манчжурии, воспользовавшись кампанией по коммунальным выборам, чиновники, буржуазно-помещичьи партии, а также социал-демократическая пресса сосредоточили все свои усилия именно на обработке общественного мнения в пользу затеваемой интервенции и наряду с этим на борьбе против коммунизма. Несомненно они питали надежду на то, что война усилит шовинистические настроения в массах и это не только приостановит революционное брожение, но и изолирует авангард пролетариата от остальных масс трудящихся. Все это послужило внутренним мотивом ускорения империалистической грабительской войны.

С началом оккупации Манчжурии в Японии значительно усилилась реакция. Капиталисты и помещики повели бешеное наступление на жизненный уровень рабочего класса и крестьянства, удушая всякое сопротивление последних военно-полицейским террором. Крайне обнаглели наемные банды националистов. По собственному почину они беспрепятственно организуют охоту за революционными рабочими и крестьянами. За всякими протестами против грабительской войны следуют избиения, аресты, пытки и убийства участников этих выступлений. Но, вопреки военно-полицейскому террору, стачечная борьба продолжается. Захлестнутые в первое время шовинистической агитацией массы постепенно пробуждаются и начинают поднимать свой голос протеста против эксплоатации. Особенно оживилась стачечная борьба с ноября 1931 г. С 31 октября по 20 ноября, только по неполным данным ассоциации классового сотрудничества Кио-чио-кай, произошло около 35 более или менее крупных стачек. Число конфликтов продолжает расти. Во время стачки кожевников близ города Химедзи произошло кровавое столкновение между бастующими и полицией. 500 жителей поселка примкнули к бастующим, и стачка превратилась в форменный бой. В другом случае в столкновении 450 бастовавших рабочих завода химических удобрений в Акаси с полицейским отрядом участвовали семьи стачечников. 30 января 1932 г. в стычке бастующих деревообделочников

с полицией в префектуре Вакаяма было ранено несколько десятков рабочих. Такие случаи учащаются.

Растет и стихийная волна недовольства безработных. Особенно в текущем году учащаются стычки безработных с полицией. Движение безработных революционизируется. Наблюдается также глубокое полевение крестьянских масс. Неурожай, голод, непосильное бремя арендной платы, налогов и войны давят на крестьянские массы. Реакционные военно-полицейские методы расправы с борющимися массами и тут обостряют борьбу. В префектуре Точиги 19 сентября 1931 г. 500 крестьян напали на полицию, чтобы освободить арестованных товарищей из молодежи. В префектуре Нихигата 3 октября 350 крестьян напали на участок, где шли строительные работы, организованные властями префектуры, и там произошло настоящее побоище с полицией. Причиной нападения было отобрание помещиком земли у одного революционно настроенного крестьянина-бедняка. В голодающих районах крестьяне требуют полного освобождения от уплаты аренды или снижения ее по крайней мере на 60—70%. 9 января в префектуре Точиги произошел бой между крестьянами и националистами из «хозяйственной партии», защищавшими помещика, который хотел отобрать землю у арендаторов. В результате убиты 3 националиста и 10 смертельно ранены и т. д. и т. п.

Приведенные факты—лишь ничтожная доля того, что происходит в стране. Буржуазная пресса замалчивает народные волнения, особенно после начала оккупации. Но все эти факты говорят о том, что грабительская война, углубляющийся экономический кризис и связанное с ними значительное усиление предпринимательского и помещичьего похода на рабочих и крестьян, кровавый террор полиции и военщины и предательство социал-шовинистов не приостановили полевения масс в Японии. В низах народа усиливается брожение, доходящее в некоторых случаях до кровавых столкновений и форменных боев с полицейско-монархическим государственным аппаратом насилия.

Дальнейшая затяжка войны и наша неустанная борьба против нее окажут влияние на массы, обманутые шовинистической агитацией, и рассеют существующие в некоторых слоях трудящихся иллюзии о возможности улучшения своей жизни на путях империалистической войны.

Авангард японского пролетариата, несмотря на молодость и неоднократные ошибки, ведет массы на путь революционного выхода из кризиса и войны. Господствующие классы усиливают репрессии. Аресты следуют за арестами. Поголовные аресты всех бастующих и всего населения целых деревень участились. В репрессиях теперь принимают участие войска. Все революционное движение загнано в подполье. После каждой демонстрации и после каждой стачки против войны тюрьмы пополняются новыми десятками и сотнями революционных рабочих и крестьян.

III

В подготовительном периоде оккупации, когда японская компартия призывала рабочие, крестьянские и солдатские массы к борьбе против затеваемой интервенции, японский социал-фашизм всех оттенков оказал полную поддержку господствующим классам в подавлении революционного движения, в подготовке грабительской войны. Японская социал-демократия стала теперь неотъемлемой частью всей системы аппарата военно-полицейской монархии.

Социал-фашисты в это время организовали свой филиал Амстердамского интернационала (Родо-Курабу) под лозунгами: против коммунизма, против революционного профдвижения, против Коминтерна и Профинтерна и за Международное бюро труда.

Создана объединенная партия центристских и «левых» социал-демократов «Роно-тайсю-то» под лозунгом: против компартии Японии.

Социал-фашисты сейчас не только срывают стачки рабочих, но и выдают полиции борющихся рабочих (стачка рабочих заводов Сумитомо и т. д.). Они спровоцировали рабочих, готовых к активной борьбе, действовать вместо этого методами пассивного сопротивления, например отказом от пищи и сна (одного-двух убедили даже пойти на такое «геройство», как засесть в фабричной трубе, чтобы нельзя было затопить котлы). Таким образом они ослабляли волю рабочих к массовой борьбе против предпринимателей и полиции.

Социал-фашисты совместно с полицией организовали слежку за коммунистами и революционными рабочими и крестьянами, выдавая их списки полиции и помогая их арестовывать. Так «левыми» социал-фашистами были выданы полиции все левые делегаты съезда крестьянского союза Дзенно. Таким же путем в истекшем году были арестованы многие революционные делегаты на съезде союза трамвайщиков—Токо. Для тех же целей образована провокаторская организация под лозунгом: «Диктатура пролетариата во главе с императором» при содействии охранки и судебных органов. Эта организация именует себя «рабочей группой японской компартии» (11).

Непосредственно перед оккупацией, когда шли перевыборы местных самоуправлений, социал-монархисты всех оттенков всячески рассыпались перед рабочими и крестьянами в обещаниях.

Но о предстоящей оккупации Манчжурии, о чем им было известно давно, они ни словом не обмолвились. Под предлогом необходимости сосредоточения сил на кампании перевыборов они срывали всякую борьбу рабочих и крестьян. Поддерживая парламентские иллюзии в массах, срывая борьбу масс, они дали капиталистам, помещикам и генералам возможность спокойно подготовлять аннексию Манчжурии и Монголии. Нынешняя грабительская война яснее, чем когда-либо разоблачила империалистическую сущность японской социал-демократии. Японская социал-демократия всех оттенков является активной соучастницей и застрельщицей в проведении грабительской войны. Она теперь, после начала грабительской войны, не только срывает стачки рабочих и конфликты крестьян, не только занимается вместе с полицией выявлением революционных элементов, но и агитирует массы в пользу грабительской войны, представляя ее войной за «социалистическую Японию».

Генеральный секретарь социал-демократической партии Акамацу тотчас же после начала оккупации заявил:

> «Интервенция в Маньчжурии не является империалистической, потому что и при социалистической Японии придется вести борьбу за необходимое сырье для нашей промышленности, а сырье теперь находится в руках Америки, Англии и России».

Один из руководителей «левой» социал-демократии—Роно-тайсю-то, член парламента Мацудани, посланный своим ЦК для «обследования» событий в Манчжурии, заявил в Мукдене:

> «Манчжурские события—это не обычная война капиталистов, а война для разрешения национальной проблемы».

Сейчас выяснилось: Акамацу имеет прямую связь с военщиной, а деньги для «обследования» манчжурских событий Мацудани ассигнованы из фондов особого отдела генштаба.

Ярко выраженная монархическая газета «Япония» пишет:

> «Неожиданное возникновение манчжурских событий до крайности возбудило чувство национального самосознания, дремавшее до сих пор... Партия Роно-тайсю-то, проводившая избирательную борьбу под лозунгом против империалистической войны», в смущении тотчас же сняла эту свою вывеску, а социал-демократическая партия окончательно перешла на сторону защиты наших прав и интересов в Манчжурии и Монголии».

На съезде «левой» социал-демократической партии Роно-тайсю-то принято постановление, направленное против КПЯ. А вопрос о заявлении Мацудани и жалкая демагогическая резолюция об оккупации сняты с порядка дня по просьбе полиции.

Объединяющими их всех лозунгами стали сегодня лозунги «государственного социализма» под деспотической диктатурой монарха и военщины и «социалистического контроля над правами и интересами в Манчжурии и Монголии». Последний лозунг был принят на январском съезде Сякай-минсю-то. Эти социал-империалисты лживой фразой о «социалистическом контроле» оправдывают аннексию Манчжурии и свое активное участие в грабительской войне против Китая и СССР.

Они сейчас все больше и больше специализируются на провокационной деятельности против СССР. Та же газета «Япония» пишет:

> «Они (т. е. социал-империалисты.— *А.*) заговорили неестественным голосом: народ, отдашь ли ты Манчжурию России?»

Но они уже не ограничиваются одними только декларациями. Правые организуют патриотические демонстрации и митинги под демагогическими и вместе с тем явно шовинистическими лозунгами. Они организовали такие демонстрации под лозунгом: «Против валютной спекуляции и за передачу прибылей от спекуляции на войну и солдатам на фронтах». А «левые» оказывают прямое содействие правым в виде «единого фронта пролетарских партий». Помимо существующего единого фронта всех социал-империалистов эти правые и «левые» социал-империалисты организовали недавно совместный парламентский комитет с участием своих генеральных секретарей и членов парламента для согласования патриотических действий и распределения ролей. При таком положении обычные разглагольствования западных их единомышленников о республике, о парламентаризме и о «демократии» японским социал-фашистам кажутся слишком революционными. Они поддерживают господство буржуазии и помещиков и палаческий режим военно-полицейской монархии.

На съезде в январе 1932 г. председатель ЦК социал-демократической партии Сякай-минсю-то—Абе заявил: «Мы—честные сторонники монархии».

Но через головы предательских социал-шовинистических лидеров идет революционизирование находящихся под их влиянием рабочих и крестьян. Вся местная организация «левой» социал-фашистской партии Роно-тайсю-то в префектуре Нагано вышла из состава этой партии 4 декабря и примкнула к революционному движению. В цитадели центристов—Дзенкоку-домей (Национальная федерация труда) наблюдается глубокое брожение среди членских масс, возмущенных деятельностью Родо-Курабу—этого филиала Амстердамского интернационала. В конце прошлого года на съезде Дзенкоку-домей произошел раскол на почве разногласий по вопросу о присоединении к Родо-Курабу. «Левые» реформистские лидеры пытаются задержать полевение членских масс, но влияние революционной профоппозиции быстро растет. В крестьянском союзе Дзе-но левое крыло также постепенно вытесняет правое. Большинство местных и низовых организаций этого союза уже находится под революционным влиянием.

IV

Японская компартия предвидела опасность грабительской войны еще до оккупации Манчжурии.

Еще 6 июля (в связи с назначением реакционнейших политических деятелей: графа Учида—председателем ЮМЖД, а генерала Угаки—генерал-губернатором Кореи) ЦК КПЯ сигнализировал опасность в своем центральном органе «Секки» («Красное знамя») в статье под заголовком: «Боритесь против подготовки войны японским империализмом».

«Минсеитоское правительство Вакацуки сменило председателя ЮМЖД и генерал-губернатора Кореи... это будет поворотом в сторону изменения нашей манчжуро-монгольской политики... а другая партия империалистической буржуазии Сейюкай выдвинула такую же активную политику Танака, только с видоизменением, упрекая Сидехару (бывшего мининдела.—*А.*) в чрезмерной мягкости по отношению к России и Китаю... вся буржуазная пресса агитирует за возрождение идеи специфичности Манчжурии и Монголии как жизненно-необходимого импульса для нашей страны...(!!).

На совещании главных руководителей армии... принято постановление: «исходя из государственной политики охраны наших прав и интересов в Манчжурии и Монголии, для ускорения военных действий в случае необходимости быстрой операции—перебросить в Корею дивизии или соответствующие части из внутренней Японии».

Стратегия японского империализма, с кем бы он ни воевал, заключается в первую очередь в оккупации Манчжурии и Монголии. Японские империалисты не только открыто заявляют это, но и на деле уже усиливают сейчас подготовку вооруженного вторжения в эти страны. Они открыто агитируют за войну.

Ни сэна не давайте для войны. Ни одного солдата не перевозите!

Рабочие и крестьяне! Отказывайтесь от уплаты всех налогов, как и налога кровью (воинская повинность) для империалистической грабительской войны, для защиты интересов крупного финансового капитала Митцуи, Митцубиши, Сумито-

мо и т. д. и т. д. Ничего не делайте для империалистов!

Все наши усилия должны быть направлены на освобождение от капиталистической кабалы!»

ЦК КПЯ на страницах «Секки» призывал также революционных рабочих, крестьян-бедняков, солдат и народы колоний и полуколоний сейчас же начать развернутую агитпропработу на заводах и в деревнях за «превращение войны против СССР и трудящихся революционного Китая в гражданскую войну против японской империалистической буржуазии, против империалистической войны, за поражение японского империалистического правительства... за победу союзной армии пролетариата и крестьянской бедноты».

Партия подчеркивала особую важность агитации и пропаганды среди рабочих военной промышленности и транспорта, а также среди солдат, матросов и рабоче-крестьянской молодежи.

В связи с событиями в Ванпосане в Манчжурии, где японские империалисты накануне оккупации спровоцировали китайцев на массовую резню корейцев, а потом в Корее натравили корейцев на китайцев (и все это для оправдания проектируемой оккупации), КПЯ выпустила 16 июля обращение к японским, китайским и корейским рабочим и крестьянам, где говорится:

«В целях полной колонизации Манчжурии и Монголии, в целях подготовки военной интервенции в СССР японский империализм стремится к усилению военно-полицейского режима в Манчжурии и Корее...

Долой контрреволюционную вооруженную интервенцию японского империализма против СССР и трудящихся Китая!»

Подготовка первоавгустовской кампании шла под этим углом зрения. До 1 августа в ряде местностей состоялись совещания с участием массовых организаций. На ряде заводов проведены были митинги и беседы с рабочими. К 1 августа репрессии усилились, полицией было арестовано несколько сот активных рабочих и крестьян. Но в самый день 1 августа партии удалось провести ряд стачек (на металлургических заводах, текстильных фабриках и среди строительных рабочих) и организовать ряд демонстраций в Токио и Осака, а также в некоторых селах, где в демонстрациях приняли участие батраки и бедняки—крестьяне. Разъяренная полиция ответила на все эти разоблачения, призывы и организованную кампанию КПЯ массовыми арестами революционных рабочих и крестьян. 28 августа было арестовано больше 1 тыс. человек в городах Осака, Хиого и Киото, а позже еще несколько сот рабочих и крестьян арестовано в Токио.

Но этими массовыми арестами не удалось сорвать борьбу против военной опасности.

В день годовщины аннексии Кореи (29 августа) КПЯ обращается к рабочим и крестьянам с таким призывом:

«Японский империализм увеличивает военные силы в Корее и Манчжурии для новой империалистической войны.

Японский пролетариат должен организовать решительную борьбу против этой империалистической политики агрессии».

Несмотря на аресты и репрессии, КПЯ, КСМ Японии и другим революционным организациям удалось провести в сентябре Международный день молодежи (МЮД) под лозунгами: «Против вооруженной интервенции», «Против империалистической войны», «В защиту китайской революции», «Против посылки войск в Манчжурию и Корею», «Долой социал-фашистов».

В период подготовки МЮД на ряде заводов и фабрик удалось организовать митинги и стачки. В Токио были проведены в двух районах 13 делегатских конференций рабочих и безработных (в том числе на 7 металлических заводах). В день МЮД организован ряд демонстраций. В результате этой борьбы ряды КП и КСМ Японии пополнились активными рабочими и бедняками крестьянами.

19 сентября 1931 г., когда кольцо японских войск сомкнулось вокруг Мукдена, КПЯ выпустила воззвание:

«Товарищи рабочие, крестьяне и солдаты!

Армия империалистической Японии занимает Мукден. Японская империалистическая буржуазия завершила первый шаг к оккупации Манчжурии и Монголии. Это—вовсе не «защита справедливости» и «случайный инцидент», как утверждает она. Это не что иное, как хорошо обду-

манная реакционная провокация против трудового народа Китая и Японии, а также трудящихся СССР. Это—авантюра варварских грабителей и презренных убийц.

«На Манчжурию! На революционный Китай! На СССР!»—таков боевой клич японского империализма, этого вооруженного застрельщика дальневосточной реакции...

Товарищи рабочие и крестьяне! Японская буржуазия, переживающая неслыханный экономический кризис и стоящая на грани банкротства, ищет в этой авантюре выхода из кризиса. Но спасение капитализма возможно только при условии жертв и гибели широких масс эксплоатируемых трудящихся.

Дорогие товарищи! Эксплоатируемые трудящиеся! Вы уже лишены буржуазией и помещиками труда и хлеба, земли и свободы! Война в их пользу, ради их интересов еще больше замучит вас и приведет к окончательной гибели. Боритесь против отечества буржуазии и помещиков! Сопротивляйтесь всем военным действиям отечества паразитов и убийц!

Рабочие, занятые в военных предприятиях и на транспорте! Не перевозите ни одного солдата и ни одной винтовки на фронт! Приостановите производство снарядов и винтовок!

Рабочие, крестьяне и безработные всей Японии! Организуйте забастовки и массовые демонстрации против войны и за ваши требования!

Солдаты на фронтах! Немедленно организуйте братание с солдатами Китая! Смелее протяните руку китайскому пролетарию!

Солдаты во всех казармах! Выносите постановления, что ни один из вас не хочет ехать на фронт, и все вы против защиты отечества буржуазии и помещиков!

Товарищи рабочие, крестьяне и солдаты! Заключайте союз с китайскими рабочими и крестьянами и поднимайтесь на борьбу во имя революционной солидарности!

Требуйте немедленного вывода армии из Мукдена и всех занятых местностей! Немедленного отозвания японской армии и военных кораблей из Китая и Манчжурии! Не перевозите ни одного солдата! Сопротивляйтесь всем военным действиям японского империализма и китайской реакции! Боритесь с новой опасностью империалистической войны! Оказывайте содействие Красной армии! На защиту СССР! Долой империалистическую Японию! За советскую Японию!»

Этим воззванием открылась новая страница борьбы японского пролетариата против грабительской авантюры японского империализма в обстановке осадного положения, шовинистической травли и гнуснейшего предательства социал-фашизма.

В начале оккупации на металлическом и химическом заводах в пригородах Токио и Иокагамы разбрасывались листовки против войны, на некоторых заводах приняты резолюции протеста.

Бастующие рабочие ткацких фабрик Татеиши и Ямады в Токио пытались организовать демонстрацию против войны. В префектуре Тояма за короткий срок с 17 сентября (начало интервенции) по 28 сентября состоялось 6 крестьянских конференций против грабительской войны, 7 октября в связи с годовщиной смерти генерального секретаря КПЯ т. Ватанабе (убитого полицейскими палачами в 1928 г. на острове Формозе) состоялся ряд демонстраций, причем в Токио в демонстрации приняли участие больше 500 рабочих, в митингах—больше 1 тыс. рабочих. За это время прошел ряд делегатских собраний. Все эти выступления проходили под лозунгами «Против грабительской войны» и «Против социал-фашизма».

Левым крылом профдвижения была организована стачка на аэропланном заводе, являющемся поставщиком военного министерства.

XIV годовщина Октябрьской революции в Японии ознаменовалась массовыми антивоенными демонстрациями и митингами. В этот день в Токио демонстрировали около улицы Кудан 400 железнодорожников, печатников и безработных, перед вокзалом—500 рабочих и революционных студентов. На десятках заводов, фабрик и бирж труда тоже состоялись митинги и демонстрации. Больше 1 тыс. революционных студентов организовали демонстрацию. Митинги и демонстрации произошли также в Осака,

Канагава, Тояма и других местностях, причем активное участие в них приняли и бедняки-крестьяне в сельскохозяйственных районах. Все выступления проходили под лозунгами: «Не допускайте военной интервенции против СССР», «Защищайте революционный Китай», «За превращение империалистической войны в гражданскую», «Долой японский империализм», «Да здравствует солидарность рабочих и крестьян Тихоокеанского побережья».

Революционная борьба рабочих и крестьян против войны начинает находить отклик в войсках. Так в отряде телеграфистов около Токио перед отправлением в Манчжурию было арестовано 10 солдат по обвинению в революционной работе. В химедзинской дивизии также произошли аресты. В дивизии, направленной в Манчжурию через Корею, также арестовано много солдат и даже два офицера и т. д. Во всех этих случаях военная власть мотивирует массовые аресты распространением листовок КПЯ и устной агитацией революционно настроенных солдат. По сообщению японской и китайской печати **целая рота японских войск в Манчжурии была расстреляна** за отказ выступить против китайцев.

Брожение распространяется и дальше, захватывая японские воинские части в Шанхае и Манчжурии. По имеющимся сведениям 8 февраля большое число японских солдат отказалось выступить против китайских войск. **Свыше 200 японских солдат арестовано и отправлено обратно в Японию.**

Компартии Китая и Японии выпустили совместное воззвание, призывающее японских и китайских рабочих и крестьян и пролетариат всего мира к совместной борьбе против японского империализма и гоминдановской реакции, в защиту СССР, китайских советов, на поддержку красной армии Китая и пролетариата Китая и Японии, борющегося против грабительской войны.

В японских тюрьмах в настоящее время томятся свыше двух тысяч коммунистов. Разбирательство дел этих товарищей продолжается уже больше 3 лет в первой судебной инстанции. До последнего времени процессы эти велись при закрытых дверях. Но в результате упорной борьбы обвиняемые добились суда при открытых дверях. На этих процессах наши товарищи, несмотря на пытки и угрозы отягчить приговор, ведут энергичное разоблачение и агитацию против грабительской войны, используя всякие возможности выступления.

V

Несмотря на отвагу и героизм, проявленные компартией на антивоенном фронте, все же в этой области имеется много недочетов и ошибок в партработе. Главные из них:

1. В антивоенных воззваниях партии, как и во всей ее агитации и пропаганде, **недостаточно сосредоточен огонь против главного в современных условиях врага—абсолютизма, буржуазно-помещичьей монархии, которая является главным оплотом политической реакции и всех пережитков феодализма в стране.**

Недооценивая аграрный вопрос, она недостаточно заостряет свою агитацию и пропаганду против помещиков, не понимает всей важности мобилизации крестьянства, в частности середняков, на эту борьбу. А это, особенно в связи с работой среди солдат (крестьян в огромном большинстве), приобретает исключительное значение в деле борьбы против войны. Японская монархия организует эту хищническую империалистическую войну, проводящуюся за счет многомиллионных масс трудящихся Японии ради интересов японской буржуазии, помещиков и других эксплоататорских элементов. В интересах войны монархия пускает в ход все средства насилия; атакует рабочих и крестьян, борющихся против наступления капиталистов и помещиков, гонит солдат и матросов на братоубийственную бойню на фронтах, повышает налоги и т. д. Нам нужно четко и открыто разъяснять все это трудящимся массам, разъяснять так, чтобы массы поняли прямую связь между их усиливающейся нищетой, полицейским произволом и грабительской войной, с одной стороны, и монархией как главной виновницей всего этого— с другой стороны. Только свержение монархии и установление рабоче-крестьянского правительства сможет освободить их от нищеты и произвола власти, от бедствий, от империалистической войны. Всякую борьбу масс, в особенности антивоенную, надо сознательно и умело направить против органов

насилия монархии (полиции, империалистической армии, судебных органов и т. п.) и против монархической системы в целом. В работе компартии Японии имеется большой разрыв между работой против грабительской войны и против монархии. Необходимо срочно ликвидировать этот разрыв.

2. Недостаточная увязка антивоенной борьбы с борьбой за частичные требования масс. Грабительская война идет наряду с углублением экономического кризиса и с усилением наступления эксплоататоров на рабочий класс и трудящиеся массы. В военной обстановке всякая действительно массовая борьба за частичные требования приобретает антивоенный характер и при умелом руководстве со стороны революционных организаций легко может перерасти в сознательную массовую антивоенную борьбу. Ведь ясно, что стачки рабочих военных предприятий и транспорта за частичные требования подводят массы к осуществлению нашего лозунга—«Ни одной винтовки для войны не производить, ни одного солдата на фронт не перевозить».

Партия должна развернуть бои за частичные требования, увязывая их с антивоенной борьбой, а именно: бороться против увольнений и снижения зарплаты; за немедленное радикальное повышение зарплаты и 7-часовой рабочий день; против повышения цен на предметы первой необходимости; ва немедленную выдачу пособий безработным и голодающим крестьянам за счет сокращения чудовищных военных расходов, громадных субсидий капиталистам и помещикам и расходов на содержание императорской семьи и сановников; за снижение квартирных ставок, платы за газ и электричество и другие виды коммунальных услуг, а также за полное освобождение безработных от этих расходов; за неплатеж арендной платы и налогов, за полное аннулирование задолженности трудящихся банкам, помещикам и ростовщикам; против зверского террора полиции и армии за полную свободу организации профсоюзов, стачек и демонстраций трудящихся и т. д.

Нужно организовывать стачки, протесты, саботаж, задержку конвейера, демонстрации на самом заводе, у ворот и на улицах; саботаж—в виде плохой работы за низкую зарплату; стачки—по отдельным цехам и профессиям; митинги и демонстрации безработных у бирж труда, зданий муниципалитетов, крупных продовольственных магазинов и правительственных продовольственных складов; запашки крестьянами явочным порядком отобранных у помещиков земель; групповые или массовые оттяжки платежей и полный отказ от уплаты аренды, налогов, недоимок и т. д. И соответственно обстановки и соотношению сил необходимо всячески увязывать и направлять эти выступления к сознательной антивоенной борьбе. Всякая реальная, а не словесная подготовка к массовой политической забастовке и демонстрации имеет сейчас исключительное значение.

Особенно необходимо усиление экономической и антивоенной борьбы среди транспортников и рабочих военных предприятий.

3. Недооценка массовых форм борьбы (сектантская практика).

Сектантская практика проявилась в подготовительном периоде оккупации в том, что компартия не сумела использовать в достаточной мере для развернутой агитации и массовой борьбы кампанию по перевыборам местных самоуправлений. Партия недооценила значение этой кампании и не использовала ее в интересах широкой политической агитации в массах. Недостаточно внимания было уделено задаче создания единого фронта снизу с реформистскими и неорганизованными рабочими и крестьянами.

Нужно шире развивать массовые формы борьбы, как то: общие собрания рабочих и крестьян, создание комитетов борьбы, избранных самими рабочими, делегатские конференции рабочих и крестьян. Там, где эти организации уже существуют или возникают, их еще нельзя назвать массовыми, потому что зачастую в этих конференциях и демонстрациях принимают участие почти исключительно одни только революционные элементы. В этом и обнаруживается сугубо сектантская практика. Нужно решительно бороться с этой боязнью широкой массы.

Нужно организовать массовую, систематическую, упорную разъяснительную работу для того, чтобы преодолеть шовинистические настроения рабочих и трудящихся, противопоставив этому буржуазному влиянию на пролетариат нашу массовую интернационалистскую работу. Такая грубейшая ошибка, как поддержка

некоторыми ячейками (под предлогом «опасности отрыва от масс») проводимой властями кампании сбора пожертвований для солдат оккупационной армии, должна быть решительно осуждена всей партией как непосредственное содействие империализму в грабительской войне.

Развертывание массовой борьбы на основе тактики единого фронта снизу—вот первое необходимое условие успешной борьбы против войны.

4. Очень слабо ведется разоблачение социал-фашизма. Японский социал-фашизм саморазоблачается в нынешней авантюре японского империализма так ясно, как никогда. Социал-фашисты полностью поддерживают эту войну и в ее интересах срывают стачки, выдают революционных рабочих и коммунистов полиции. Но наряду с этим в рабочих и крестьянских низах социал-фашистских партий идет глубокое брожение. Эти условия создают благоприятную обстановку для разоблачения социал-фашистов перед широкими массами на конкретных фактах творимого социал-фашистами предательства. Единый фронт снизу против империалистов и социал-империалистов должен стать основой для разоблачения социал-фашистов Японии.

5. Недостаточно и бессистемно ведется работа среди солдат и матросов. Отдельные факты неповиновения солдат военным приказам и сочувствия революционному движению постепенно учащаются, и это говорит о том, что благоприятная ситуация для нашей работы среди солдат и матросов быстро созревает. Партия должна эту работу вести систематически, а не от случая к случаю. Особое внимание в антивоенной агитации нужно сосредоточить на повседневных нуждах солдат и матросов и на их бесправном положении, а также на реализации таких требований, как немедленное отозвание войск из Китая; отказ солдат воевать; бросать фронт, не бросая и не сдавая оружия; создавать солдатские комитеты. Лозунг братания должен быть в соответствии с особенностями данной войны, когда необходимо отстаивать национальную независимость порабощенного Китая от нападающей империалистической Японии,—этот лозунг должен быть увязан с другим важнейшим лозунгом: призывом японских солдат к уходу с фронта, с требованием увода японских войск из Китая. Кроме того активную работу партия должна вести внутри ассоциации резервистов и в официальных союзах молодежи, этом оплоте реакции, где многие крестьяне и рабочие находятся в плену у шовинистической идеологии генералов и высших чинов.

6. Методы агитации и пропаганды еще слишком абстрактны. Антивоенные листовки и литература, выпускаемые партийными и другими массовыми организациями, еще очень абстрактны и сухи. Необходим выпуск такой литературы, где в живой и популярной форме разъяснялась бы еще несознательным рабочим и крестьянам сущность грабительской войны. Все массовые газеты, журналы, листовки и т. д. должны быть написаны максимально понятным, доступным для масс языком, должны оперировать конкретными фактами. Крайне необходим выпуск литературы, которая объясняет и убеждает фактами рабочих и крестьян в необходимости защиты СССР и китайской революции.

7. Беспощадная борьба против правого и «левого» оппортунизма в антивоенной работе. Всякие шатания внутри партии в такие ответственные моменты причиняют величайший вред революционному движению. Надо вести борьбу с малейшими проявлениями оппортунизма.

Никакие уклонения от возглавления массовой борьбы рабочих и крестьян и проведения упорной работы в армии и флоте недопустимы. Только путем самоотверженной, упорной и терпеливой работы удастся развернуть настоящую массовую антивоенную кампанию.

8. Нужно усилить организационную работу на заводах и в казармах, а также установить теснейшую связь с революционным движением Китая, Кореи и Формозы.

Чем скорее удастся изжить все отмеченные здесь слабости и недочеты, тем успешнее пойдет антивоенная борьба рабочих и крестьян Японии во главе с КПЯ за превращение грабительской империалистической войны в гражданскую, за свержение власти помещиков и буржуазии, за свержение военно-полицейской монархии, за установление рабоче-крестьянского советского правительства.

Сигуранца за работой

(«Известия» от 4 апреля 1932 г.)

За последние годы мировая буржуазная пресса параллельно с нарастанием антисоветских и интервенционистских тенденций проводила одну за другой кампании травли и клеветы против Советского союза. Еще очень недавно на столбцах сотен и тысяч буржуазных газет происходила свистопляска вокруг легенды о принудительном труде в СССР, о демпинге и т. п. В настоящий момент опытной рукой развернута новая бешеная кампания против СССР, особенно организованно проводимая румынской и известной частью французской прессы. В течение 3 недель газеты полны сообщений о «днестровских ужасах», о массовом бегстве молдавских крестьян из АМССР через Днестр в Бессарабию, о расстреле советскими пограничниками сотен перебежчиков.

В Бессарабию направлена целая группа парижских разбойников пера во главе с квалифицированным провокатором, сотрудником «Ле журналь» Жо Лондоном. Одновременно с этим в румынском парламенте принимаются резолюции об обращении к Лиге наций с требованием оказания помощи молдавскому населению Заднестровья; создаются специальные комитеты помощи перебежчикам, руководимые румынскими и бессарабскими помещиками, попами и в первую очередь конечно сигуранцей (охранкой).

Этой кампании клеветы предшествовала основательная подготовка, проведенная разведывательным отделением румынского генерального штаба и сигуранцей: через Днестр были переброшены десятки агентов-провокаторов, которые провели вербовочную работу среди кулацких элементов АМССР. Они рисовали им розовые перспективы в помещичьей Румынии и брали на себя организацию нелегального перехода демаркационной линии. Среди трудящегося населения АМССР провокационная работа румынских агентов, естественно, никакого успеха не имела,—им удалось лишь завербовать для перехода Днестра отдельных кулаков. Для того чтобы спровоцировать инициденты на Днестре, румынские агенты стремились производить перебежку границы группами по нескольку человек, собирая в одном месте отдельных кулаков из разных сел. Так в Оланештском лесу была организована небольшая группа, составленная из кулаков, завербованных в 3 различных селах, причем сопровождавшие перебежчиков румынские агенты стреляли в советских пограничников, пытавшихся задержать перебегавших кулаков. Характерно, что некоторые неискушенные перебежчики в беседах с журналистами уже на территории Бессарабии на вопрос, почему они бежали, отвечали: «Нашлись добрые люди, которые надоумили, мы и побежали» (газета «Наше время» от 3 марта).

После того как эта подготовительная акция была закончена, румынские газеты, а за ними французские и другие развернули бешеную кампанию против Советского союза. Такова фактическая сторона днестровских «событий». Их подоплека однако и тенденции провокаторов гораздо более сложны. В настоящее время вся Румыния переживает жесточайший экономический кризис. В ряде районов Румынии поднимаются одно за другим аграрные волнения, беспощадно подавляемые жандармерией. Если положение всего румынского крестьянства стало безвыходным, то еще более катастрофической является обстановка в Бессарабии, которую румынские оккупанты рассматривают исключительно как объект колониальной эксплоатации. Низкие цены на продукты сельского хозяйства, огромные налоги, бесконечные поборы доводят бессарабских крестьян до полного разорения. В результате целые уезды буквально голодают, в них свирепствуют эпидемии и царит беспредельная нужда.

К экономическому кризису и к налоговому угнетению присоединяется беспощадный административный террор. Еще в памяти хотинское и татарбунарское восстания, залитые в крови румынской военщиной, расстрелявшей десятки тысяч молдавских и украинских крестьян. В последние годы крестьянские волнения не прекращались. И сейчас все бессарабские тюрьмы заполнены крестьянами, сопротивлявшимися издевательствам властей и продажам с молотка их дворов. Сам Аржетояну—министр финансов румынского правительства—в своем выступлении в парламен-

те по вопросу о конверсии крестьянских долгов так охарактеризовал положение: «Господа, прошу вас обратить внимание, что мы переживаем не период кризиса, как думают некоторые, а период революции». Во всем румынском и в особенности бессарабском крестьянстве растет революционное движение. Румынская буржуазия пытается это движение парализовать и ослабить. С этой целью румынское правительство приняло законопроект о конверсии ипотечной задолженности, которая будет использована помещиками, но одновременно рассчитана на обман и дальнейшее закабаление крестьянских масс подобно тому, как в 1919—1920 гг. была использована для обмана крестьянских масс видимость аграрной реформы.

Этот обман однако тем более трудно провести, что в непосредственной близости, на глазах у бессарабского крестьянства, происходит социалистическая стройка в АМССР. Для того чтобы парализовать революционные настроения бессарабского крестьянства, румынское правительство прибегает к провокациям при помощи уже обрисованных выше днестровских инсценировок.

Днестровские провокации имеют однако и другую, не менее важную целевую установку. Они должны замаскировать преступления оккупантов в Бессарабии, отвлечь внимание широкой общественности от той системы чудовищного террора, от которого стонут трудящиеся массы Бессарабии. В последние месяцы по всей оккупированной области прокатилась волна массовых арестов, особенно среди молодежи. Арестованные подвергались в застенках сигуранцы неописуемым пыткам, в ряде случаев приведшим к смерти истязуемых. Наряду с этим в течение всех этих лет происходит беспрерывное бегство бессарабцев через Днестр на советскую территорию. За годы, прошедшие после оккупации Бессарабии, через Днестр на советскую территорию спаслись бегством многие десятки тысяч человек, не говоря уже о том, что свыше 50 тыс. бессарабцев эмигрировали в Бразилию и многие десятки тысяч бессарабцев рассеялись по всему миру. Число беженцев из Бессарабии на территории СССР в последние месяцы, начиная с января 1932 г., в связи с обострением кризиса и ростом безработицы в Бессарабии особенно возросло. Этот рост беженства из Бессарабии румынская сигуранца хочет скрыть от общественного мнения неистовым криком по поводу перехода через Днестр нескольких спровоцированных сигуранцей молдавских кулаков.

Днестровская кампания приобретает особо специфический характер в связи с тем, что она развернулась вслед за сорокским расстрелом, вызвавшим огромное возмущение широкой общественности не только европейской, но и североамериканской. В Сороках румынская сигуранца захватила на квартирах 5 молодых рабочих, в том числе двух девушек, все в возрасте от 18 до 20 лет. После истязания они были зверски убиты. Чтобы скрыть это преступление, их трупы были брошены на берег Днестра сигуранцей, инсценировавшей таким образом попытку к бегству. После истязания в румынских застенках, оканчивающихся часто смертью, и после расстрела арестованных «при попытках к бегству» румынская сигуранца применяет новый прием—расстрел «при попытке перехода через Днестр». Таковы подоплека днестровских «событий» и целевая установка румынских провокаторов.

Тот факт, что антисоветская кампания в румынской прессе перебросилась на все интервенционистские органы других стран, совершенно отчетливо говорит о широко задуманной акции, направленной против Советского союза. Уши интервентов торчат из-за сенсационных заголовков продажной бульварной прессы. Не случайно на территории Румынии и Бессарабии возрождаются и расцветают белогвардейские офицерские организации, субсидируемые из фондов военного министерства и сигуранцы; не случайно провоцируются пограничные инциденты. Антисоветская кампания, построенная на днестровских провокациях, является одним из элементов нарастающей интервенционистской волны.

По ту сторону Днестра

Обзор печати

(«Правда» от 2 апреля 1932 г.)

Жесточайший кризис потрясает фашистскую Румынию.

> «...Румынские промышленные предприятия пришли в состояние крайнего упадка, а рабочие массы попали под тяжелый жернов обнищания. Особенно большое число жертв зарегистрировала деревообделочная промышленность в некоторых районах Трансильвании, во всей Буковине и в некоторых местах Старого королевства.
>
> Нефтяная промышленность, пострадавшая от общей международной обстановки и конкуренции мирового нефтяного треста, растеряла почти все свои прежние рынки. Следствием было прекращение добычи на ряде промыслов и массовое увольнение рабочих.
>
> Особенно тяжелый и непоправимый удар был нанесен горной промышленности. Большую роль тут сыграла чрезмерная рационализация труда, сделавшая излишним большое количество рабочих рук... В результате—увольнение 25% всех рабочих и технического персонала».

Так подводит итоги 1931 г. кишиневская фашистская румынофильская газета «Бессарабское слово». Отметив далее огромную безработицу, действительные размеры которой румынская официальная статистика тщательно скрывает, та же газета продолжает:

> «И работающим живется не лучше. Большинство их живет на положении полубезработных. На металлургических предприятиях и на шахтах люди теперь работают по сменам, во всяком случае не более 10—15 дней в месяц. В такой же пропорции понижена заработная плата».

Фашистская газета лжет. Она отлично знает, что у нее под боком, в Кишиневе, из четырех металлургических заводов часть закрыта, а часть работает по одному-два дня в неделю, рабочие же получают 50—70 и в редких случаях 100 лей[1] в день.

В другом номере «Бессарабское слово» отмечает, что, сократив деятельность всех учреждений и предприятий,

> «...этот же самый кризис привел к тому, что особенно интенсивно работала... прокуратура».

Оказывается, одна только кишиневская прокуратура выдала за 1931 г. 6 370 мандатов на арест. Недурная статистика белого террора!

> «Огромное число арестов,—указывает газета,—как вошедших, так и не вошедших в эту статистику и произведенных военными властями и сигуранцей, падает на преступления политического характера».

Другая кишиневская, столь же фашистская, газета «Бессарабская почта» без обиняков говорит, что

> «...Кишинев смело может быть назван городом нищих. По статистическим данным, в Кишиневе насчитывается... около 3 тыс. попрошаек. Такого количества нищих в Кишиневе никогда не было».

В других областях, захваченных империалистической Румынией, положение вряд ли многим лучше, чем в Бессарабии. О положении в Добрудже орган добруджанской молодежи в Болгарии «Добруджанске знаме» пишет:

> «При правительстве Иорги—Аржетояну насильственная политика прежних румынских правителей в Добрудже стала еще более жестокой. Налоги еще больше увеличены. Теперь одни только уезды Добрич и Силистрия платят поземельных налогов столько же, сколько вся Болгария—330 млн. левов. Минимальный процент по сельскохозяйственному кредиту в банках—45, но у ростовщиков на местах он достигает 150.

Буковина? О ней свидетельствует депутат румынского парламента проф. Кындя, который, как рассказывает орган реакционнейшей национал-либеральной партии «Виторул» (5 марта), сделал ряд «сообщений» премьер-министру:

> «В горных уездах вследствие полного застоя в торговле лесом сильно выросло количество безработных. Скотоводам угрожает полное разорение. На равнине плантаторы свек-

---

[1] 1 Лея = $1^1/_4$ копейки.

лы, свыше тысячи мелких хозяйств, не имеют никаких надежд на реализацию урожая и на заработок, так как сахарные заводы закрылись и не работают.

Пенсионеры не получают пенсий с декабря прошлого года, чиновники—с ноября, учителя начальных школ—еще с октября».

Почтенный профессор считает создавшееся положение причиной «бандитизма», сильно развившегося в крае. «Целые семьи,—говорит он,—вооружившись револьверами, штыками, саблями, карабинами, охотничьими ружьями, выходят на разбой «на жизнь и смерть». Но особенно беспокоит проф. Кындю то, что на той же почве развивается

«...разрушительное движение против формы государства. Не только в городах, но и в деревнях возникает большое количество коммунистических ячеек. Распространяется литература, призывающая к неповиновению властям, и ведется пропаганда в пользу советского строя».

В унисон буковинскому профессору бухарестская газета «Универсул», штаб-орган румынской сигуранцы (охранки), описывая многочисленные аресты в деревнях Бессарабии, отмечает:

«Судья, ведущий расследование, установил, что революционное движение особенно распространяется в селах, где благодатной почвой является тяжелое положение крестьян по причине кризиса. Судья установил, что на сегодняшний день во всех крупных селах имеются ячейки коммунистов из 3—5 крестьян».

«Тяжелое положение крестьян» нисколько не легче в самом регате, т. е. румынском «старом королевстве». Отражением этого положения является убийственное состояние здоровья крестьянской молодежи. В передовой статье, озаглавленной «Здоровье детей крестьян», газета «Диминяца» (12 марта) останавливается на результатах санитарного обследования нескольких десятков школ, где учатся дети крестьян, и приходит к заключению, что

«...пеллагра, болотная лихорадка, туберкулез и их спутники беспрепятственно продолжают свою разрушительную работу среди населения, которое должно служить основой благосостояния страны».

Бедняцко-середняцкое крестьянство Румынии, как и Бессарабии, вступает на путь революционной борьбы. В тех же «Диминяце», «Универсуле» и других буржуазных газетах все чаще проскальзывают сообщения о стычках крестьян регата с жандармами и перчепторами (сборщиками налогов), об отказе платить долги, о стихийных революционных выступлениях.

Все это разумеется требует подобающих случаю забот со стороны правительства. Орган национал-либералов «Виторул» говорит, что нынешний председатель совета министров Иорга «считает наилучшей формой правления режим кнута». Национал-царанистская «Лупта» добавляет:

«Одно только плохо, что политика кнута не является новой. Она применялась на спине страны и во время нахождения у власти той партии, которая сейчас против этой политики восстает. Десятки лет провинции страны,—все, а не только одна Бессарабия,—находились под каблуком жандарма, под террором осадного положения, чрезвычайных судов и игнорирования прав, предоставленных конституцией».

Так красочно описывает режим террора, царящего в Румынии, «Лупта».

Но увы, и при национал-царанистах, именующих себя крестьянской партией, было нисколько не лучше, чем при либералах до них и при Иорге сегодня.

«Адеверул» (12 февраля) в передовой статье, посвященной расстрелу демонстрации железнодорожников в Бухаресте, пишет, что хотя политические демонстрации, даже с участием министров, и особенно студенческие демонстрации, часто происходят на улицах Бухареста,

«...но все это происходит внутри той же семьи, того же класса. Сейчас на улице появился рабочий... Появился противник, враг, даже человек другого мира, с которым мы не родственники. Можно стрелять...

В сердце столицы полиция проливала кровь в порядке классовой мести. И если в центре Бухареста посылают пули с такой легкостью,—тогда что же происходит на периферии,

на границах, особенно в Бессарабии?»

Газета, близкая по духу к социал-фашистам, довольствуется этим риторическим вопросом, долженствующим, с одной стороны, свидетельствовать о ее «негодовании», а с другой—помочь румынскому фашизму скрыть действительные размеры и характер того, что происходит в Румынии и хотя бы в той же Бессарабии.

Чего стоит например заметка в сугубо антикоммунистической буржуазной кишиневской газете «Наше время» (29 февраля), так и озаглавленная: «Вновь самоубийство в полицейском участке». Изложив фактическую сторону случившегося, газета вспоминает, что

> «...несколько месяцев назад тоже в полиции покушалась на самоубийство Архимович, арестованная по обвинению в принадлежности к коммунистической партии. А вчера повесился Побережец.
>
> ...Почему стены полицейских участков предрасполагают к самоубийству? И можно ли два повторных факта объяснять простой случайностью? По утверждению агентов полиции, Архимович выбросилась из окна вследствие пресыщения жизнью, а вор Побережец,—устыдившись своего преступления, совершенного из-за нужды.

Однако всем известны нравы, царствующие в наших полицейских застенках, и как там обращаются с арестованными».

* * *

Бумага, на которой печатаются румынские газеты, «все стерпит». Поэтому не только после сообщений, подобных приведенным выше, но и прямо рядом с ними эти газеты за последний месяц печатают бесчисленное множество гнуснейших вымыслов о советской Молдавии. Это и понятно. Таким путем румынские газеты пытаются «сбалансировать», отвлечь внимание трудящихся Румынии и Бессарабии от того, что творится в стране, стонущей под ударами кризиса и военно-политического режима.

Вымыслы, сфабрикованные в Бухаресте, немедленно подхватываются падкой на антисоветские выдумки парижской буржуазной печатью.

В парижских газетах 23 марта появилась телеграмма из Бухареста от 22 марта, сообщающая со слов румынских газет, что

> «...советское правительство решило уничтожить (!!) Автономную Молдавскую республику... вследствие крушения политических планов, ради которых она была создана»!!!

А в это самое время в тираспольских газетах опубликовывается речь председателя Союзного ЦИК и ВУЦИК Г. И. Петровского на сессии ЦИК АМССР, состоявшейся 15 марта. В этой речи, подводящей итоги хозяйственного и национально-культурного развития АМССР, отмечающей большие успехи коллективизации и индустриализации советской Молдавии, намечаются наряду с новым этапом в национально-культурном строительстве (переход к латинизации молдавской письменности) также широкий план дальнейшего строительства социалистического сельского хозяйства и больших капиталовложений в индустриальное строительство АМССР, развитие новых отраслей промышленности и т. д.

Антисоветской кампании в Румынии и Франции дает совершенно правильную оценку «Юманите»: это один из шагов в подготовке антисоветской интервенции, в подготовке одного из тех «инцидентов на Днестре», воспользовавшись которыми лакейское правительство Кароля румынского должно будет однажды начать «войну против Советского союза».

И вывод «Юманите» делает следующий: «...Больше, чем когда бы то ни было, необходимо усилить борьбу в защиту социалистического отечества».

Советский союз и Япония

(«Известия» от 4 февраля 1932 г.)

Уже больше пяти месяцев прошло с того момента, как японские войска заняли столицу Манчжурии—Мукден и на Дальнем Востоке начался вооруженный конфликт, принимающий все более широкие размеры. С тех пор не было дня, который не приносил бы нового обострения положения на Дальнем Востоке, не было телеграммы, которая не свидетельствовала бы о чрезвычайно важном значении происходящих событий. Совершенно естественно, что общественное мнение Советского союза с особым вниманием следит за событиями, часть которых развертывается у самых границ СССР.

СССР с первых дней дальневосточного конфликта занял позицию твердого нейтралитета. Симпатии трудящихся Советской страны к китайскому народу, изнывающему под гнетом империалистической эксплоатации, конечно, являются фактором бесспорным. Но это сочувствие к освободительной борьбе китайских рабочих и крестьян ни в какой мере не нарушало той неуклонной линии строгого невмешательства, которая естественно вытекала из общей мирной политики Советского союза. Благодаря этой последовательной позиции советского правительства по отношению к событиям в Манчжурии один за другим рассыпались в прах провокационные антисоветские клеветнические выпады. Достаточно вспомнить судьбу широкой клеветнической кампании о помощи, якобы оказанной Советским союзом генералу Ма, кампании, разоблаченной до конца перед лицом всего мира. Советская политика невмешательства и сохранения мира получила буквально всеобщее признание даже со стороны противников Советской страны. Эта политика, проводимая СССР, получила наконец признание из уст японского министра иностранных дел Иосизавы, подтвердившего в японском парламенте, что японское правительство признает факт соблюдения полного невмешательства со стороны СССР.

Тем не менее мы являемся свидетелями дальнейшего оживления антисоветских интриг в Манчжурии. Мы являемся свидетелями целой системы провокационных мероприятий, значения которых ни в коем случае нельзя недооценивать. У наших дальневосточных границ создается ненормальная обстановка, требующая с нашей стороны серьезного внимания. Иллюстрацией этой нездоровой атмосферы может служить публикуемое сегодня сообщение о заявлении представителя японского министерства иностранных дел. Последний взял в основу своего заявления сообщение японского генерального консула во Владивостоке, который в свою очередь, не имея очевидно иных источников, ссылается на «заслуживающего доверия иностранца». Характер этого сообщения, опирающегося на недобросовестные выдумки, комбинирующего явные измышления, прямо вопиет о его специфических целях. Уже по одному этому нет необходимости опровергать провокационные измышления о том, что в ближайшем времени должно произойти японо-советское столкновение, ибо, по мнению этого «иностранца», «большевики ненавидят японцев», равно как нет надобности разоблачать лживость сообщений о концентрации стотысячной советской армии в районе Владивостока.

Но в настоящий момент нас интересует не только это обстоятельство. Нас интересует более всего тот факт, что японские политики для оценки положения, создавшегося на Дальнем Востоке, черпают материал из отравленных колодцев вместо того, чтобы с должным вниманием относиться к фактам. Эти факты говорят, с одной стороны, о последовательной мирной позиции Советского союза, а с другой—о таком развитии событий, которое должно заставить призадуматься всякого истинного сторонника мира. Тщательный анализ этих фактов, к освещению которых мы сейчас обратимся, показывает, что положение, перед которым стоит на Дальнем Востоке Советский союз, обязывает его к укреплению своей обороноспособности, к защите неприкосновенности его границ, в частности путем соответствующего усиления военных гарнизонов у дальневосточных границ СССР. Этого конечно мы скрывать не собираемся. Советское правительство, ведущее открытую и последовательную мирную политику, не имеет основания скрывать от масс, как оно оценивает положение, сло-

жившееся на Дальнем Востоке. А эта оценка, добросовестный анализ обстановки показывают, что самое меньшее, что обязан сделать Советский союз в данный момент,—это принять все необходимые и возможные меры к защите неприкосновенности своих границ от нападения извне.

В самом деле, разве факты не говорят об этом? Разве на протяжении последних месяцев, недель и дней мы не наблюдаем серьезнейшего нарастания все новых и новых антисоветских провокаций? Нельзя пройти мимо того факта, что весьма ответственные представители японских военных кругов, и не только военных кругов, открыто ставят вопрос о нападении на СССР и отторжении от него Приморья и Забайкалья. Мы располагаем документами, исходящими от представителей высших военных кругов Японии и содержащими планы нападения на СССР и захвата его территории.

В одном из этих документов говорится: «По вопросу о том, следует ли Японии начать войну с Советским союзом или нет, считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского союза, будучи готовой начать войну в любой момент. Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении советским Дальним Востоком и Восточной Сибирью».

В другом документе говорится: «Японо-советская война, принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и положение в иностранных государствах, должна быть проведена как можно скорее. Мы должны осознать то, что по мере прохождения времени обстановка делается все более благоприятной для них. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело бы политику с расчетом, как можно скорее начать войну с СССР».

В том же документе сказано: «Вполне возможно, что, несмотря на нашу стратегию сокрушения и стремление к быстрой развязке, в силу различных условий нам нельзя будет проводить войну в полном соответствии с намеченным планом действий. Возникает чрезвычайной важности вопрос о конечном моменте наших военных операций. Разумеется, нам нужно будет осуществить продвижение до Байкальского озера. Что же касается дальнейшего наступления на запад, то это должно быть решено в зависимости от общей обстановки, которая создастся к тому времени, и в особенности в зависимости от состояния государств, которые выступят с запада. В том случае, если мы остановимся на Забайкальской железнодорожной линии, Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край полностью в состав владений империи. На этой территории наши войска должны расположиться в порядке военных поселений, т. е. на долгие времена. Мы должны быть готовы к тому, чтобы, осуществив эту оккупацию, иметь возможность выжидать дальнейшего развития событий. В виду того, что Японии будет трудно нанести смертельный удар Советскому союзу путем войны на советском Дальнем Востоке, одним из главнейших моментов нашей войны должна быть стратегическая пропаганда, путем которой нам нужно будет вовлечь западных соседей и другие государства в войну с СССР и вызвать распад внутри СССР путем использования белых групп внутри и вне Союза, инородцев и всех антисоветских элементов. Нынешнее состояние СССР весьма благоприятно для проведения этих комбинаций».

Наконец еще одна выдержка в том же духе: «Рассматривая общее состояние страны, можно заключить, что в настоящее время СССР не в силах вести войну. Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы наша империя приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР (Польша, Румыния), имеют возможность сейчас выступить согласованно с нами, но эта возможность постепенно будет ослабевать с каждым годом».

Содержание этих документов, быть может, и можно рассматривать как изложение личного мнения их авторов. Но эти авторы агрессивных планов являются слишком ответственными людьми, чтобы даже их личное мнение не имело серьезного политического веса и не побуждало относиться с необходимой бдительностью и внимательностью ко всему происходящему у наших дальневосточных границ.

Ни один беспристрастный политик не может игнорировать симптоматическое значение того факта, что в продолжение

двух месяцев японское правительство не сочло нужным дать ответ на советское предложение о заключении пакта о ненападении.

Чрезвычайно характерными являются также антисоветские происки в Японии в связи с вопросами рыболовства. Кампания, поднятая весьма влиятельными японскими кругами, связана по существу с рыболовной конвенцией лишь постольку, поскольку она явно имеет своей задачей взорвать эту конвенцию, строгое соблюдение которой советское правительство считало и считает абсолютно необходимым. Эта кампания ничего общего с вопросом рыболовства не имеет, а является выражением агрессивных планов тех японских кругов, которые хотели бы свободно хозяйничать в дальневосточных водах и осуществить еще более «широкие завоевательные планы».

Ясно также и то, что вдохновители японской политики в Манчжурии не могут снять с себя ответственности за антисоветскую работу воспрянувших духом белогвардейцев. Японские правящие круги при всей своей подчеркнутой «неосведомленности» о работе белоэмигрантов в Манчжурии не сумеют, мы полагаем, отрицать того факта, что деятельность белогвардейцев оживилась именно после оккупации Манчжурии японскими войсками и разрастается по мере укрепления в Манчжурии японского влияния. Можно было бы привести бесконечное множество указаний на тот факт, что агрессивная работа белогвардейцев в Манчжурии непосредственно связана с японской оккупацией.

Нечего говорить, что об этом с полной откровенностью пишут сами белые эмигранты. О роли Японии, как покровительницы антисоветской работы белогвардейцев, читаются доклады буквально во всех эмигрантских организациях Парижа. Еще в январе «Возрождение» писало: «Японские деятели многократно подчеркивали, что на русских, враждебно настроенных по отношению к СССР, они возлагают исключительные надежды». Связь японских планов с антисоветскими происками белогвардейцев неоднократно подчеркивают и иностранные наблюдатели. Так например в конце января «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Тот факт, что белогвардейцы с энтузиазмом приветствовали приход японцев в Харбин, наводит на мысль, что Япония дала тайные обещания этим, не теряющим надежды людям». Парижский корреспондент немецкой газеты «Берлинер берзенцейтунг» сообщил 28 февраля: «Белогвардейцы достигли очень многого: создан новый опасный очаг волнений на советской границе». Можно наконец привести и отзыв официозной дайренской японской газеты «Мансю-Ниппо», которая подчеркивала, что «белогвардейское движение с момента организации нового правительства в Манчжурии чрезвычайно оживилось».

Таковы факты, трезвая оценка которых говорит об усилении агрессивных против СССР тенденций в Манчжурии, занятой Японией. Таковы факты, которые требуют бдительности и необходимых мер по защите территории СССР от попыток вторжения извне.

Мирная политика СССР не есть политика игнорирования фактов. Мы неоднократно показывали, что Советский союз на провокации не поддается, что вместе с тем СССР умеет во-время раскрывать и разбивать подготовляющиеся против СССР провокации. Советское правительство вело, ведет и будет продолжать вести твердую политику мира и политику невмешательства в происходящие в Китае события. Но это ни в коем случае не означает, что Советский союз позволит кому бы то ни было нарушить неприкосновенность советских границ, вторгнуться в его пределы и захватить хотя бы малейшую часть советской земли.

«Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли ни одного вершка своей земли, не отдадим никому».

С. Бранд.

Франция и Япония на Дальнем Востоке

(«Снабжение, кооперация и торговля» от 21 марта 1932 г.)

Позиция французского империализма по отношению к японской авантюре в Китае определилась совершенно недвусмысленно с первых дней захвата Манчжурии. Связанная с правительством и с тяжелой индустрией печать с самого начала дальневосточных событий без всяких колебаний стала на сторону Японии. Роль дирижера в этом хорошо сыгравшемся оркестре по справедливости принадлежит «Тан», газете, акции которой вкупе со всем редакционным штабом два года тому назад перешли к Комитету горнопромышленников (Комитэ де Форж) и которая в то же время остается признанным официозом французского министерства иностранных дел.

Правда, в первые дни после оккупации японскими войсками Мукдена и Цицикара некоторые газеты пытались было робко возражать против действий японской военщины и даже выражали надежду на то, что Лига наций остановит оккупацию. Но и этот либеральный лепет вскоре почти совершенно умолк как по мановению волшебного железа. Впрочем, теперь, после разоблачений женевской газеты «Травай», мы знаем, что дело здесь было не столько в волшебстве, сколько в десяти миллионах франков, распределенных из фондов Франко-японского банка между парижскими редакциями.

Но все это еще не дает исчерпывающего объяснения, почему французский империализм решил выступить в качестве союзника Японии на Дальнем Востоке. В самом деле, захват японцами Манчжурии, нападение на Шанхай и на другие экономические центры внутреннего Китая угрожают «интересам» французского капитала так же, как и интересам буржуазии других стран.

Точного подсчета французских капиталов, вложенных в народное хозяйство Китая, не существует. По данным, приводимым нью-йоркским профессором Ремером, в 1929 г. в Китае было зарегистрировано 181 французское предприятие (американских — 574, английских — 682). Кроме того французские капиталы совместно с английскими и американскими работают в крупных банках Китая («Сентраль Бенк оф Чайна», «Бенк оф Чайна» и др.). Казалось бы, что в этих условиях французская буржуазия совершенно не заинтересована в поддержке японской вооруженной интервенции, парализующей всю хозяйственную жизнь Китая.

Поэтому вполне естественными представляются тревожные заявления, с которыми обращается к французскому правительству еженедельник «Эроп Нувелль», один из немногих буржуазных органов, сохранивший некоторую самостоятельность мнений в этом вопросе:

> «Франция меньше любой другой страны может закрывать глаза на грозящую ей опасность. Прежде всего потому, что ее интересы и вложенные ею в китайское хозяйство капиталы превосходят интересы и капиталы любой другой страны, за исключением Японии. Затем потому, что японский экспорт в Китае является сильным конкурентом экспорта Франции и ее колоний; в то же время торговые сношения Франции с Японией имеют ничтожные размеры и выказывают тенденцию к сокращению. Нетрудно представить себе, во что превратятся французские интересы, если Китай станет вассалом Японии. И наконец все эти интересы отступают на задний план по сравнению с проблемой экономической и политической защиты нашего Индо-Китая».

Эти опасения открыто разделяются однако только немногими буржуазными органами печати (либеральный «Эвр», консервативный «Журналь де Деба»). Вся остальная французская печать либо молчит, либо с пеной у рта защищает японские «законные права на самозащиту».

Германская и американская печать пытается разрешить это противоречие между непосредственными интересами французского капитала и официальной политикой французского правительства предположением о существовании тайного франко-японского соглашения.

«Позиция официальной Франции,—пишет парижский корреспондент американского еженедельника «Нейшен»,—представляется непонятной без гипотезы франко-японского соглашения».

Эта «гипотеза» подтверждается целым рядом фактов и авторитетных утверждений, показывающих, что франко-японский сговор—вне зависимости от того, зафиксирован ли он в каком-либо документе—существует и существует далеко не со вчерашнего дня.

В международной печати не раз утверждалось, что еще летом 1931 г. Япония получила от Франции заем в 500 млн. фр. Заем этот не был, как обычно, размещен через банки, а взят из средств «Кассы займов и консигнаций»—особого института при министерстве финансов, созданного для управления фондами, предназначенными на социальное страхование. Деньги были выплачены через посредство франко-японского банка. Далее, 250 млн. фр. Япония получила через частные банки—«Банк де Пеи дю Нор», «Банк де л'Юнион Паризьен» и «Юнион Эропеен Эндюстриэль э Финансьер».

Мы выписали полностью эти названия банков, потому что их участие в японских займах придает всей операции совершенно особый характер.

Что представляет собой Франко-японский банк? Председателем наблюдательного совета этого банка состоит Шарль Дюмон, бывший в начале японского выступления в Китае морским министром Франции и официальным делегатом на женевской конференции по разоружению. Но для характеристики японской заемной операции, пожалуй, важнее всего то обстоятельство, что Франко-японский банк фактически контролируется небезызвестным ШШнейдером-Крезо, главой крупнейшего мирового треста военной промышленности и председателем комитета горнопромышленников Франции.

Далее, среди руководителей Франко-японского банка следует отметить зятя Шнейдера, графа Сен-Совер и нашего старого знакомца Мориса Палеолога, бывшего французского посла в Петербурге, одного из видных вдохновителей интервенции против СССР и «высокого покровителя» парижской белоэмигрантщины. Остальные названные нами банки также контролируются Шнейдером-Крезо через посредство его агентов—Сен-Совера и Палеолога. Последний из упомянутых выше банков—«Юнион Эропеен» был создан Шнейдером специально для финансирования многочисленных трестов военной промышленности, в той или иной мере связанных с его концерном (цехословацкий трест Шкода, военные заводы в Польше, Румынии, Венгрии и Югославии).

Для каких же целей получила Япония деньги от Франции? Ответом на это может служить тот общеизвестный теперь факт, что с начала августа 1931 г., т. е. за 6 недель до внезапного нападения японских милитаристов на Мукден, заводы Крезо были полностью загружены срочным выполнением военных заказов для Японии.

Германская пресса упоминает и еще об одном характерном событии 1 сентября 1931 г., т. е. за две с половиной недели до захвата Мукдена, в официальном журнале французского военного министерства «Ревю милитер Франсэз» появилась обширная статья, разбирающая с военнтехнической стороны оккупацию Манчжурии японскими войсками.

Этих фактов совершенно достаточно, чтобы с полной ясностью убедиться в реальности франко-японского сговора в дальневосточной политике. В данном случае не имеет значения, был ли подписан соответствующий договор, существование которого французское правительство категорически опровергает, или правительства обеих империалистических стран обошлись без формального документа. Очевидно одно: еще задолго до своей манчжурской авантюры Япония обеспечила себе политическую и материальную поддержку французского правительства.

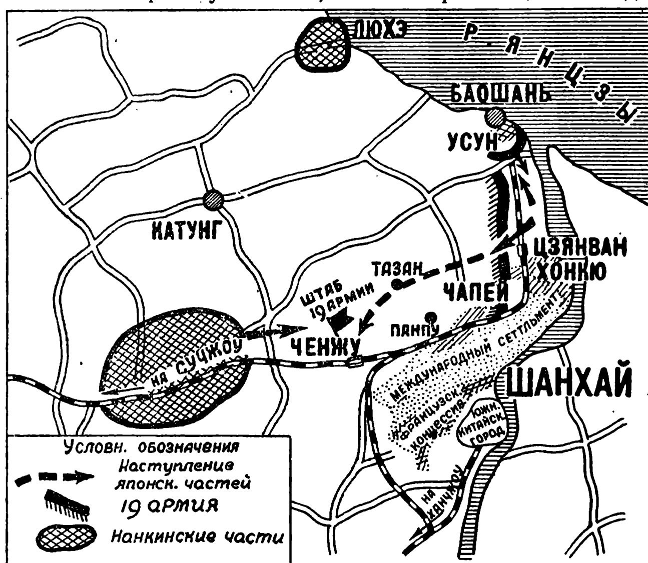
В цепи этих сопоставлений остается пока неясным лишь один вопрос, а именно: в обмен на что французская буржуазия пошла на известный материальный ущерб, причиненный ей бомбардировкой Шанхая и длительным параличем китайской внешней торговли.

По этому поводу германская и американская печать высказывает совершенно однородные предложения.

«Утверждают,—пишет в общем хорошо осведомленный берлинский либеральный еженедельник «Вельтбюне»,—что

Франция предоставила Японии свободу действий в Манчжурии в обмен за вполне определенную помощь японского делегата в Гаагском международном трибунале еще во время обсуждения вопроса об австро-германском таможенном союзе... Есть также указания, что Япония обещала Франции свою поддержку на конференции по разоружению».

Уже цитированный нами нью-йоркский «Нейшен» пишет: «В Париже указывают, что Япония обещала свою поддержку французской политике на конференции по разоружению. Но это объяснение,— продолжает журнал,—кажется нам недостаточным. Гораздо более вероятно, что Франция готова признать японское господство в Китае с тем, чтобы не допустить советского влияния на Китай. И если выступление Японии приведет к войне между Японией и СССР и следовательно к перерыву в работах по осуществлению пятилетнего плана, это обстоятельство, по всей вероятности, не вызовет особых сожалений в Париже».



Эта «догадка» американского буржуазного публициста является единственным реальным объяснением солидарности японского и французского империализма на Дальнем Востоке. Парижские промышленники и банкиры уже давно с тревогой смотрят на охваченный революционным брожением Индо-Китай. Французское правительство посылает в Аннам, Камбоджу, Кохинхину и Тонкин карательные отряды, оно покрыло весь Индо-Китай тюрьмами и виселицами, но, несмотря на немалые жертвы людьми и золотом, оно не может остановить бурного роста движения, направленного против империалистического гнета: Французские колонизаторы хорошо знают, что движение в Индо-Китае тесно связано с революционным движением на юге Китая (французская колония Тонкин непосредственно граничит с Юннанем), и их ненависть к китайской революции и к СССР естественно толкнула их к сближению с японской военщиной. Недаром еще в начале манчжурской кампании начальник французского генерального штаба, пресловутый генерал Вейган, произнес облетевшую всю прессу фразу: «Это выступление усиливает позицию цивилизации на Востоке против большевизма».

Фактический союз французских и японских империалистов является естественным следствием общности их политических целей. Япония, вооруженная шнейдеровскими пушками и снабженная золотом французских налогоплательщиков, призвана играть на Дальнем Востоке ту же жандармскую роль по отношению к СССР, как очагу мировой революции, которую французский капитал стремится обеспечить себе в Европе.

Вл. А—ев.

Антияпонский бойкот в Китае и его результаты

(«Правда» от 12 февраля 1932 г.)

В нападении на Шанхай, в бомбардировке Нанкина, Усуна, Чапея известную роль сыграло стремление японцев вооруженной рукой задушить антияпонский бойкот.

Бойкот японских товаров с некоторыми перерывами происходил и до начала манчжурских событий. Но широкий размах движение получило лишь начиная с 19 сентября прошлого года, когда японские войска заняли Мукден.

Надо при этом отметить, что гоминдан с самого начала выступил против бойкота. Десятки раз нанкинские власти издавали всевозможные приказы против бойкота. Они не без основания опасались, что движение перерастет экономические рамки, уйдет из-под контроля торговых и коммерческих палат и превратится в массовое движение и против империалистов, и против их прислужников — гоминдановцев.

Нанкинское правительство, как и во всем, прислушивалось к голосу империалистической печати Шанхая, требовавшей «бойкотировать законными путями» и «не допускать эксцессов». Студенческая агитация, митинги и лекции разгонялись полицией сетльмента, а на китайской территории—гоминдановской полицией. Агитационная бойкотистская литература и плакаты срывались. Работники бойкотистских организаций и пикетчики арестовывались и избивались гоминдановской полицией и властями держав.

Но бойкотистское движение пустило глубочайшие корни. Оно охватило всю территорию громадного Китая, и рушило и дезорганизовало всю коммерческую и промышленную деятельность японских фирм, работающих на китайском рынке и японских фабриках, находящихся в Китае. Удар, нанесенный массовым бойкотом японским империалистам, оказался гораздо чувствительней всех тех «ударов», которые «нанесли» Японии нанкинская дипломатия и гоминдановские армии.

Ниже мы приводим лишь некоторые итоги бойкота, заранее оговариваясь, что данные эти далеко не полны, так как основаны на газетных сообщениях. Кроме того, эффект бойкота на многих отраслях торговли и промышленности полностью еще не сказался.

* * *

Бойкот прежде всего ударил по японской текстильной промышленности, для которой Китай является главным рынком. Импорт японского текстиля в Китай является крупнейшей статьей дохода Японии. Ныне вся импортная торговля замерла.

В сентябре прошлого года из Японии в Китай было ввезено текстиля на сумму 4 266 тыс. иен. В октябре—на 1 555 тыс. В декабре импорт приостановился.

Следующая таблица показывает, в каких размерах пал ввоз текстиля из Японии в Шахнай:

Ввезено	в июле	прошл. года	650 756	тон
»	» августе	»	908 128	»
»	» сентябре	»	680 629	»
»	» октябре	»	229 091	»
»	» ноябре	»	13 130	»

(1 тан равняется приблизительно 24 ярдам[1])

Шанхай является крупнейшим перевалочным пунктом, откуда японский текстиль переотправляется во все части Китая. В 1930 г. одного текстиля было переотправлено на сумму 533 024 тыс. иен. В 1931 г., благодаря $3^1/_2$ месяцам бойкота, переотправлено текстильных товаров всего на 117 430 тыс. иен.

Японские текстильные фабрики Шанхая попытались экспортировать текстиль на острова Южных морей. Эти попытки потерпели неудачу, так как преобладающее здесь китайское население бойкотировало японские товары. Столь же неудачна была попытка экспортировать текстиль в Манчжурию, так как японские фабриканты в Манчжурии и Циндао подняли крик о демпинге и обратились к правительству за помощью против... шанхайских собственников японских фабрик!

Тем не менее экспорт текстиля и пряжи из Шанхая в Манчжурию увеличился в больших размерах, как видно из следующего (см. вывод на стр. 127):

[1] Ярд — $^9/_{10}$ метра.

Экспортировано тюков

В сентябре 1930 г.	1 002
» октябре 1930 »	679
» ноябре 1930 »	272
» сентябре 1931 »	1 232
» октябре 1931 »	1 959
» ноябре 1931 »	4 660

Токийские и осакские текстильные фабриканты нажимают на токийское правительство. С другой стороны, на него давят шанхайские фабриканты.

А пока около 200 тыс. тюков хлопчатобумажного товара, изготовлено на шанхайских фабриках, принадлежащих японским компаниям, лежит без движения.

Но текстилем бойкот не ограничивается.

Среди стран, импортирующих в Китай предметы химической промышленности, Япония всегда занимала первое место.

В 1927 г. Япония поставила в Китай 85,9% всего ввоза химических продуктов, в 1928 г.—91,2% и в 1929 г.—90,2%. Точных сведений за 1931 г. пока не имеется, но предварительные данные говорят о том, что ввоз сократился на одну треть. На этом выиграла главным образом Германия, значительно увеличившая в 1931 г. ввоз продуктов химической промышленности.

Отчасти благодаря бойкоту образовалось несколько китайских химических предприятий.

Под давлением бойкота (и лишь отчасти вследствие демпинга шведских спичек) обанкротилась крупнейшая спичечная фабрика, принадлежащая японской компании «Жусан» в Шанхае. Ввоз японских спичек за один лишь октябрь сократился на 10 280 ящиков.

Громадное сокращение сбыта японских спичек отмечено также и в Гонконге, Пенанге, Филиппинах, островах Южных морей и т. д., т. е. во всех тех частях Тихого океана, где преобладает китайское население. Это заставляет японскую спичечную промышленность забрасывать спичками свои собственные рынки (импорт спичек в Формозу увеличился в 10 раз, в Корею—в 3 раза), всюду снижая цены, развивая бешеную конкуренцию и все же постепенно сокращая производство.

В 1918 г. Япония ввозила в Китай (кроме Шанхая) около 1 500 тыс. *т* угля. В Шанхае ежегодно потребляется 3 700 тыс. *т* угля, из которых 44% поставляют японские фирмы (из Манчжурии и др. угольных копей в Китае). В ожидании бойкота в сентябре было завезено 2 млн. *т* японского угля. С октября вся китайская промышленность Шанхая прекратила потреблять японский уголь, вследствие чего 60 угольных пароходов лишь двух фирм (Митсуй Бушен и Митсуй Биши) стоят в порту без движения. В октябре в Шанхай было ввезено лишь 50 тыс. *т* японского угля.

Японская печать указывает, что японские угольные компании потеряют в течение года 26 млн. иен.

Одновременно с этим отмечается рост потребления китайского угля и следовательно рост добычи на китайских шахтах, а также привоз угля из-за границы (островов Южных морей, Суматры, Явы и т. д.).

Все пароходные линии, работающие как на реках Китая, так и между китайскими морскими портами и между Китаем и Японией, терпят колоссальные убытки. Не желая уступать «поле действия» конкурентам (английским, американским и китайским фирмам), японские пароходные компании поддерживают рейсы, но большинство пароходов идет порожняком.

Согласно сведениям Союза японских капитанов и моряков, японские торговые суда с общим водоизмещением в 700 тыс. *т* в китайских водах, 170 тыс. тоннажа—в бассейне Тихого океана и 120 тыс. тоннажа, обслуживающего ранее сообщение между Индией, островами Южных морей и Японией, ныне бездействуют.

21 пароход фирмы «Дайрен Кисен Кайша» с общим тоннажем в 70 тыс. *т* стоит в портах, 17 пароходов фирмы «Ниппон Кисен Кайша» бездействуют.

Согласно сведениям уже упомянутого Союза, три японские фирмы: «Ниппон Кисен Кайша», «Осака Чосен Кайша» и «Ниппон Юшен Кайша», потерпели с 20 сентября по 14 декабря 1931 г. 18 020 тыс. иен убытка.

Фирмы «Дайрен Кисен Кайша» и «Митсуй Бушен Кайша» за это же время понесли убытков на сумму в 37 800 тыс. иен.

На складах Шанхая и других портовых городов находится 800 тыс. *т* японских товаров на сумму в 150 млн. иен, привезенных из Японии и не находящих сбыта вследствие бойкота. В эти данные не входят десятки, если не сотни тысяч тонн товаров, находящихся на складах Японии и

не могущих быть отправлёнными в Китай.

У китайских купцов в одном лишь Шанхае скопилось японского товара на 85 млн. шанхайских долларов, не могущего быть пущенным в обращение, так как товар опечатан антияпонскими обществами, следящими, вопреки приказам Нанкина, за тем, чтобы его не продавали. Уже заказанный китайскими торговцами товар на сумму в 75 млн. шанхайских долларов ими не принимается.

Свыше 270 тыс. бочек сахара скопилось на складах Шанхая, не находя себе покупателей.

Ввоз продуктов моря (рыба, трепанги, крабы, растения и др.) сократился на 10 млн. шанхайских долларов, на складах гниют товары, оцениваемые в 4 500 тыс. долл.

Ежемесячно Япония ввозила в Китай игл на сумму 600 тыс. долл. В сентябре ввоз пал до 400 тыс. долл., в октябре ввезено лишь на 20 тыс. долл., а в декабре ввоз прекратился вовсе.

Ввоз леса, резины, бумаги, электроматериалов, риса, пшеницы совершенно прекратился. На складах Шанхая лежит без движения японская бумага на 2 500 тыс. долл. Японские торговцы надеются и не без основания, что гоминдановская печать и гоминдановские издательства ее приобретут.

Из 150 мелких и средних японских промышленных предприятий в Шанхае 90% прекратили работы. Сейчас закрываются также крупные заводы и фабрики. Положение японских промышленных предприятий в Тяньцзине и Ханькоу приблизительно таково же. В Ханькоу крупнейшая японская текстильная фабрика «Тай Ай» закрыта.

Большинство японских купцов в верховьях Янцзы (Ченду, Чункин, Вансиен и др. города) вынуждено было закрыть свои торговые предприятия и возвратиться домой, так как китайское население не только прекратило у них покупать, но и перестало им продавать даже съестные продукты. Все японские купцы в провинциях Хубее и Хунани и в городах Цзюцзян, Уху, Дайе, Анцин и Нанкин прекратили торговлю.

В общей сложности 800 японских купцов в городах Китая (кроме Шанхая) закрыли свои лавки к ноябрю. В декабре прекратили торговлю японские купцы в Сватоу, Кантоне, Фучжоу, Венчжоу, Сучоу и ряде более мелких городов.

Вся японо-китайская торговля сократилась в катастрофических размерах, как видно из следующей официальной таблицы:

Районы	1930 г.		1931 г.		% сокращения	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
	В миллионах иен					
Манжурия	122	167	94	121	22	7
Северный Китай	79	52	49	48	—37	— 7
Центральный	147	65	82	50	—44	—23
Южный Китай	57	—	37	—	—35	—
Всего	405	284	262	219	—35	—23

По отдельным товарам японо-китайская торговля сократилась следующим образом:

Экспорт в Китай

	В 1930 г.		В 1931 г.	
Хлопковые ткани	114 353 000	иен	55 064 000	иен
Сахар	25 272 000	»	12 375 000	»
Бумага	23 258 000	»	15 039 000	»
Морские продукты	12 992 000	»	5 061 000	»
Уголь	16 402 000	»	8 748 000	»
Машины	10 560 000	»	8 394 000	»
Железо	7 573 000	»	4 609 000	»
Хлопковая пряжа	5 629 000	»	923 000	»
Шелковые ткани	5 389 000	»	2 901 000	»
Гончарная посуда	3 064 000	»	1 119 000	»

Импорт из Китая

		В 1930 г.		В 1931 г.	
Сои	на	47 997 000	»	26 535 000	»
Прес. бобов	»	65 154 000	»	37 572 000	»
Угля	»	26 610 000	»	15 936 000	»
Хлопка-сырца	»	21 985 000	»	11 641 000	»
Отрубей	»	10 893 000	»	6 072 000	»
Руды	»	8 450 000	»	3 672 000	»
Чугуна	»	7 410 000	»	5 162 000	»

Бойкот нанес тяжелый удар японскому капитализму (что видно из приведенных цифр) как в собственном Китае и Манчжурии, так и в странах Тихоокеанского бассейна. Размах и сила действия бойкота объясняются конечно не «патриотизмом» китайской буржуазхх, а тем, что бойкот проводится миллионными массами Китая вопреки приказам

гоминдана, невзирая на гоминдановский террор.

Для японской буржуазии удары бойкота тем более чувствительны, что другие державы, и в первую очередь Германия, Англия и Америка, использовали бойкот, чтобы вытеснить японский капитал с позиций, завоеванных им в Китае и особенно в долине Янцзы, в южных и центральных провинциях Япония пытается ответить тем, что постепенно закрывает манчжурский рынок для этих стран.

Бойкот приводит таким образом к усилению конкуренции и борьбы за рынки между империалистами и толкает японские промышленные круги на авантюры, дабы «ввести мир в Китае» и «прекратить бойкот».

Японский империализм очутился в тяжелом положении благодаря военному нападению на Китай. Ныне он пытается огнем и мечом открыть дорогу своим изделиям в Китай. Но развалины Чапея вряд ли будут «стимулировать» японо-китайскую торговлю.

«Систематически ведя борьбу с попытками всех и всяких провокаторов войны на Дальнем Востоке и разоблачая их шаг за шагом, Советский Союз, верный своей антивоенной политике, будет и впредь со всей настойчивостью проводить политику мирных отношений»

(Молотов)

И. ЕРУХИМОВИЧ

Женева и Версаль

(«Правда» 29 января 1932 г.)

(К предстоящей конференции по разоружению)

I

Дух Версаля готовится к очередному перевоплощению в Женеве! Снова, как двенадцать лет назад в Версале, в Женеве встретятся победители и побежденные, бывшие союзники и будущие противники. И они разойдутся ни с чем. Ибо противоречия, приведшие к войне и к Версалю, конечно, ни в какой степени не могут быть и не будут разрешены в Женеве.

Две группы империалистических противоречий дадут о себе знать немедленно после открытия конференции: противоречия между бывшими союзниками и противоречия между победителями и побежденными.

Особенности этих двух групп противоречий заключаются в том, что первая проистекает из борьбы между преимущественно морскими империалистическими державами. Вторая—из борьбы вокруг сухопутных вооружений.

Германская буржуазия прежде всего заинтересована сейчас в обеспечении своих западных, а также и восточных границ от угрозы с суши и с воздуха, хотя и она не думает отказываться и от морских вооружений в будущем. Что касается Австрии, Венгрии и отчасти Болгарии, то для них вообще не существует проблемы морских вооружений, поскольку первые две страны не имеют морских границ, а третья—Болгария—при всем своем желании не в состоянии создать большую морскую силу. Таким образом, основными и исходными пунктами линии поведения побежденных стран будет борьба за изменение тех параграфов Версальского договора, которые создали в Европе две неравноправные группы стран.

Но именно этого не хотят допустить «блюстители Версаля».

Правда, в самом лагере победителей и даже в лагере «блюстителей Версаля» имеется достаточно своих собственных противоречий. И все же версальской системе конечно не грозит опасность на Женевской конференции. Это объясняется многими причинами, из которых здесь должны быть отмечены две.

Первая причина заключается в том, что версальская система чрезвычайно благоприятствует подготовке господствующих империалистических держав к войне за новый передел мира, к интервенции, благоприятствует борьбе с революционным движением. Вторая причина заключается в том, что в Европе имеется достаточное количество крупных и малых государств, чрезвычайно заинтересованных в непрерывном увеличении вооруженных сил.

Хотя господин Бенеш и назначен, как сообщалось, главным докладчиком на конференции по разоружению, это не меняет того факта, что чехо-словацкой буржуазии, интересы которой будет представлять в Женеве Бенеш, меньше всего к лицу роль миротворца. Чехо-Словакия является подлинным арсеналом капиталистической Европы. Заводы Шкода и другие оружейные заводы требуют войны и работают на нее. Но Шкода—это только филиал французской оружейной компании Шнейдер-Крезо. Чехословацкая буржуазия работает по строго разработанному (кем?) плану: она посылает одних своих дипломатов, например Бенеша в Женеву болтать о мире, а в это время другие дипломаты вроде Ванека пытаются устраивать провокационные покушения, дабы вызвать вой-

ну! Здесь сказывается влияние версальской школы!

В сохранении версальской системы оказываются весьма заинтересованными и американские империалисты, которые, как известно, не подписали Версальского договора. САСШ, толкающие мир к новым войнам, содействовавшие и содействующие разжиганию войны на Дальнем Востоке, несомненно будут пытаться в Женеве оживить антисоветские планы. Американская делегация в Женеве предполагает держаться «в стороне» от боев между победителями и побежденными. Американский империализм не хочет связывать себе руки. Но в то же время, стремясь создать почву для «взаимопонимания» с французскими империалистами, он очевидно не будет настаивать на пересмотре Версальского договора, не будет поддерживать в этом смысле побежденные страны.

Едва ли нужно доказывать, что когда империалисты говорят о разоружении, они имеют в виду дальнейшую свободу вооружений для себя. Понятие «разоружение» даже официально толкуется империалистами только как «ограничение вооружений». Отсюда один шаг до тезиса о «стабилизации вооруженных сил», ибо все империалистические страны уверяют сейчас, накануне конференции, что ограничение вооружений ими уж произведено.

Этот тезис о стабилизации вооруженных сил направлен, во-первых, против СССР—единственной страны, отстаивающей дело мира, и, во-вторых, против вообще менее агрессивных, более слабых, и в частности против побежденных в мировой войне стран.

II

Господствующие классы капиталистических стран пытались обмануть историю, когда они, разоружая своих поверженных в прах противников, торжественно и с подобающим лицемерием обязались ограничить свои вооруженные силы. Никто из них конечно не принимал и не принимает всерьез эти торжественные обязательства. Еще менее они склонны их выполнять.

Можно заранее сказать, что германская дипломатия, добиваясь равноправия Германии с другими державами, не найдет в Женеве влиятельных сторонников среди делегатов капиталистических стран. Об этом свидетельствуют предварительные официальные заявления, сделанные почти всеми основными империалистическими державами. По какой линии пойдут противоречия между державами-победительницами в мировой войне?

Великобритания потребует уничтожения воздушного и подводного флота и ограничения тоннажа всех классов надводных кораблей, чтобы закрепить превосходство своих сил на море.

САСШ, стремясь перегнать Англию в области морских вооружений, отвергают «принцип Великобритании» и требуют лишь установления достаточно больших норм для всех классов военных кораблей, настаивая на безусловном сохранении подводных и воздушных сил.

Что касается Франции и Японии, то они потребуют неограниченной свободы вооружения во имя своей так называемой «безопасности».

За исключением фашистской Италии, имеющей свои особые счеты с империалистической Францией, ни одна из решающих капиталистических держав не упоминает даже в своих официальных заявлениях о необходимости сократить сухопутные вооруженные силы, которыми больше всего богата капиталистическая Европа, в первую голову империалистическая Франция и ее союзники. Основные бои между империалистами начнутся лишь тогда, когда конференция дойдет до морских вооружений.

Версаль даже в своем женевском перевоплощении означает подготовку новой войны за передел мира. Это понимают конечно и империалисты побежденных стран, которые также желают принять «равноправное» участие в предстоящей борьбе.

«Для того, чтобы обеспечить мир,— писал недавно официоз венгерского фашизма «Пестер Ллойд»,—необходимо, чтобы во взаимоотношениях между народами появился новый дух, достаточно искренний и способный пренебречь догмой святости последних мирных договоров».

На святости версальских параграфов однако настаивают именно французский империализм и его союзники. «Пестер Ллойд», а заодно и дипломатия побежденных стран немедленно получили недвусмысленный ответ, по-солдатски прямолинейный, от органа французского генштаба «Франс Милитэр».

Редакторы этой газеты пишут на своем особом жаргоне, нисколько непохожем на лощенный язык французских дипломатов: «Лига наций, еще крепче заколачивая гвозди в крышку версальского гроба, не имеет никакого морального авторитета. Она одна не в состоянии заставить относиться с уважением тех, кто желает нарушить договоры 1919—1920 гг. Ей нужен жандарм. Таким жандармом, хотят этого или не хотят, является французская армия. Абсурдно думать об ограничении вооружений, единственным результатом которого было бы открытие дверей для войны».

Французский империализм предпочитает держать свои двери на крепком запоре. Но одновременно он не отказывается от того, чтобы суметь свободно проникнуть в чужой дом. В этом собственно и заключается весь смысл знаменитого французского тезиса о «безопасности».

Этот тезис стоит того, чтобы остановиться на нем подробнее.

III

Что представляет собой тезис о «безопасности» в том виде, как он толкуется французским меморандумом о разоружении, представленным секретариату Лиги наций? В сущности он состоит из трех положений:

Во-первых, французский империализм «считает своим долгом» предупредить создателей существующего порядка в Европе, что в их общих интересах сделать все необходимое, что способно «предотвратить нападение нарушителей мира с востока и с северо-востока» и отбить такое нападение, если оно все же будет иметь место.

Во-вторых, меморандум, основываясь на статье 8-й устава Лиги наций, указывает, что каждая страна должна располагать необходимым вооружением для того, чтобы суметь обороняться от нападения до тех пор, пока другие участники Лиги наций придут на помощь. В настоящее время, указывает дальше меморандум, подобное совместное выступление против нарушителей мира мало вероятно. Поэтому сама Франция должна прежде всего озаботиться о своей безопасности.

В-третьих, «при определении безопасности каждой нации» должны быть учтены географическое положение и специальные условия каждой страны. Должно быть учтено также то, что «границы Франции необычайно растянуты и открыты для нападения».

Мы рассмотрим эти три основных положения французского меморандума в обратном порядке, и тогда станет ясным, что представляет собой по существу тезис о «безопасности».

Географическое положение Франции, если рассматривать ее как плацдарм, на котором действуют вооруженные силы французского империализма, исключительно благоприятно.

Из 5 604 *км* границ Франции 2 830 *км* занимают морские границы, которые охраняются мощным флотом. Из остальных 2 774 *км* сухопутных границ 1046 *км* пролегают по горам (на итальянской и швейцарской границах—Альпы, на испанской—Пиринеи), которые сами по себе являются великолепным естественным препятствием. К тому же проходы в этих горах, особенно в Альпах, за последние годы сильно укреплены и в случае войны практически недоступны для наступающей армии.

«Открытыми» считаются германская (восточная) граница, занимающая 864 *км*, и бельгийская, занимающая примерно столько же. Но со стороны Бельгии—своего союзника—французскому империализму ничего не угрожает. Остается таким образом наиболее «уязвимый» участок восточной границы—германской. Но, во-первых, позади пограничной линии здесь также находятся горные кряжи—Вогезы и Ардены. Кроме того нынешняя восточная граница Франции представляет собой поистине гигантскую великую стену крепостей, тянущихся на протяжении 1 728 *км*! Начиная от швейцарской границы, вдоль по Рейну до крепости Страсбург, тянется цепь самых усовершенствованных укреплений—из железобетона и стали. От Страсбурга цепь крепостей тянется вдоль всей франко-германской и бельгийско-германской границы.

В тылу этой укрепленной линии находится вторая цепь старых, но за последние годы спешно перестроенных крупных крепостей: Бельфор—Эпиналь—Туль—Мец—Верден—Намюр—Льеж (последние две в пределах Бельгии). На сооружение новых и переустройство старых крепостей французский империализм потратил до 10 млрд. франков.

Непосредственно в пограничной зоне расположены четыре французских и один бельгийский корпуса—всего 10 пехотных, 2 кавалерийских и 1 воздушная дивизия с приданными им мощными техническими и химическими средствами борьбы.

Так выглядит «открытая» восточная граница Франции. Таковы географические условия, на которые ссылается французский меморандум. Не ясно ли, что они являются самыми благоприятными для... разоружения?

Перейдем ко второму положению. Французская армия является сейчас самой сильной, самой многочисленной и самой технически уснащенной армией в мире. В мирное время армия насчитывает 612 тыс. человек (по официальным данным), в том числе 106 тыс. унтер-офицеров—профессионалов и 307 тыс. цветных солдат. На вооружение армии мирного состава имеются, по данным «Милитер Вохенблатт», 3 500 танков, 2 800 самолетов, 2 тыс. орудий разных калибров, 16 тыс. легких и 15 тыс. тяжелых пулеметов. Мы не говорим уже о других технических средствах, которыми очень богата французская армия, и о мощном химическом оружии. Ни одна страна в мире не располагает такой мощной сухопутной армией, как французский империализм. Военный бюджет Франции вырос с 9 млрд. франков в 1913 г. до 20 млрд. франков в 1931 г.

Но этим силы французского империализма не ограничиваются. Нужно учесть еще союзников Франции—Бельгию, Чехо-Словакию, Югославию, Польшу и Румынию. В случае мобилизации Франция и ее союзники могут выставить армию, которая будет насчитывать приблизительно 200 пехотных и 25 кавалерийских дивизий—всего свыше 10 млн. бойцов, 15 тыс. пушек, 100 тыс. пулеметов, 5 тыс. танков и 5 тыс. самолетов[1]. К тому же союзники французского империализма географически так размещены, что образуют вооруженный фронт, обращенный на восток, и бронированную петлю, охватывающую центральные державы.

Дело таким образом не только в «безопасности» Франции. Те, кто говорят об этом, пусть вспомнят слова Клаузевица: «Они заботятся не столько о своей безопасности, сколько о сохранении своей гегемонии».

Перейдем к третьему и последнему положению французского меморандума. Если его расшифровать, то он означает не что иное, как требование сохранить версальскую систему для борьбы с пролетарской революцией.

Версаль является опорой капиталистической реакции. Версальская система не в малой степени содействует усилению фашизма. Это обстоятельство порождает в известных кругах германской буржуазии и венгерских помещиков надежды насчет соглашения с французским империализмом на основе борьбы с пролетарской революцией.

Экономический кризис, обостривший все противоречия между империалистами и между эксплоататорами и эксплоатируемыми, империалисты—и притом не только победители, но и побежденные—надеются преодолеть силой оружия.

Бывший австро-венгерский военный министр ген. Газай посвятил этому вопросу специальное «военно-философское (!) исследование». «Рано или поздно,—пишет Газай,—большевизм попытается проникнуть в сердце Европы. Разве не в интересах Европы своевременно изменить то положение, в котором находятся разоруженные страны, и совместно с ними защищать Европу от грозящей ей великой опасности?»

Еще более определенно высказывается в этом смысле знаменитый защитник германских колоний в Восточной Африке во время войны—ген. Леттов-Форбек. «Один вопрос,—пишет Леттов-Форбек,—остается неясным. Где хочет Франция защитить свою безопасность? На восточных границах Польши? Но зачем же она тогда тратит колоссальные средства на укрепление своих собственных восточных границ? Или о французские укрепления должен разбиться прибой с востока? Но что будет тогда не только с Германией, но и с Польшей, Чехо-Словакией, Югославией?»

Одним словом, по мнению Леттова-Форбека, Версаль должен быть защищен на Березине и Днестре. Но при этом должно быть восстановлено былое военное могущество Германии и ее бывших союзников.

Германским империалистам конечно будет не легко договориться с французскими. Это мы знаем. Но остается

---

[1] По данным иностранной печати.

непреложным тот факт, что на Женевской конференции капиталистический мир, потрясенный до самых своих основ ударами кризиса, попытается свить новую сеть интриг и далеко идущих комбинаций для того, чтобы сохранить в неприкосновенности ржавые цепи Версаля, которые трещат под напором могучих плеч пролетариата.

В центре этих интриг мы несомненно обнаружим американских дипломатов, занятых подготовкой всяких авантюр и прежде всего антисоветских.

Не укрепление мира, а облегчение подготовки к новым войнам—такова будет «генеральная линия» империализма на предстоящей конференции.

Достаточно симптоматичной в этом смысле является последняя сессия совета Лиги наций, состоявшаяся в ноябре прошлого года в Париже. Единогласная поддержка была здесь оказана японскому империализму в немалой степени потому, что некоторые «миротворцы» пытались таким образом заручиться его поддержкой на предстоящей конференции по разоружению. «Миротворцы» старательно превращают в злую карикатуру все свои, так сказать, «благие намерения». Во имя «разоружения» империалисты поддерживают войну в Манчжурии. Когда в совете Лиги наций произносится слово «мир», то из него немедленно рождается отталкивающий образ империалистической войны. Так писалось введение к истории Женевской конференции.

А. Н.

Современное состояние вооружений

(«Правда» от 7 февраля 1932 г.)

4 февраля открылась конференция по разоружению. Председатель конференции Гендерсон, как сообщили телеграммы со всех концов мира по радио, произнес трехчасовую речь о «миролюбии и миротворчестве» господ империалистов.

На фоне этой грандиозной декорации, демонстрируемой международным империализмом, особенно интересно ознакомиться с фактическими данными о военных вооружениях, производимых империалистическими правительствами.

I. Численность сухопутных армий

Буржуазные «глашатаи мира», в особенности французские и британские империалисты, любят ссылаться, в доказательство своих якобы «мирных» намерений, на то, что численность вооруженных сил в настоящее время по сравнению с 1914 г. не увеличилась, но якобы даже уменьшилась. Но и по их официальным сведениям численность сухопутных армий так называемых великих держав представляется в следующем виде:

Армии великих держав (в тысячах):

	1914 г.	1931 г. (По сведениям, представленным в Лигу наций)
Франция	752,6	579,5
Великобритания	176,7	144,5
Италия	273,9	491,4
САСШ	105,0	150,7
Япония	233,3	259,3
	1 541,5	1 625,4

Как видим, даже по заведомо преуменьшенным официальным цифрам, общая численность армий великих держав в настоящее время превышает численность их в 1914 г. Действительный рост численности армий далеко не раскрывается приведенными цифрами. В особенности большой оговорки требует «статистика» французских «миротворцев».

Согласно докладу французской парламентской комиссии о бюджете на 1931/32 г., численность французской армии в настоящее время выражается цифрой в 724,3 тыс. человек, из которых более 140 тыс. составляют военные чиновники и обслуживающий персонал. При представлении в Лигу наций сведений о вооружениях Франции и

в своем знаменитом меморандуме относительно якобы произведенного максимального «сокращения» вооруженных сил французское правительство обошло молчанием эти 140 тыс. наиболее квалифицированных людей, имеющихся в армии.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в послевоенный период великие державы-победительницы в мировой войне, в особенности Франция, увеличили свою военную мощь путем создания военных союзов и расширения армий в колониях. Численность армий военных союзников империалистической Франции, по сведениям, представленным в Лигу наций, составляет: Бельгия—86,4 тыс., Польша—266 тыс., Румыния—240,5 тыс., Югославия—184,4 тыс., Чехо-Словакия—138,6 тыс. Всего, кроме войск самой Франции,—916,1 тыс. человек. При этом следует иметь в виду, что польские сведения, данные в Лигу наций, находятся в противоречии с официальными бюджетными данными, согласно которым численность польской армии на 24 тыс. человек больше, чем показано в сведениях в Лигу наций.

В отношении Англии следует отметить, что за период после мировой войны ее англо-индийская армия (также по официальным данным) увеличилась с 163,8 тыс. до 257,4 тыс. человек, и кроме того в Индии создано несколько нерегулярных формирований общей численностью в 78,4 тыс. человек.

Наконец особо следует указать на наличие значительных армий у соседних с Советским союзом государств. Общая численность армий этих государств, по сведениям, данным в Лигу наций, выражается на западной границе СССР в количестве 574,6 тыс. человек (Финляндия—31,6 тыс., Эстония—13,5 тыс., Латвия—23 тыс., Польша—266 тыс., Румыния—240,5 тыс.). На южных и восточных границах точных данных об этих армиях нет, но одна Британская Индия имеет 257,4 тыс., Япония—259,3 тыс., Афганистан—60 тыс. Между тем вся численность Красной армии составляет лишь 562 тыс. человек.

Однако рост численности армий далеко не выявляет действительного роста вооружений, так как последние в настоящее время развиваются главным образом в сторону улучшения их боевых качеств и силы истребления.

2. Рост технической оснащенности современных армий

По сравнению с 1914 г. боевая мощь современных армий возросла в несколько раз. Так называемые «старые» средства борьбы—стрелковое вооружение и артиллерия — беспрерывно увеличивают свою мощь за счет повышения их боевых качеств и убойной силы, а равно и за счет увеличения их количества на каждую современную войсковую единицу.

Общеизвестно, что современные легкие и станковые пулеметы имеют повышенную скорострельность по сравнению с вооружением времен мировой войны. Действительность огня этих боевых средств, благодаря применению различных усовершенствованных приборов для меткой стрельбы, сильно возросла. Например американская пехотная дивизия в 1914 г. могла сделать в одну минуту 163 400 выстрелов из винтовок и пулеметов, в настоящее же время она выпускает 422 320 пуль в минуту. Точно так же французская дивизия, выпускавшая в 1914 г. 103 200 пуль в минуту, теперь может сделать 212 800 выстрелов. Другими словами, произошло увеличение мощности ружейно-пулеметного огня в 2—2½ раза, несмотря на численное сокращение пехоты.

Подобная же картина наблюдается и в артиллерии. Американская дивизия в 1914 г. в течение минуты из всей своей артиллерии могла выбросить 8,1 тонны снарядов, французская же дивизия—3,9 тонны. В настоящее время эти дивизии за тот же промежуток времени в состоянии выбросить соответственно 17,6 и 14,5 тонны.

Еще более резко бросается в глаза громадная мощность механических двигателей, применяемых в боевых машинах и транспортных средствах современных армий. Так американская дивизия в настоящее время располагает в общей сумме 30 430 лош. сил механических двигателей (из них 7 150 лош. сил дают самолеты, 8 640 лош. сил—танки и 14 640 лош. сил — средства автотранспорта); французская дивизия обладает механическими двигателями в 21 520 лош. сил (из них самолеты—6 тыс., танки—7 920, автотранспорт—7 600). На каждого бойца в дивизии САСШ приходится 2 лош. силы, а во Франции—1,5 лош. силы.

Если выразить стоимость оружия, боевых и транспортных машин и огнеприпасов американской и французской дивизии в денежных единицах, то получается, что в американской дивизии эта стоимость достигает 8,013 тыс. долл., а во французской—5 771 тыс. долл., тогда как соответственные цифры для 1914 г. были—2 221 тыс. долл. и 1 555 тыс. долл.

3. Организационные особенности современных армий

Необходимо подчеркнуть, что современные буржуазные армии имеют коренное отличие от армий 1914 г. и в организационном отношении. Внутри этих армий возрос удельный вес артиллерии и технических средств борьбы. Современная пехота по своей структуре является машинизированной пехотой и очень мало похожа на пехоту 1914 г., опирающуюся прежде всего на мускульную силу бойца. Теперь эта мускульная сила бойца в колоссальной степени увеличена путем внедрения в армию мотора и усовершенствованных огневых средств.

В области прохождения службы и обучения современных империалистических армий отмечается целый ряд рационализаторских мероприятий, в высокой степени поднимающих качество обучения. Особенно характерна в этом отношении французская армия. В этой армии установлен срок обучения всего лишь в один год. Но все военнослужащие целиком и полностью заняты военной учебой и совершенно разгружены от административно-хозяйственных функций; последние возложены на наемный административно-технический персонал. Такая система позволяет французскому империализму полностью пропустить через армию мирного времени все мужское население, годное к ношению оружия, и накопить огромнейшие запасы военнообученных людских резервов для развертывания массовой армии военного времени.

Таким образом заявление французского правительства о том, что оно достигло предела в добровольном сокращении своих вооруженных сил, является сплошным лицемерием. Предел этот достигнут, но не в отношении сокращения, а в отношении максимальной пропускной способности армии для военного обучения всех людских резервов.

Эффективность военной системы французского империализма увеличивается также благодаря тому, что во Франции проведена максимальная разгрузка командования войсковых частей от мобилизационной работы. Последняя возложена целиком на особые органы—мобилизационные центры, число которых достигает 72 и из которых каждый формирует в случае мобилизации новую часть (полк). Военному же министру предоставлено право, не испрашивая особого разрешения парламента, призывать в армию три людских контингента общей численностью в 720 тыс. человек.

Если учесть, что французский империализм имеет в своей армии мирного времени 724 тыс. человек, и прибавить эти три контигента, то окажется, что империалистическая Франция в кратчайший срок может выставить армию численностью в полтора миллиона человек, и вслед за этим проводит общую мобилизацию и формирование войсковых частей. Наконец нужно учесть, что во французской армии мирного времени свыше 50% всего ее состава являются военными профессионалами. Это обстоятельство также имеет целью обеспечить политическую устойчивость армии и пригодность ее для военных авантюр и для классовой войны.

Мероприятия в деле вооружения, проводимые французским империализмом, в большей или меньшей степени проводятся всеми буржуазными государствами, осуществляющими обязательную военную службу. Что касается армий тех государств, в которых господствует система наемных вооруженных сил (Англия, Америка, Германия и др.), то в них тенденция к качественному улучшению боевой подготовки и обеспечению политической устойчивости войск проявляется еще сильней, чем во Франции. Эти армии военных профессионалов по существу готовят квалифицированный кадр комсостава и военных инструкторов, могущих быть использованными и для развертывания массовых армий военного времени.

Обучение населения, способного к ношению оружия, проводится через специальную систему вневойсковой подготовки (например территориальная армия в Англии, национальная гвардия и организованные резервы в Америке) и через военно-фашистские организации. При этом во всей системе военного обу-

чения и воспитания солдат и населения в полной мере осуществляется принцип политической обработки масс в духе буржуазной идеологии, обработки, тесно связанной с мерами насилия, жесткой дисциплины, фашистского террора в отношении всех «неблагонадежных».

4. Военные расходы

Военные бюджеты пяти великих держав по сравнению с 1914 г. увеличились в два с лишним раза. Об этом свидетельствуют следующие официальные данные.

Расходы (в миллионах долларов):

	1914 г.	1931 г.
Сухопутные силы	623	1 114
Морские »	530	861
Воздушные »	—	398
	1 153	2 373

Наибольшая тяжесть военных расходов наблюдается во Франции, где на каждую душу населения приходится 13,2 долл. Бурно растут военные расходы и в соседних с Советским союзом государствах. Польша, Румыния и прибалтийские лимитрофы в 1924/25 г. по официальным бюджетам расходовали на вооружения 162 млн. долл., а в 1930—1931 гг.—205,7 млн. долл. На каждую душу населения в этих государствах приходится 4—4,5 долл. военных расходов, что при низком уровне развития их производительных сил и глубоком экономическом кризисе является исключительным бременем для населения.

Общеизвестно, что империалисты проявляют исключительное лицемерие в области сокрытия своих военных расходов. Приведенные нами данные официальных военных бюджетов не показывают тех военных расходов, которые проводятся помимо военного ведомства или делаются за счет различных секретных фондов. Действительные размеры военных расходов значительно выше, чем они указаны в вышеприведенных цифрах.

5. Развитие воздушного флота

За период после мировой войны авиация сделала огромные успехи в деле своего технического усовершенствования. Качество современных самолетов, по сравнению с самолетами конца мировой войны, поднялось по всем показателям. Достаточно указать на то, что современные разведывательные самолеты имеют скорость 280 километро-часов против 192 километро-часов в 1919 г., дальность их полета достигла 900 *км* против 600 *км*, нагрузка увеличилась с 565 до 900 *кг* и т. д., чтобы видеть те сдвиги, которые произошли и еще происходят в области авиации.

Особого внимания заслуживает рост бомбардировочной авиации, предназначенной для выполнения наступательных задач против важнейших центров и баз противника. Современные тяжелые бомбардировщики имеют мощность моторов в 2 800 лош. сил против 550 лош. сил в 1919 г.; грузоподъемность их возросла до 5—8 тонн против 1 тонны в 1919 г.; скорость полета до 200 *км* против 135 *км*; дальность полета 1,5—2 тыс. *км* против 620 *км* и т. д.

Общее количество самолетов в военной авиации за последнее 7—8 лет увеличилось почти в 2 раза, а в тяжелой авиации—более чем в 4 раза. Число сухопутных и морских самолетов, находящихся в строю, у пяти великих держав (Франция, Англия, САСШ, Италия и Япония) составляло в 1923/24 г. 2 280 самолетов, а в 1931 г.—3 838. Эти самолеты в один полет могли поднять в 1923/24 г. 544 *т* авиобомб, в настоящее же время они могут поднять 2 397 тонн.

Необходимо подчеркнуть, что от великих держав стараются не отставать и ближайшие соседи СССР. Польша официально сообщила в Лигу наций, что ей необходим воздушный флот в составе 700 самолетов, а Румыния заявила, что ей необходим воздушный флот в 790 самолетов, показав цифру, превышающую официальные данные об английском воздушном флоте (750 самолетов).

Мощное развитие авиации подтверждается также ростом расходов на воздушные силы. В 1924—1926 гг. воздушные бюджеты пяти великих держав составляли сумму в 149 млн. долл. (8,5% к общему военному бюджету), а в 1931 г. сумма эта поднялась до 398 млн. долл. (16,8% к военному бюджету). Государства, входящие в состав французского блока, показывают соответственно цифры: 37,5 млн. долл. (7,3% к военному бюджету) и 115,6 млн. долл. (13,1% к военному бюджету). Сопредельные с Советским союзом государства (западные и восточные) показывают: 31,7 млн. долл. (5,2%)

и 100 млн. долл. (14%). По опубликованным недавно цифрам польского военного бюджета на 1932 г. можно судить, что расходы на авиацию, несмотря на жесточайший экономический кризис, увеличиваются в 3 *раза*.

6. Развитие морских вооружений

Характерными чертами развития военно-морских сил империалистических держав являются: 1) чрезвычайно быстрый рост подводных лодок и авионосцев, а также усовершенствованных быстроходных кораблей—крейсеров и эсминцев; 2) колоссальный рост боевой мощи современных кораблей, выражающийся в увеличении мощности их артиллерийского и торпедного вооружения, дальности и меткости их стрельбы, увеличения скорости хода.

В сущности говоря, на происходивших до сих пор конференциях по морским вооружениям—Вашингтонской, Лондонской и др.—империалисты стремились не к ограничению морских вооружений, а к *установлению тех путей реконструкции военно-морских сил, которые диктовались опытом войны*.

Фактические данные о боевых флотах пяти великих держав дают следующие показатели:

Число кораблей

Класс кораблей	1914 г.	1931 г.
Линкоры	150	59
Авионосцы	1	17
Крейсеры	237	171
Лидеры, эсминцы, торпедоносцы	823	729
Подводные лодки	204	437
Итого	1 415	1 412

Тоннаж (в тыс. тонн):

Класс кораблей	1914 г.	1931 г.
Линкоры	2 438	1 659
Авионосцы	6	313
Крейсеры	1 893	1 215
Лидеры, эсминцы, торпедоносцы	332	823
Подводные лодки	85	362
Итого	4 754	4 372

Эти данные, основанные на официальных источниках, со всей наглядностью демонстрируют реконструкцию военно-морских сил великих держав. Суть этой реконструкции заключается в том, что в рамках прежнего количества кораблей произошло перераспределение их по классам, имеющее целью приспособить флот *к изменившимся условиям морской войны*. Условия же эти как раз требуют прежде всего увеличения числа *подводных лодок, авионосцев и быстроходных судов* (для нападения на коммуникации противника, налета на его базы, разведки и т. д.).

Для мощности современных кораблей характерны следующие показатели; а) вес бортового залпа (снарядов и торпед, могущих быть сразу выброшенными из всех орудий и минных аппаратов одного борта корабля) составлял в военно-морских флотах пяти великих держав в 1914 г. 2 356 тонн, а в 1931 г. он достигает 3 088 тонн; б) мощность двигателей в 1914 г. составляла 28 171 тыс. лош. сил, а в 1931 г.—40 349 тыс. лош. сил; лучшие линейные корабли английского флота в 1914 г. стоили 3 млн. ф. ст., а современный «Нельсон» стоит 7,5 млн. ф. ст.; в) лучшие подводные лодки в 1914 г. имели тоннаж 675—820 *т*, а современные имеют 2 820—3 660 *т*, скорость же их хода в ненагруженном состоянии возросла с 15 до 19,5 узлов и т. д.

Развитие мощи военно-морских сил происходит *все ускоряющимися темпами*. Только за последние годы спущено на воду 146 наиболее совершенных военных кораблей с мощностью двигателей свыше 5 млн. лош. сил. В настоящее время у пяти великих держав находятся в постройке 50 подводных лодок, 22 лидера и эсминца, 13 крейсеров и 1 авионосец, причем на этих строящихся кораблях вводятся все новые и новые технические усовершенствования.



Для характеристики современного состояния вооружений империалистов мы пользовались исключительно официальными данными, заведомо *преуменьшенными и маскирующими* подлинный размах современного милитаризма. При этом мы не касались вопроса о военно-промышленной базе империалистов и о так называемом «военном потенциале». Но и эти данные, во всяком случае не могущие быть оспоренными буржуазными «мастерами» в области всякого рода официальной «статистики», в достаточной мере изобличают их ложь и лицемерие. По части замазывания роста милитаризма и фактической поддержки его особенно стараются социал-фашисты всех партий II Интерна-

ционала, голосующие за военные бюджеты и за новые броненосцы.

В связи с начавшейся в Женеве конференцией по разоружению особенно усиливается «работа» империалистов и социал-милитаристов, особенно расширяются их антисоветская агитация и выпады по адресу СССР.

Но Советский союз, являющийся единственным государством, которое проводит последовательно политику мира, будет и дальше разоблачать виновников роста вооружений и поджигателей войны. Трудящиеся всего мира должны совершенно ясно убедиться в нежелании и неспособности империалистов осуществить какое бы то ни было смягчение военного бремени, от которого страдают эти массы.

Только пролетарская революция избавит мир от этого бремени, от ужасов войны и от всякого насилия и эксплоатации.

Советский союз требует полного разоружения как гарантии против войны

(«Правда» от 12 февраля 1932 г.)

РЕЧЬ ТОВ. ЛИТВИНОВА НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Народы ждут разоружения

«Председатель и некоторые предыдущие ораторы отмечали, что настоящая конференция не имеет прецедентов в истории человечества. Я не думаю, чтобы кто-либо мог не согласиться с этим. Конференция не имеет прецедентов не столько по количеству представленных на ней государств, но главным образом по огромности тех запросов, которые предъявляет ей человечество, и по важности последствий, которые может иметь тот или иной ее исход.

Созыв данной конференции является результатом длительной—по нашему мнению чрезмерно длительной—подготовительной работы. Но эта подготовительная стадия исчерпана. Нынешняя конференция стоит лицом к лицу с задачей разоружения, которая должна получить практическое решение без дальнейших отсрочек и проволочек, без уклонения в сторону изучения новых и новых предварительных вопросов.

Основы нынешней конференции были заложены во время мировой войны, также не имевшей прецедентов в истории как по своим размерам, так и по своим последствиям. Впервые в войну были, вовлечены миллионы и десятки миллионов народа, а в некоторых странах чуть ли не поголовно все мужское население—и это при резко изменившемся соотношении классовых сил и социально-политических факторов.

Уж во время самой войны раздавались громкие протесты против нее, раздавался лозунг «Война войне». Сама война могла продолжаться, и миллионы жертв были вовлечены в нее благодаря лозунгу, согласно которому эта война должна была быть последней войной. Несмотря на то, что мировая война 1914—1918 гг. была названа «последней войной», вся послевоенная история международных отношений характеризуется непрерывным, систематическим ростом вооруженных сил капиталистических государств и гигантским увеличением общего бремени милитаризма.

Самое возникновение Лиги наций и 8-й статьи ее устава, на которую ссылались предыдущие ораторы, являлось не чем иным, как слабой данью народным требованиям о выполнении данных правительствами обещаний относительно «последней войны», требованиям просветленных широких трудящихся масс, принявших непосредственное участие в политической жизни. Последовавшие за войной годы всеобщего обнищания, годы залечивания ран, нанесенных всем участникам войны как победивших, так и побежденных стран, усилили требования о прекращении войн. Эти требова-

ния, по мнению советской делегации, не могут быть удовлетворены стабилизацией или незначительными сокращениями вооружений, или сбережениями в бюджетах, а лишь изысканием средств по уничтожению института войны.

Линия СССР — линия мира

Советское правительство участвует в этой конференции не в силу каких-либо формальных обязательств и не в силу чего-либо навязанного ему извне. С первых дней своего существования оно не только на словах, но и на деле осудило войну в качестве орудия национальной политики, высказалось против всяких контрибуций и территориальных аннексий, против угнетения одних народов другими и провозгласило лозунг самоопределения народов. С тех пор оно в своей собственной политике строго и последовательно проводит линию мирного, лойяльного сотрудничества с другими народами.

Исключив войну как орудие национальной политики, оно естественно не видело и не видит надобности в содержании армий и других вооруженных сил и, явившись впервые на международную конференцию в Генуе, 10 лет назад, предложило полное и всеобщее разоружение как единственное средство по уничтожению войны. Это предложение оно повторило, как только оно было приглашено к участию в работах подготовительной комиссии по разоружению. Делая это предложение, мое правительство учитывало не только настроение собственных народов, но и требования и призывы народов всего мира.

Выдвигая это предложение, советская делегация на подготовительной комиссии настаивала на скорейшем его осуществлении. Делегация указывала при этом на надвигающуюся опасность новых войн и доказывала, что единственным средством предотвращения этой опасности при существующем в большинстве стран строе является лишь полное разоружение, что никакие договоры, пакты, протоколы и международные организации не могут создать действительную безопасность для отдельных народов.

Нам в комиссии возражали. Наши указания на возможность новой скорой войны высмеивались. Нас обвиняли в чрезмерном пессимизме и в преувеличении опасности. Нам говорили, что нужна «безопасность» и что эта «безопасность» достигается системой договоров, протоколов и других международных обязательств, разрабатываемых Лигой наций, и что нет необходимости спешить с разоружением.

Под грохот пушек

Прошло всего несколько лет со времени этого спора,—и что же мы видим? Конференция по разоружению должна была открыться под грохот пушек и взрывающихся авиационных бомб. Два государства, связанные между собой пактом Лиги наций и Парижским договором 1928 г., находятся уже пять месяцев в состоянии войны, если не де-юре, то де-факто. Война еще не зарегистрирована и не засвидетельствована у нотариуса, но огромные провинции одного из этих государств оккупированы многочисленными войсками другого государства, а между регулярными войсками обеих стран происходят сражения с участием всех родов оружия, с тысячами убитых и раненых.

Это происходит пока еще вдали от Женевы, вдали от Европы,—но где тот оптимист, который может добросовестно утверждать, что начатые военные действия ограничатся только двумя странами или одним только материком?

Где тот оптимист, который осмелится уверять нас, что события на Дальнем Востоке не могут стать началом новой войны, которая по своей распространенности, своему охвату и своим ужасам благодаря новым техническим усовершенствованиям не затмит печальной славы последней войны?

Разъединенных политически и экономически материков в наше время нет. Есть страны, расположенные на нескольких материках. В самой Европе вряд ли найдется много соседей, которые не имели бы между собой серьезнейших территориальных счетов, и протяженность границ, законность которых оспаривается теперь значительнее, чем во время возникновения последней войны.

Какие у нас гарантии, что все эти счеты не будут брошены в общий кипящий котел, если хотя бы одно из европейских государств будет втянуто в войну?

Допустим, что всего этого не случится, что пожар на Дальнем Востоке будет

локализован или потушен. Может ли быть у нас уверенность в том, что такие же пожары не возникнут в других углах земного шара?

Что может этому помешать? Международные организации и пакты? Но мы видим, что они не смогли ни предотвратить ни приостановить военных действий на Дальнем Востоке со всеми вытекающими отсюда последствиями. Общественное мнение? Оно еще более бессильно. Да и что такое общественное мнение? Когда и где оно было едино и служило единой цели?

Общественное мнение, находящее свое выражение в печати или общественных организациях, служит разным интересам, многообразным интересам разных стран, а внутри этих стран—интересам отдельных капиталистических групп, отдельных предприятий и даже отдельных лиц.

Разве происходящие на наших глазах на Дальнем Востоке насильственные действия не нашли даже вне непосредственно заинтересованных стран своих защитников и своих подстрекателей?

Разве не было за последнее время в европейской и американской прессе статей, указывавших на необходимость и выгодность дальнейшего распространения дальневосточного пожара, указывавших на войну как на выход из нынешнего кризиса, из того самого кризиса, остроту которого невозможно не объяснить последней войной и ее последствиями?

Не может воспрепятствовать возникновению новых войн и ограничению вооружений. Все государства в настоящее время достаточно насыщены оружием, и оружием, достаточно отточенным, достаточно разрушительным, чтобы вести войну, по сравнению с которой мировая война должна будет считаться детской игрушкой. Так же мало гарантирует нас от войны и сокращение вооружений, в особенности если это сокращение не будет весьма существенно и не будет произведено сознательно с таким расчетом, чтобы войну затруднить.

Нам нужна безопасность от войны

Я должен еще раз повторить, что для советской делегации, исходящей из требований народных масс, из тех требований, которыми была обусловлена вся подготовительная работа к конференции и которыми вызвана к жизни сама конференция, а также из потребностей, диктуемых условиями настоящего момента, проблема, стоящая перед конференцией, может быть выражена кратко в словах: безопасность от войны. Этим наша концепция безопасности отличается от концепций других делегаций.

Говоря о безопасности, многие здесь имеют в виду обеспечить тому или иному государству, подвергшемуся нападению, максимальные шансы выигрыша войны. Советская же делегация полагает, что мы должны стремиться к тому, чтобы сделать невозможной самую войну, ибо от нее страдают народные массы как выигравших, так и проигравших войну стран, более того—народные массы всего мира, как мы в этом убедились на примере последней войны.

Советская делегация раньше всего под этим углом зрения расценивает все предложения, которые делались в подготовительной комиссии и которые будут сделаны здесь, на конференции. С этой меркой советская делегация позволит себе подойти и к французским предложениям, заслуживающим большего, чем случайные ссылки на них. Советская делегация таким образом в знак уважения откликается на приглашение французской делегации о критике и обсуждении ее предложений.

Предложения Франции ничего общего не имеют с разоружением

Необходимо отметить раньше всего, что с точки зрения сокращения вооружения французские предложения вряд ли приближают нас к цели, поскольку они являются предварительными условиями какого бы то ни было сокращения вооружений со стороны Франции. Обсуждение этих условий фактически превратило бы настоящую конференцию в подготовительную к будущей конференции по разоружению, которая потребовала бы может быть не меньше времени, чем подготовительная комиссия.

Необходимо иметь в виду, что предложения эти являются дальнейшим развитием и конкретизацией идеи так называемого женевского протокола, которая стоит перед Лигой наций уже в течение 7 лет, которая вызвала много споров и до сих пор не нашла разрешения. У нас нет оснований полагать, что в

своем крайнем развитии эта идея встретит больше единодушия, чем до сих пор.

Речь может итти дальше о создании новой международной организации с весьма ответственной властью, следовательно о создании нового устава и правил для распоряжения международной армией, для определения нападения,— словом, о разворачивании множества вопросов, безрезультатно дебатировавшихся в течение десятилетия в недрах Лиги наций, с добавлением лишь новых и еще более сложных вопросов.

Достаточно напомнить, что до сих пор отсутствует, насколько мне известно, точное и всеми членами Лиги признанное истолкование 16-й и других статей устава Лиги и правил их применения. Заняться этими вопросами при нынешнем обострении международных политических и экономических антагонизмов означало бы отойти назад от проблемы разоружения на многие, многие годы, если не десятилетия.

Но меня однако больше всего интересуют французские предложения с точки зрения их способности создать безопасность против войны.

В чем суть предложений французской делегации? Она предлагает создать новую армию, которая будет состоять из некоторого количества военных бомбовозов, разбросанных по разным странам или собранных в одном месте, а также из некоторого количества войск, резервированных в разных странах для особого назначения.

Иначе говоря, будет создана некоторая армия, скажем, в несколько сот тысяч человек, надлежаще экипированная, которая должна будет присоединиться к силам того государства, которое будет признано подвергшимся нападению. Государство, собирающееся напасть на другое, должно будет заранее считаться не только с силами непосредственного противника, но и с силами, так сказать, союзной с ним армии, о которой я только что говорил.

Значит ли это, что оно обязательно откажется от нападения? Отнюдь нет. Ведь союзы и союзные армии известны были истории и раньше, и они отнюдь никого не гарантировали от нападения.

Многие государства в прошлом, замышляя войну, должны были заранее считаться, что им может быть придется иметь дело не с одним государством, а с несколькими, и это соображение отнюдь не останавливало их при осуществлении их замыслов. Они либо заранее обеспечивали себя самих союзниками, либо заранее составляли программу своих вооружений с таким расчетом, чтобы противостоять всем возможным силам противной стороны. В данном случае нападающей стороне придется только учитывать заранее и силу международной армии.

Далее, эта международная армия по необходимости не может быть слишком велика. Даже ближайшие к конфликту страны вряд ли захотят или смогут, за исключением специальных случаев, мобилизовать большие силы для участия в войне, их непосредственно не касающейся, в особенности когда они сами имеют споры со страной, которой они призваны помогать.

Допустим, что сильное государство, могущее развернуть в военное время многомиллионную армию, нападает на государство, в несколько раз уступающее его силам. Совершенно очевидно, что несколько сот тысяч добавочных войск на стороне обороняющегося государства решающего значения иметь не смогут, и таким образом международная армия не только не предотвратит самого нападения, но даже не всегда обеспечит выигрыш войны обороняющейся стороне.

Международная армия — против кого?

Но это еще не все. Какие гарантии, что эта международная армия действительно будет пущена в ход, и притом своевременно, прежде чем слабейший участник конфликта не будет окончательно сокрушен?

Какие гарантии, что нападающая сторона будет действительно найдена и найдена там, где она действительно находится?

Эти вопросы отнюдь не праздные и отнюдь не теоретические, а подсказываются той реальной международной жизнью, которая нам всем знакома.

Допустим, где-либо происходит вооруженный конфликт,—безразлично, имеет ли он официальный штамп войны или нет. Необходимо раньше всего определить, где нападающая сторона, где обороняющаяся, есть ли нарушение международных договоров и обязательств, которыми обе стороны связаны, или нет?

Задача эта в большинстве случаев отнюдь не сложна и не трудна.

Если спросить не мудрствующего лукаво человека с улицы, то он вряд ли затруднится дать ответ на эти вопросы и ответит вероятно совершенно безошибочно. Но когда ответы приходится давать международным организациям и отдельным правительствам, то эти ответы не сразу находятся, и с призывами, увещаниями и угрозами приходится иногда обращаться одновременно к обеим сторонам.

Я просил бы не искать в этом примере критики чьих-либо действий или подсказывания действий. Я беру этот пример только с целью аргументации и спрашиваю: какие у нас гарантии в том, что старая или новая международная организация, в распоряжении которой будет находиться международная армия, сможет или захочет определить виновную сторону, чтобы дать ей почувствовать свою реальную власть? Не сможет же она в самом деле бомбардировать одновременно обе воюющие стороны, чтобы таким путем ударить по нападающей стороне.

Какие—я спрашиваю—имеются гарантии, что новая или старая международная организация с увеличенной реальной силой действительно сможет и захочет использовать эту силу для защиты слабейшего, для защиты обороняющегося от нападающей стороны?

Здесь говорилось о национальном эгоизме, препятствующем интернациональной акции. Очевидно этот эгоизм проявляется не только в решениях отдельных правительств, а пробивает себе путь также через предложения и решения представителей правительств в международных организациях, парализуя их деятельность или давая ей нежелательное направление.

Если такие случаи были в прошлом, то какие гарантии, что их не будет и дальше? Более того, какие гарантии, что при наличии такого эгоизма международная армия не будет использована в интересах того или иного государства, которое обеспечит себе руководящее положение в международной организации сепаратными союзами с антантами, соглашениями? Во французском предложении о запрещении таких союзов ничего не говорится.

Мне скажут, что чем сильнее и реальнее средства давления, имеющиеся в распоряжении международной организации, тем решительнее она будет действовать. Я позволю себе в этом усомниться.

Если представленные в такой организации государства, не желая портить свои отношения с нападающей стороной и вообще по национально-эгоистическим соображениям, не решаются пускать в ход для предотвращения и приостановления конфликтов слабые средства давления, то тем больше они будут колебаться применять такие сильные средства, как посылку собственных армий. А если это так, то можно ли ожидать, что государства проникнутся необходимым доверием к международным организациям, к их беспристрастию, чтобы доверить им свою безопасность и предоставить в их распоряжение свои национальные войска?

Вопрос о международной армии возникал и обсуждался 13 лет назад, если не ошибаюсь при выработке статута Лиги наций, и решен отрицательно. А тогда ведь вера в международные организации была сильнее, чем теперь.

Что касается международных противоречий и национального эгоизма, то все это за 13 лет как будто не убавилось. Достаточно окинуть взглядом все то, что происходит в области международных экономических отношений.

Я оставляю в стороне вопрос о том, насколько можно ожидать от Советского государства, чтобы оно доверило свою безопасность и часть своих собственных войск международной организации, состоящей в подавляющем большинстве из государств, явно враждебных ему, и из враждебности не поддерживающих с ним никаких отношений. Можно скорее ожидать, что рабочие и крестьяне Советского союза усмотрят в создании международной армии в этих условиях угрозу своему государству.

Я должен открыто и прямо сказать, не скрываясь за условные любезности, что таким образом с точки зрения безопасности от войны, а следовательно безопасности государств французские предложения вызывают у нас большие сомнения, и тем больше советская делегация укрепляется в убеждении, что единственным верным и безошибочным путем к разрешению проблемы организации мира, проблемы предотвращения войны, проблемы обеспечения безопасности для всех народов является путь, рекоменду-

емый ею,—путь всеобщего полного разоружения.

Кто за мир, кто против мира

Было бы однако неправильно отсюда заключить, что советская делегация отрицает всякое значение и пользу всяких иных средств укрепления мира, кроме полного разоружения. Свою готовность к международному сотрудничеству советское правительство доказало своим участием в ряде международных конгрессов и организаций и предложениями, которые оно там вносило.

Не умаляем мы также значения международных мирных соглашений и обязательств. Мое правительство в свое время присоединилось к Парижскому договору 1928 г. и даже ввело его в действие с соседними государствами раньше инициаторов договора.

Мое правительство само практикует заключение двусторонних пактов о ненападении, имеющих гораздо большее значение, чем многосторонние или универсальные договоры. Оно предложило и предлагает пакты о ненападении решительно всем государствам.

Эти пакты хороши уже тем, что они являются отличным средством выявления мирных или иных настроений других государств. Когда предложение о пакте, делаемое нами другому государству, немедленно принимается и осуществляется, мы констатируем известное спокойствие во взаимоотношениях с этим государством. Когда это предложение не сразу принимается, а обсуждается годами и после постановки под пактом первой буквы подписи наступает длительное раздумье и добавление остальных букв подписи откладываются, то чувство спокойствия естественно убавляется.

Но еще более серьезные сомнения в их мирных настроениях вызывают те государства, которые предложение о заключении пакта, под тем или иным предлогом или без всякого предлога, совершенно отклоняют. Таким образом в деле выявления мирных или враждебных намерений тех или иных государств роль международных пактов не может быть отрицаема.

Необходимо также признать, что заключенные пакты ненападения усиливают вину нападающего, но все же не могут считаться абсолютной гарантией против нападения, не могут считаться средством, исключающим войну. Единственной чувствительной гарантией против войны и ее опустошительных последствий при нынешних обстоятельствах мое правительство считает только скорейшее полное и всеобщее разоружение.

Советская делегация внесла в подготовительные комиссии свыше четырех лет назад проект конвенции о полном разоружении, предложив осуществить это разоружение в течение четырех лет.

Может ли кто-нибудь отрицать, что, если бы это предложение было принято, нынешние дальневосточные события не могли бы иметь места, не было бы угрозы новой мировой войны и переживаемый всем миром экономический кризис наверное не имел бы своей нынешней остроты.

Выгоды всеобщего разоружения

План полного и всеобщего разоружения выгодно отличается от других схем своей простотой, легкой осуществимостью и легкостью контроля над его осуществлением. План полного разоружения устранят все эти трудные, тернистые вопросы, которые обусловливали затяжной характер работы подготовительной комиссии, обусловливают безрезультатность множества международных совещаний и конференций, созывавшихся за последние годы в разных столицах в связи с разоружением, обусловливают те мрачные предсказания, которыми встречена нынешняя конференция.

Только при полном разоружении может быть достигнута одинаковая безопасность и равенство условий для всех стран.

Что касается контроля, то совершенно очевидно, что легче уличить государство, которое вопреки международной конвенции строит танки, пушки, пулеметы и бомбовозы, чем заметить увеличивающееся количество этих орудий на некоторый процент против установленного конвенцией.

Легче уличить государство, вопреки запрещениям обучающее население стрельбе из пулеметов и пушек или бомбометанию, чем заметить, что оно увеличит состав своей армии на некоторый процент против установленного уровня.

Но советская делегация приехала сюда отнюдь не для того, чтобы сделать вам вновь предложение о полном и всеобщем разоружении или чтобы заявить— либо полное разоружение, либо никакого.

Мы не питаем никаких иллюзий относительно судьбы нашего предложения. Делегация согласна будет обсуждать любые предложения в направлении сокращения вооружений, и чем дальше это сокращение идет, тем охотнее советская делегация примет участие в работах конференции.

Хотя бы частичное сокращение вооружений

Считая проект конвенции, выработанный подготовительной комиссией, совершенно недостаточным, советская делегация будет защищать здесь свой собственный проект частичного сокращения вооружений, который она рассматривает лишь как первый этап к полному разоружению.

Я позволю себе напомнить, что советская делегация на подготовительной комиссии в своем втором проекте конвенции предлагала полное уничтожение наиболее агрессивных типов вооружений, в том числе: 1) танков и сверхдальней артиллерии большой мощности; 2) кораблей свыше 10 тыс. *т*; 3) судовой артиллерии более 12 дюймов; 4) авионосцев; 5) военных дирижаблей; 6) тяжелых бомбардировочных самолетов, всех запасов авиационных бомб и других истребительных средств, сбрасываемых с воздушных судов, и 7) всех средств и приспособлений химического, огневого и бактериологического нападения.

Советская делегация предлагала полное воспрещение воздушных бомбардировок, а не только за пределами определенной зоны.

Советская делегация предлагала не только отказ от применения средств химической войны, но и от подготовки к ней в мирное время.

Все эти предложения сохраняют свою полную силу и для конференции.

Советская делегация настойчиво будет рекомендовать прогрессивно-пропорциональный как наиболее объективный и справедливый метод сокращения вооружений, с льготами и изъятиями в пользу слабейших стран, подверженных нападению. Она будет горячо поддерживать предложения, наиболее приближающиеся к ее собственным. Она будет поддерживать равноправие всех участников конференции и одинаковую безопасность всех государств, считая, что безопасность дается в первую очередь разоружением.

В смысле безопасности представляемое мною государство находится в более угрожаемом положении, чем другие.

Всего 14 лет назад, уже по окончании мировой войны, оно подверглось вооруженным нападениям на всех своих границах, блокаде, политическому и экономическому бойкоту.

В течение 14 лет оно является предметом неслыханных клевет, измышлений и враждебных кампаний. До сих пор огромное количество государств, в том числе и одна из сильнейших морских держав, не скрывает своей враждебности к нему отказом от установления мирных и нормальных отношений, а многие из государств, имеющих с ним нормальные отношения, отказываются от заключения или утверждения предложенных им пактов о ненападении.

Нынешние события на Дальнем Востоке, внушающие всеобщую тревогу, вызывают естественно особенное беспокойство в Советском союзе, географически граничащим с театром этих событий, где оперируют огромные армии, где вооружается и группируется контрреволюционная, авантюристическая эмиграция.

Несмотря на все это, я уполномочен здесь заявить о готовности представляемой мною страны разоружиться в такой же мере и с такой же быстротой, с какой согласятся на это другие державы, и в первую очередь непосредственно с ней граничащие.

Но прежде чем перейти к работе в области частичного разоружения, советская делегация считает своим долгом обратиться к конференции со следующим призывом: существующие между различными государствами политические и экономические противоречия, особенно усилившиеся после мировой войны и особенно углубляющиеся ныне благодаря мировому кризису, ведут неизбежно и быстро к новому вооруженному конфликту между народами. Этот конфликт благодаря новым усовершенствованным орудиям разрушения грозит человечеству неслыханными бедствиями и беспримерными опустошениями.

Надвигающаяся опасность войны вызывает всеобщую тревогу и всеобщее недоверие. Эта тревога наряду с налоговым бременем, вызываемым содержанием государствами огромных вооруженных сил, питает и усиливает нынешний экономический кризис, давящий всей своей тяжестью главным образом на плечи трудящихся.

При этих обстоятельствах задачей момента является не повторение попыток кое-какого сокращения вооружений или военных бюджетов, наталкивающегося к тому же при своем осуществлении на неимоверные трудности, а действительная организация мира путем создания безопасности против войны. Эта задача не осуществима иначе, как через скорейшее, полное и всеобщее разоружение.

Советская делегация вносит резолюцию в этом смысле, убежденная в том, что никаких объективных препятствий к осуществлению всеобщего разоружения не будет, если к этому изъявят готовность представленные здесь правительства.

Со своей стороны советская делегация заявляет, что, поставив себе задачей построение социализма на территории Советского союза, советское правительство в момент успешного завершения первого пятилетнего плана после огромнейших достижений во всех областях хозяйственного строительства считает абсолютно доказанным и очевидным для всех,—в чем оно впрочем само никогда не сомневалось,—что для осуществления поставленной им себе задачи ему не требуется увеличения территории, не требуется вмешиваться в дела других государств, а потому оно не нуждалось бы ни в армии, ни в флоте, ни в военной авиации и ни в каких других вооруженных силах.

Ему необходима однако уверенность в том, что и на территории Советского союза никто не будет покушаться, и что в его внутренние дела другие государства вмешиваться не будут, и что его мирное хозяйственное строительство не будет нарушено извне. Эту уверенность оно получит только тогда, когда и другие государства откажутся от своих вооруженных сил. Таким образом имеется согласие на полное разоружение государства, занимающего шестую часть земного шара. Остальное зависит от ответа на это предложение остальных пяти шестых, представленных на этой конференции.

В обстановке переживаемого теперь всем миром невиданного экономического кризиса, который потрясает все здание капиталистической системы, народные массы, страдающие в небывалой ранее степени от безработицы и повсеместного снижения зарплаты, стоящие перед угрозой дальнейших экономических потрясений, бремя которых господствующие классы охотно перелагают прежде всего на них, должны быть избавлены, насколько это возможно, от угрозы военной катастрофы, которая в ходе экономического кризиса становится все более и более реальной.

Действительная гарантия мира — торжество социализма

Нужно создать безопасность от войны. Эта безопасность не может быть достигнута обходными путями, а исключительно прямым путем—через полный и всеобщий отказ от всяких вооружений.

Этот лозунг не есть лозунг коммунистический. Советская делегация знает, что высшей гарантией мира является только полное торжество социалистических принципов, которое устранит причины, порождающие вооруженные конфликты.

Но пока эти принципы торжествуют лишь на одной шестой земного шара, есть только одно средство организации безопасности от войны,—это полное и всеобщее разоружение. Доказательством его осуществимости является уже то, что оно предлагается государством, объединяющим свыше 160 млн. человек. В утопию эта идея может быть превращена лишь отклонением ее остальными представленными здесь государствами.

Позволяем себе надеяться, что присутствующие здесь ответственнейшие представители государств отнесутся к высказанной нами мысли со всей той серьезностью, какой заслуживает проблема обеспечения народам действительной безопасности от войны, действительного мира».

Борьба за мир и борьба против мира

(«Правда» от 12 февраля 1932 г.)

Женевская конференция по разоружению открылась и продолжает заседать под гул орудийной канонады на Дальнем Востоке. Эти два события, формально как будто противоречащие друг другу, по существу связаны между собой теснейшим образом. События на Дальнем Востоке являются своего рода мерилом веса пацифистских рассуждений империалистических «миротворцев».

Еще до открытия конференции в лагере империалистов раздавались голоса о необходимости ее отсрочки... И если она все же открылась, то это объясняется тем, что именно сейчас как раз ощущается необходимость в таком пацифистском маневре для обмана трудящихся масс.

Не случайно также в центре женевского представления мы находим II Интернационал в лице его многих представителей, которые будут отстаивать в Женеве интересы своей буржуазии, и прежде всего в лице председателя конференции Артура Гендерсона. Пусть рабочие всех стран своевременно обратят внимание на это обстоятельство.

Буржуазия вручила II Интернационалу «честь» олицетворять свое «миротворчество». Она поручила ему провести крайне сложный в настоящих трудных условиях маневр — приковать внимание трудящихся масс к Женеве, чтобы империалистам было легче действовать в Шанхае, в Нанкине. И не только там!

Империалисты хотят превратить женевскую конференцию в огромную дымовую завесу, которая должна скрыть от общественного мнения трудящихся всех стран бешеную подготовку новой мировой войны, вступлением к которой являются события на Дальнем Востоке. С другой стороны, на самой конференции так называемые «великие» империалистические державы, каждая в отдельности, а некоторые в окружении целой свиты союзников, пытаются создать предпосылки для того, чтобы будущая война, которую они готовят, закончилась для них наиболее успешно.

Эти причины, предопределили то, что конференция открылась, но они также предопределяют поведение представителей империалистических держав.

Империалисты вовсе не намерены разоружаться. И не об укреплении мира помышляют империалистические дипломаты и генералы, заседающие в Женеве. Империалисты, биржевые дельцы, истосковавшиеся по крупным прибылям магнаты промышленности жаждут сейчас войны. Биржевые органы—парижские и нью-йоркские в особенности—с трудно скрываемым удовлетворением отмечают начавшийся ажиотаж на биржах, оживление сделок и повышение курсов акций предприятий, изготовляющих прямо или косвенно предметы, необходимые для ведения войны.

В частности поведение американских империалистов сейчас в значительной степени диктуется биржей, которая высказывается против «преждевременного» влезания САСШ в конфликт (так же как в свое время она высказывалась против «преждевременного» заключения мира с Германией). На данной стадии империалисты пытаются вызвать войну, но такую, которая дала бы им максимум выгод и минимум ущерба.

Это обстоятельство накладывает свою печать на женевскую конференцию.

Другое обстоятельство заключается в том, что противоречия между империалистами сейчас настолько сильны и многогранны, кризис настолько углубился, что все это создает, с одной стороны, предпосылки для столкновения между империалистами, но, с другой стороны, также приводит к нарастанию революционного кризиса в странах капитализма. Готовясь к войне, империалисты озабочены не только созданием внешнеполитических условий, но также внутриполитических. Поскольку и те и другие в окончательной форме еще не созданы, империалисты стремятся разжигать войну на Дальнем Востоке, истощая своих соперников и выигрывая время для собственной подготовки к вмешательству в тот момент, который окажется наиболее подходящим.

Третьим обстоятельством является то, что некоторые империалистические страны пытаются использовать женевскую конференцию для увековечения того порядка, который создан в Европе Версальским договором. Иначе говоря—для сохранения в неприкосновенности тех ог-

ромных вооружений, которые уже созданы, и тех потенциальных сил, которые позволяют во много раз увеличить в случае необходимости уровень военного могущества ведущих империалистических стран.

В этом заключается центральная мысль проекта г. Тардье.

Тов. Литвинов дал блестящий анализ действительного содержания, действительных целей французского проекта и тех последствий, которые имели бы место, если бы этот проект был осуществлен. Этот проект, который ни в какой степени не имеет в виду интересы мира и безопасности от войны, преследует те же цели, что и знаменитый июльский меморандум французского правительства по разоружению. Проект Тардье снова подтверждает, что основная линия империалистов на женевской конференции заключается в борьбе против более слабых, менее агрессивных стран, в частности против стран полуколониальных. Проект Тардье подтверждает, что империалисты борются в Женеве против укрепления мира и против миролюбивых усилий единственной страны, которая упорно и систематически борется за мир,—против СССР.

Как до Женевы, так и в Женеве борьбу за мир, за его укрепление, за уничтожение вооружений ведут Советский союз и его делегация.

Речь т. Литвинова безусловно прозвучала диссонансом в общем хоре певцов бронированного пацифизма. Но этот диссонанс—такого характера, что он с точки зрения борьбы за мир бесконечно ценнее, чем все те мелодии, которые разыгрывали перед конференцией представители империалистических стран.

Речь т. Литвинова по существу не оставляет камня на камне от всего проекта Тардье именно потому, что представитель советской делегации вскрыл истинный смысл этого проекта, преследующего цели, ничего общего с укреплением мира и безопасности от войны не имеющие.

Советский союз, неоднократно доказывавший свое искреннее миролюбие, твердо и неуклонно проводит политику мира.

Советский союз прилагал все усилия для заключения пактов о ненападении. Не его вина, если эта политика не всегда встречает поддержку. Тов. Литвинов на примере с пактами о ненападении продемонстрировал перед лицом всего мира истинных противников укрепления мира.

Советский союз является инициатором действительного разоружения. Советский союз первый и единственный предложил наиболее последовательный проект полного разоружения. Когда этот проект был отклонен империалистами, СССР выдвинул проект ограничения вооружений. Но и этот проект был отвергнут империалистами. Советский союз внес проект об отказе от всех форм экономической войны. Этот проект постигла та же участь. Империалисты не хотят разоружаться. Империалисты не хотят укреплять мир. Империалисты готовятся к войне и к нападению на Советский союз. События на Дальнем Востоке говорят об этом красноречиво.

Речь т. Литвинова поставила наконец в центр внимания конференции тот вопрос, ради которого она собственно и была созвана. До сих пор империалистические державы или тщательно избегали говорить о действительном разоружении или откровенно высказывались за дальнейшее вооружение. Выступление советской делегации разоблачает все хитроумные маневры империалистов и социал-фашистов, их подготовку к новой войне, создание новых военно-политических союзов и комбинаций.

Советская делегация поставила все вопросы разоружения ребром. И как бы империалисты ни пытались маневрировать, им не удастся отвлечь внимание международного пролетариата от тех вопросов, которые именно советской делегацией поставлены в Женеве. Маневры империалистов будут разоблачены. Революционный пролетариат всех стран сделает все, чтобы не допустить войны и если она начнется—превратить войну империалистическую в гражданскую и обратить оружие против своих поработителей.

Каждый за себя и все против разоружения

(«Известия» 17 февраля 1932 г.)

В настоящий момент уже можно подвести некоторые итоги выступлениям капиталистических участников всеобщей конференции по разоружению. Эти выступления, как правило, не имели ничего общего с задачей сокращения вооружений. Даже буржуазная печать большинства стран вынуждена признать, что из всех выступлений в Женеве только речь представителя Страны советов представляла законченное и развернутое изложение вопросов, связанных с борьбой против войны.

Нужно сказать, что выступления представителей капиталистических правительств отличались исключительным разнобоем. Вероятно в дальнейшем наметятся объекты сделок между отдельными империалистами и вопросы, по которым различные державы будут между собою блокироваться. Но первый тур выступлений в Женеве свидетельствует о чрезвычайной обостренности внутриимпериалистических противоречий, когда каждый говорит за себя и спешит обеспечить за собой максимальную свободу вооружений. Выступления буржуазных дипломатов на так называемой конференции по разоружению были целиком и полностью посвящены борьбе за наиболее выгодное для каждой из стран соотношение сил в будущей войне.

Послевоенный период знает ряд попыток отдельных империалистических держав блокироваться на основе взаимных компенсаций при обсуждении вопросов о регулировании вооружений. Были моменты, когда Англия протягивала руку помощи Италии. Много нашумело англо-французское соглашение 1928 г. Неоднократно предпринимались попытки привлечь Францию и Италию к участию в Лондонском морском договоре. Все эти и многие другие попытки сговора в области гонки в вооружениях почти совершенно не отразились в женевских прениях.

В самом деле, французский империализм, выдвигая проект чрезвычайного усиления своей военной гегемонии в Европе, даже косвенным образом не предлагал никаких компенсаций в области морских вооружений. Представитель Великобритании, пытавшийся избегнуть всяких открытых выпадов против Франции, как будто совершенно позабыл о соглашении 1928 г. и выдвинул явно направленное против Франции требование о сокращении военно-обученных резервов и ограничении подводного флота. Представитель Соединенных штатов, ничего не обещая европейским империалистическим державам, развернул программу, все девять пунктов которой предусматривают исключительно интересы американского империализма. Из этих пунктов требование о продлении Лондонского и Вашингтонского договоров с присоединением к первому Франции и Италии без всяких компенсаций никак не может устроить европейских империалистов. Мало симпатии может вызвать со стороны континентальных держав и американское требование запретить применение подводных лодок. Не могло порадовать Англию и американское предложение снизить нормы тоннажа по морским договорам, так как благодаря этому американский флот быстрее сравняется по силе с английским. Не было также сделано ни с французской, ни с итальянской стороны никакой попытки примирить противоречия, разделяющие эти две державы. Представитель японского империализма не оставил никаких сомнений насчет того, что Япония ничуть не намерена итти на какие-либо уступки своим соперникам в Тихом океане.

Таково существо выступлений капиталистических политиков. Смысл этих выступлений конечно не может быть скрыт ни заклинаниями о желательности разоружения, ни туманными формулировками и сдержанностью тона. Если освободить от словесной шелухи речи представителей капиталистических правительств в Женеве, то окажется, что прения по вопросам разоружения целиком и полностью отразили механизм внутриимпериалистических противоречий, вскрыли картину ожесточенного соперничества, лихорадочной подготовки к новому вооруженному переделу мира.

САСШ стремятся увековечить то выгодное для них соотношение сил в морских вооружения, которого они добились еще до кризиса, в лучшие времена американской «просперити». Франция, ставшая крупной колониальной державой, старается сохранить за собой свободу морских вооружений и в то же время делает решительную попытку подвести новую базу под свою гегемонию в Европе, используя для этой цели в частности своих покорных союзников. Англия старается парировать попытки использовать ослабление ее международных позиций для нового удара по английскому морскому могуществу и, выдвигая антифранцузские требования, создает объект для торга с французским финансовым капиталом. Италия и Германия требуют себе «места под солнцем».

Такова картина внутриимпериалистических противоречий. Одновременно на женевской конференции с чрезвычайной определенностью проявились империалистические планы подготовки интервенции против СССР. Французский проект создания международной армии следует признать одним из самых ярких послевоенных выступлений на тему о подготовке нападения на Советский союз. Панъевропейские антисоветские проекты кажутся робким лепетом по сравнению с откровенным предложением передать в распоряжение империалистической Лиги наций авиацию как наиболее современный из наступательных видов вооружений, предложение о снабжении в виде исключения тяжелой артиллерией дальнего действия тех держав, которые предоставят в распоряжение Лиги наций свои вооруженные силы для применения пресловутой 16-й статьи устава Лиги, предложение о передаче женевскому штабу европейской реакции специальной международной полицейской силы и т. п. От пан-европейских блоков, от проектов экономической блокады Советского союза к созданию готовой армии для интервенции—такова тенденция развития антисоветской политики империалистических держав, как она проявилась на женевской конференции.

Но возникает вопрос: как империалистические участники женевской конференции предполагают соблюсти внешние приличия, в какую форму они облекают свои требования, излагая их на конференции, созванной якобы для сокращения вооружений? Рецепт прикрытия увеличения вооружений был заранее приготовлен в женевской лаборатории и уже широко использован на заседаниях конференции по разоружению. Мы имеем в виду проект конвенции, выработанный на заседании подготовительной комиссии к конференции по разоружению. Не случайно все ораторы, за исключением представителя Германии, предлагали принять в основу дискуссии именно этот женевский проект, представляющий один из самых лицемерных, самых возмутительных документов, какие создавались в недрах Лиги наций.

В свое время т. Литвинов дал убийственную характеристику женевского проекта. Выступая 4 декабря 1929 г. на сессии ЦИК СССР, т. Литвинов, подчеркнул, что женевская комиссия выхолостила из своего проекта «все то, что имело хотя бы отдаленнейшее отношение даже к частичному разоружению... Комиссия решила предложить будущей конференции по разоружению не сокращение, а лишь ограничение вооружений, что допускает не только сохранение нынешнего уровня вооружений, но даже повышение его».

И этот выхолощенный, никуда негодный проект, облегчающий увеличение вооружений, капиталистические участники конференции предлагают взять за основу дискуссии! Они полагают, что в рамках этого проекта каждый сумеет соблюсти свои интересы, и все вместе они изловчатся похоронить дело разоружения. Каждый за себя и все против разоружения—таков лозунг капиталистических участников женевской конференции. Тем большее значение приобретает выдвинутый Советским союзом в интересах трудящихся всех стран лозунг подлинного разоружения, требование создания действительной безопасности от войны.

Советский Союз требует полного разоружения

(«Правда» 22 февраля 1932 г.)

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ЛИТВИНОВА В ЖЕНЕВЕ

Женевский «Американский комитет» совместно с женевским международным клубом, вокруг которого группируются разные пацифистские элементы, в последние дни в связи с конференцией по разоружению периодически устраивал завтраки, на которых выступали с речами делегаты различных стран. На очередной завтрак получил приглашение в качестве почетного гостя и т. Литвинов, встреченный многочисленной аудиторией с громадным интересом. Зал был переполнен вдвое против обычного. Речь т. Литвинова была выслушана с напряженным вниманием.

Председательствовавшая на завтраке вице-председатель международного союза женских пацифистских организаций Кетлин Куртней приветствовала Литвинова от имени собравшихся. Поблагодарив за приглашение, т. Литвинов заявил:

«Инициатива «Американского комитета» лишний раз напоминает мне, как далеки бывают от действительности официальные штампы и выражения. Официально между нашими странами—СССР и САСШ—не существует отношений. Между тем мы знаем, с каким огромным интересом в вашей стране следят за всем тем, что происходит в СССР. Достаточно сказать, что в Москве постоянных газетных американских корреспондентов больше, чем какой-либо другой страны. В нашу столицу ежегодно прибывает большее количество посетителей из Америки, чем даже из европейских стран. Наконец на наших заводах, на новых промышленных гигантах, а также колхозах работает огромное количество американских машин и тракторов. Тысячи американских инженеров, техников и рабочих активно участвуют в советском строительстве. С большим интересом и народы СССР следят за жизнью, литературой и за духовной жизнью Америки.

Рассуждения о мире под грохот пушек

Я читал вчера в газетах,—заявил далее в своей речи т. Литвинов,—что в Шанхае, где происходят бои, сосредоточено 65 тыс. китайских войск. Надо полагать, что там имеется не меньше, если не больше, и японских войск. Таким образом происходят сражения между стотысячными армиями, а между тем официально никакой войны нет. Вот еще один пример отставания официальных свидетельств, официальных признаний от действительности.

Мы здесь все наполовину слушаем речи о мире и разоружении, а наполовину—голос войны, звуки оружия в действии. Мы делаем вид, будто бы речи о будущем мире заглушают голос войны сегодняшнего дня. Когда здесь люди спрашивают друг друга о впечатлениях первых недель конференции по разоружению, то принято отвечать в духе оптимизма указанием на хорошее начало и даже на поражение пессимистов, встретивших конференцию скептическим качанием головы. Если бы я мог верить и думать, что оптимизмом действительно можно помочь успеху конференции и оказать услугу делу разоружения и мира, верьте мне, вы услышали бы от меня самую сангвинистическую, полную самых розовых предсказаний речь.

Существует известная система лечения болезней. Система покойного профессора Куэ, по которой человек может вылечиться от любой болезни, если он будет повторять сам себе изо дня в день, что ему становится все лучше и лучше, что он вовсе не болен. Я был бы готов по этой системе ежеминутно повторять себе и другим на конференции, что уже все обстоит благополучно, что с каждым днем мы разоружаемся все больше и больше, что на Дальнем Востоке воцарились мир и тишина, что политическая независимость Китая не нарушена, что

сообщение об отделении Манчжурии от Китая лишь совершенно случайно совпало с оккупацией Манчжурии иностранными войсками, что моральное разоружение притупило японские и китайские штыки и превратило пули, снаряды, гранаты и бомбы в безобидный фейерверк. (Смех.)

Не хочу наносить ущерба репутации покойного Куэ и его последователей в области медицины, но должен сказать, что в социально-политической области я в эту систему не верю. В этой области, мне кажется, оптимизм не всегда внушает бодрость, не всегда является стимулом активности.

Мне кажется, что с исторической меркой в руках мы должны признать, что не спокойствие, довольство и удовлетворенность являются движущими силами прогресса. Наоборот, прикрашивание фактов влечет за собой часто большие опасности».

Подальше от разоружения — таков лозунг империалистов

Далее Литвинов указывает, что он не видит причин, которые настраивали бы более оптимистично, чем до конференции, и заявляет:

«В самом деле, мы услышали пока только декларативные речи делегаций и узнали позиции правительств, представленных на конференции, но эти позиции нам давно были известны, еще со времени подготовительной комиссии. Мне кажется, что если мы услышали что-либо новое, то это скорее говорит об отодвигании этих позиций подальше от разоружения. Если в подготовительной комиссии говорилось об ограничении и сокращении вооружений, то мы на самой конференции узнали, что некоторые правительства решительно заявляют о своем несогласии на какое бы то ни было сокращение вооружений, пока не будут приняты некоторые предварительные условия, причем условия выставляются совершенно неприемлемые для конференции в целом. Более того, мы услышали требования об увеличении вооружений, требования, исходящие далеко не от слабейших безоружных государств.

Существует к тому же множество принципиальных вопросов, разделявших государства на подготовительной комиссии в течение многих лет и не приблизившихся ни на йоту к разрешению, если судить по первым речам делегации.

Мне кажется, что в этих условиях для излишнего оптимизма причин пока нет. Если при этом вы примете во внимание, что с точки зрения советской делегации не только ограничение, но и сокращение вооружений являются слабыми паллиативными средствами, нисколько не приближающими нас к той цели, которая единственно могла бы обрадовать международную конференцию, созываемую в нынешних условиях, после долгой мучительной 13-летней подготовки, и что этой целью должно быть установление безопасности от войны,— то вы легко поймете, что меньше всего вы можете от меня ожидать оптимистических ноток. Пока что наш призыв к полному всеобщему разоружению и созданию этой единственной гарантии против войны никакого отклика на конференции еще не нашел.

Внесенные же на конференции новые предложения внушают опасения, как бы сама конференция не была совлечена со своего прямого пути на боковые тропинки. Нам всегда казалось, что под разоружением можно понимать только либо упразднение, либо сокращение вооружений и что во всяком случае конференция должна заниматься вопросом только о вооружениях. Но очевидно, не все так понимают задачи конференции. Уже в подготовительной комиссии были сделаны попытки подмены вопроса о вооружениях вопросом о безопасности. Комиссия даже сошла на время со своего пути и потратила немало времени на обсуждение вопроса о безопасности. Но эта работа либо не дала никаких результатов, либо инициаторы этой работы остались результатами недовольны. Боюсь, как бы эта попытка не повторилась на конференции.

Против безопасности вряд ли кто может возражать, не возражает против нее и советская делегация, но мы говорим, что при социально-экономических условиях, существующих в большинстве стран, в безопасности они будут находиться только тогда, когда никто не сможет нападать на них, когда нечем будет нападать и нечем будет оккупировать чужие территории, нечем будет порабощать другие народы. Сторонники противоположной концепции видят безопасность лишь в большем или меньшем уравнивании шансов на выигрыш войны

путем перераспределения вооружений или даже их увеличения.

Такого рода безопасность знала и довоенная история. К чему в конце концов сводится этого рода безопасность, если не к старому традиционному принципу равновесия сил, руководившему довоенной дипломатией? Этот принцип не спас мир от ужаснейшей из войн, в лучшем случае он увеличил безопасность одних народов за счет других и в общем оставил по себе во всем мире меньшую уверенность в безопасности, чем ее знали до войны. Нужно ли было пережить все ужасы и бедствия мировой войны и готовиться в течение 13 лет к конференции, вырабатывать и заключать всевозможные пакты и международные соглашения, чтобы в конце концов притти к старым принципам международной дипломатии, лишь несколько видоизмененным и приправленным новыми лозунгами?

Не безопасность вообще, а упразднение или сокращение вооружений

Мы еще ничего не сделали для физического разоружения, не уменьшили существующих войсковых соединений ни на одну единицу, а нам предлагают заняться моральным разоружением. Опять-таки кто может возражать против морального разоружения, против уничтожения проповеди шовинизма, джингоизма в печати, литературе, кинематографии и учебниках, игрушках и т. д.? Кто может возражать против запрещения пользования фальшивыми документами?

Меньше всего советская делегация может возражать против таких предложений. Ибо вряд ли против какой-либо другой страны пускалось в ход столько морального яда в печати, в речах и даже в официальных документах, сколько против СССР, чему в качестве свидетелей я мог бы вызвать вас, граждан САСШ. Вам лучше, чем кому бы то ни было, известно, как морально отравляются отношения между нашими странами путем организованных кампаний лжи, клеветы и фальшивых документов, поощряемых заинтересованными коммерческими и банковскими кругами, политическими авантюристами и контрреволюционной эмиграцией, готовой продаться сегодня — Китаю, завтра — Японии, послезавтра—кому угодно. Нам ли возражать против мер, имеющих целью борьбу с такого рода разбойниками пера и слова?

Но все это хорошо обсуждать в свое время и на своем месте. Эта проблема была поставлена недавно на международной конференции, созванной датским правительством в Копенгагене, и Советский союз охотно принял в ней участие, играл в ней весьма активную роль. Но все это имеет лишь самое небольшое отношение к упразднению или к сокращению вооружений. Утверждаю, что как раз наличие вооружений, и больших вооружений, в надежде на возможность ведения этими вооружениями, а также при помощи союзов и соглашений, удачных и прибыльных войн и создает тот самый шовинизм, ту отраву умов, которые нам предлагают упразднить только административными мерами. Нельзя ведь отрицать, что между капиталистическими государствами существуют глубокие противоречия—экономические, политические и даже территориальные.

Есть страны, считающие, что соседние государства неправильно и незаконно оккупируют земли, им принадлежащие. Отсюда агитация за восстановление нарушенных прав, за исправление границ и т. д. Но этих противоречий не устранишь тем, что счастливые обладатели спорных земель скажут своим соседям: «Простите нам наши обиды, как мы прощаем вам ваши!» Так история не делается. Так международные отношения не меняются.

Мы должны добиваться, чтоб эти недовольства не вели к попыткам изменения положения военной силой, а это может быть достигнуто только упразднением военной силы. Пока эта военная сила будет существовать, будет и вера в эту силу и возможность достижения превосходства над соседями путем ли увеличения собственных вооружений, путем ли политических комбинаций в международных организациях или вне их. Пока существует вооруженная сила, мы будем наблюдать шовинизм и милитаризм в области воспитания. Моральным разоружением этому делу не помочь. Оно должно и неизбежно будет сопутствовать военному разоружению, но ни в коем случае не может заменить его. Когда мы покончим с непосредственной задачей конференции, добьемся существенных успехов в деле действительного

разоружения, тогда можно будет обсудить и меры морального разоружения, и этим мерам будет обеспечен некоторый успех. Пока же, по нашему мнению, конференция не должна тратить своей энергии и времени на что-либо иное кроме разрешения той задачи, для которой она созвана.

Моральное разоружение невозможно без разоружения военного

Мне могут сказать, что часто общественное мнение вынуждает правительство содержать военную силу и проводить шовинистическую политику и что, поскольку общественное мнение становится более просвещенным, его давление ослабеет и правительства станут более доступными для идеи разоружения. Я не могу разделять эту точку зрения. Кампания шовинизма и народоненавистничества, травля одних народов другими, призывы к оружию никогда не исходили из глубин народных масс. (Аплодисменты.)

Эти кампании организуются искусственно и питаются небольшими группами, заинтересованными в подготовке войн, в фабрикации оружия и в военной промышленности и надеющимися извлекать прибыли из войны или из ее результатов. Эти кампании ведутся путем отравления сознания народных масс. Лишите эти группы их базы, отстраните их от военной промышленности, уничтожьте эту промышленность, уничтожьте надежду на войну и прибыли от нее, и эти кампании прекратятся сами собой, ибо они станут беспредметными, и тогда наступит действительное моральное разоружение и без специальных административных мер. Моральное разоружение таким образом может быть достигнуто только через физическое разоружение, т. е. через упразднение военных вооружений.

Упраздните сначала настоящих солдат, смертоносных солдат, а с игрушечными оловянными солдатиками справиться успеем. Подобные предложения, чуждые настоящему разоружению, ни в коем случае не могут вызывать оптимизма. Авторы их исходят из уверенности в безрезультатности конференции и заранее говорят нам: «Никакого разоружения или даже сокращения вооружений конференция не добьется. Так давайте займемся другими, маленькими делами и через них обеспечим конференции некоторый успех».

Заняться этим предложением теперь же значило бы заранее объявить банкротство конференции по разоружению, заявив, что она в состоянии заплатить лишь копейкой за рубль.

Быть может вы теперь поймете, почему я воздерживаюсь от оптимистических предсказаний. Если вы придаете значение давлению общественного мнения на конференции, то это давление будет тем сильнее, чем лучше общественное мнение будет осведомлено обо всем происходящем на конференции, чем менее оно будет обольщать себя иллюзиями и чем менее оно будет успокаивать себя мнимыми благоприятными перспективами и успехами.

Я просил бы вас не приписывать советской делегации однобокости, не подозревать ее в том, что она уставилась в одну точку и ничего вне этой точки не хочет видеть и слышать. Я вам сказал, что мы понимаем значение и безопасности, и морального разоружения, и других хороших вещей, которые могут быть использованы для подмены ими разоружения. Чем больше мы будем говорить о безопасности и о моральном разоружении, тем меньше будут разоружаться, а чем больше будем по-действительному разоружаться, тем скорее будут достигнуты и безопасность и моральное разоружение.

Мимоходом я хотел бы еще указать, что отсутствие безопасности не всегда видят там, где следует. Некоторые делегаты конференции усматривали причины недостаточной безопасности даже в том, что Советский союз не входит в Лигу наций. Знаменательнее всего, что эти указания исходили от представителей государств, которые сами не поддерживают никаких отношений с СССР. Это так же странно, как если бы я, не желая поддерживать никакого знакомства с человеком, стал бы зазывать его в свой клуб. (Смех.) Если же искать вне вооружений факторы, создающие атмосферу политической тревоги, неуверенности и нестабильности, то мы их скорее найдем в существующей отчужденности между множеством государств, с одной стороны, и народом в 160 млн. человек, расположенным на двух материках,— с другой. Достаточно вспомнить о собы-

тиях, происходящих ныне в бассейне Тихого океана.

Три из крупнейших Тихоокеанских стран, а именно: Советский союз, Китай и САСШ, не имеют между собой отношений. Мне кажется, что не требуется много соображения и политической прозорливости, чтобы понять, в какой мере это обстоятельство содействовало нынешним дальневосточным событиям, если прямо не вызвало их, чтобы понять, что если бы этого обстоятельства не было, то либо печальные события не произошли бы вовсе, либо протекали совсем иначе».

Тов. Литвинов заканчивает пожеланием, чтобы «работа конференции оправдала надежду наибольших оптимистов из всех присутствующих здесь».

Речь т. Литвинова покрывается продолжительными, шумными аплодисментами. Она была выслушана в обстановке исключительно напряженного внимания не только ввиду наблюдающегося в Женеве особого интереса к выступлениям советской делегации и большого впечатления, произведенного здесь и в международной прессе выступлением т. Литвинова на конференции. Интерес к речи т. Литвинова объясняется еще и тем, что т. Литвинов в сегодняшней речи откровенно подвел итоги фактически закончившейся генеральной дискуссии на пленуме конференции и разоблачил ничем необоснованный казенный оптимизм, которым режиссеры конференции покрывают выявившееся на конференции еще большее, чем раньше, расхождение позиций и свое нежелание обсуждать вопрос о сокращении вооружений.

Разоблачение т. Литвиновым подоплеки лозунга «морального разоружения» в данной обстановке вызвало особый интерес, поскольку в последние дни инициаторы этого лозунга из франко-польской группы, и прежде всего поляки, развили в Женеве во всяких докладах (проходящих впрочем в наполовину пустых залах), в брошюрах и т. д. суетливую кампанию о «моральном разоружении» как о предпосылке разоружения материального.

Действительная безопасность в разоружении всех стран

(«Правда» 26 февраля 1932 г.)

РЕЧЬ ТОВ. ЛИТВИНОВА ОТ 25 ФЕВРАЛЯ

Генеральная комиссия конференции по разоружению приступила сегодня к обсуждению двух внесенных вчера резолюций т. Литвиновым и Саймоном.

В начале заседания с речью, выслушанной с большим вниманием, выступил т. Литвинов.

«Я не предполагал, что мне первым придется выступить в комиссии в связи с резолюцией о всеобщем и полном разоружении. Я полагал бы, что эта резолюция считается внесенной и обоснованной заявлением, сделанным мною на конференции 11 февраля, и что мне придется лишь отвечать на возможные возражения других делегатов.

Я однако охотно следую призыву, сделанному вчера в комиссии, о новом выступлении в пользу полного разоружения и особенно рад, что этот призыв исходил от почтенного премьера Франции Тардье.

Задача дня—максимальная безопасность против войны

Я однако не намерен злоупотреблять призывом и отнимать много времени у комиссии подробным повторением всех тех мотивов в пользу полного разоружения, которые я привел уже на конференции. Я только вкратце напомню их.

Основные тезисы наши сводятся к тому, что угроза новой войны теперь более реальна, чем когда бы то ни было (если вообще можно говорить об угрозе, когда война уже ведется), что новая война грозит человечеству большими ужасами истребления, чем когда бы то ни было, что она грозит особыми бед-

ствиями в условиях нынешнего кризисз трудящимся, что задачей дня является создание максимальной безопасности против войны и что эта безопасность не может быть осуществлена иными путями, как полным упразднением и уничтожением вооружений и всяческих иных военных факторов.

Правда, советское предложение было уже ранее отвергнуто в подготовительной комиссии, в которой были представлены все крупнейшие и наиболее значительные государства. Мы тем не менее позволяем себе вновь поставить эти предложения перед конференцией, ибо делегаты комиссии между прочим ссылались на ограниченность своих полномочий, недостаточность их инструкций и на другие формальные причины, на которые вряд ли сможет ссылаться конференция, состоящая из представителей почти всех существующих государств как членов, так и нечленов Лиги наций, и притом представителей наиболее ответственных, наиболее квалифицированных для принятия самых серьезных решений.

Кроме того наши предложения сделаны были пять лет тому назад, а за это время, мне кажется, можно было многому научиться на происходивших за это время событиях. Пять лет тому назад капиталистический мир переживал расцвет так называемого пацифизма.

Возможность новой войны доказана тем, что она есть

Многие полагали, что под влиянием уроков последней мировой войны вероятность новой войны беспрерывно уменьшается, что человеческая совесть и общественное мнение не допустят новой войны, что стоит только еще больше развить систему международных соглашений и пактов,—и войну можно будет совершенно устранить из международного обихода.

Когда представляемая мной страна, основываясь на отношениях, существующих, а еще более—не существующих у нее с другими странами высказывала опасение, что она может подвергнуться нападению со стороны капиталистических государств, то это характеризовалось как чуть ли не маниакальная мнительность, а тем более война между несоветскими государствами считалась совершенно исключенной. Возможность новой войны однако с достаточной очевидностью доказана ныне тем, что она уже есть, а вероятность ее дальнейшего расширения или повторения в большем масштабе не может быть отрицаема при учете все более обостряющихся противоречий между государствами.

«Война — хозяйственное предприятие крупного масштаба»

В капиталистической печати война ныне обсуждается как проблема актуальной политики, как средство разрешения экономического кризиса. Вот что говорят например нынешние капиталисты:

«Ни одно правительство никогда еще не приостанавливало ни одного кризиса иным способом, кроме войны. И если подобный выход из кризиса представляет свою опасность, то опасно также не попытаться этого сделать». Это было сказано перед избранной аудиторией экономистов-статистиков в Вашингтоне 29 декабря 1931 г. Я позволю себе привести вам также несколько цитат из журналов:

«С точки зрения трезвого экономиста,—пишет один журнал,—война является хозяйственным предприятием крупнейшего масштаба. Перефразируя известное изречение Клаузевица, можно сказать, что война есть продолжение хозяйствования другими средствами».

«Каждая страна получила бы только облегчение от войны, еще более долгой и кровавой, чем последняя».

«Во время войны дела некоторых стран всегда улучшаются. Большинство стран мира в настоящее время настолько не удовлетворено существующими условиями «бизнеса», что для них имеет смысл рискнуть испробовать перспективу войны».

Дальше: «Мы потратили миллионы долларов на прекрасные вооружения, и весьма неприятно видеть эти вложения находящимися без дела и не приносящими дохода».

Автор этих сентенций считает основной причиной нынешнего кризиса перенаселение, от которого он предлагает нам избавиться каннибализмом в форме войны. Я не называю ни авторов статей, ни журналов, чтобы не создавать

им рекламы, но готов дать эти названия всем желающим.

Подобные статьи не могли бы появляться в печати 5 лет назад: они теперь—знамение времени и симптом того умонастроения, которое порождается обостряющимися противоречиями.

Транспорт за транспортом военной амуниции воюющим государствам

При существовании подобного умонастроения не приходится удивляться, что в то время как совет Лиги наций посылает призывы к воюющим на Дальнем Востоке государствам о приостановке военных действий, а делегаты на конференции выражают свое огорчение по поводу кровопролития на Востоке,—что в это же время, повторяю, некоторые страны свободно и открыто, с согласия своих правительств, посылают транспорт за транспортом военной амуниции воюющим государствам для продолжения и усиления кровопролития.

Не доказывает ли это, что международные противоречия и интересы, стоящие за вооружениями, за военной промышленностью, сильнее всяких пожеланий и резолюций пацифистов отдельных кружков, групп и даже партий? Не доказывает ли это и того, что подобному положению вещей невозможно положить конец иначе, как *полным упразднением и уничтожением вооружений, всеобщим и полным разоружением*? Я мог бы ограничить сказанным обоснование резолюции о полном разоружении и предоставить другим делгатам указать, какие, по их мнению, существуют препятствия к осуществлению этого предложения. Я опасаюсь однако, что здесь могут быть высказаны те же возражения, какие мы слышали в подготовительной комиссии, и мне кажется, что я сэкономлю генеральной комиссии время, если я сам позволю себе напомнить ей эти возражения и данные мною на них ответы.

Безопасность — в полном разоружении

Я уже говорил о возражениях формального характера. К числу их надо также отнести ссылки на 8-ю статью устава Лиги наций, которая обязывает якобы членов Лиги сократить свои вооружения только до уровня, совместимого с безопасностью. Но, внося наши предложения о полном разоружении, мы не основываемся на каких-либо обязательствах государств—участников конференции—и не предъявляем никаких требований. Мы спрашиваем у них не о том, что они *обязаны* сделать, а о том, что они *согласны* сделать, т. е. *согласны ли они вместе с Советским союзом разоружиться полностью, чтобы изгнать войну из международного обихода и чтобы* отказаться от войны в качестве средства хозяйствования. При этом мы отнюдь не игнорируем условия безопасности, но мы говорим, что эта безопасность—и безопасность для всех стран может быть дана только полным разоружением.

Но кроме формальных мы слышали в подготовительной комиссии возражения по существу.

Нам говорили например, что даже при уничтожении постоянных армий и флота придется сохранить пограничную стражу для борьбы с контрабандитизмом, полицейскую силу, пожарные команды, лесную стражу, конвойные команды и т. п. и что этой вооруженной силы достаточно будет для нападения одних стран на другие.

Не подлежит сомнению, что в случае полного разоружения невозможно будет предоставить каждому государству под видом полицейской, пограничной или иной стражи создавать себе по собственному усмотрению и без ограничения ту или иную потенциальную вооруженную силу и что необходима будет соответственная международная конвенция для урегулирования этого вопроса. Такая конвенция вероятно предоставит двум соседним государствам право иметь одинаковое количество пограничной стражи по обеим сторонам границы. Что касается полиции, то она могла бы представлять собою потенциальную армию лишь в том случае, если бы было признано необходимым вооружать ее пулеметами, танками, артиллерией, ядовитыми газами, бомбовозами и т. д.

Мы однако такой необходимости не признаем. При оставлении же полиции простейшего оружия трудно предположить, чтобы какое-либо государство могло целиком мобилизовать ее и стянуть ее на границе из всех городов и деревень, чтобы бросить на соседнюю

страну. Мы знаем, что как раз для войны и при ведении войны государство усиливает органы, предназначенные для поддержания внутреннего порядка, и никогда не посмеет отвлечь полицейские силы от их прямых обязанностей. По таким же соображениям невозможна и мобилизация конвойных команд, а мобилизация пожарных команд конечно не заслуживает серьезного обсуждения.

Нам говорили также, что даже в случае уничтожения армии и современного оружия люди по самой натуре не смогут отказаться от драки и народы будут бросаться друг на друга с самым примитивным оружием и даже драться на кулаках. Но мы думаем, что немногочисленной пограничной стражи будет вполне достаточно для отражения подобного рода атак.

Да и вряд ли цивилизация сколько-нибудь проиграла бы от того, если бы на Дальнем Востоке например вместо обмена снарядами из тяжелых орудий и бомбами с воздуха, сопровождающегося уничтожением тысяч человеческих жизней и имущества, там происходила бы теперь лишь драка на кулаках.

Другие «аргументы» против разоружения

Приводилось как будто и более серьезное возражение. Нам указывали, что и после полного разоружения наиболее индустриально развитые страны могли бы создать себе новые вооружения и напасть на безоружных соседей. Эта ссылка на возможность нарушения конвенции может служить аргументом против любой конвенции и против конвенции об ограничении или сокращении вооружений.

Если предположить, что одни государства будут лойяльно выполнять конвенцию, а другие в нарушение ее тайно увеличивать установленные для них конвенцией вооруженные силы, то несомненно создастся угроза безопасности для лойяльных стран.

Если исходить из этого, то невозможно заключать никакие международные соглашения. Я уже указывал на пленуме конференции, что при всеобщем разоружении контроль над соблюдением конвенции неизмеримо более прост и более эффективен, чем при сокращении вооружений. Создание заново производства военных материалов, мобилизация больших отрядов при отсутствии всякого учета, вооружение и экипировка их потребуют слишком длительного времени, чтобы это могло пройти незамеченным. Незаметно вы не соорудите не только дредноута, но даже и подводной лодки, дальнебойных орудий или газометов.

Можно иметь хорошую металлургическую и химическую базу в стране, можно обладать большой численностью и плотностью населения, но для того чтобы эти потенциальные силы превратить в вооруженную армию, нужны сложные и длительные процессы, нужны хорошие военные кадры, нужна выучка их, нужны длительные сроки для того, чтобы привести в действие сложные механизмы войны. В условиях современной военной техники только систематически переобученные резервисты представляют ценность для армии. Техника настолько движется вперед, что на повторных сборах приходится переобучать рядовых солдат, унтер-офицеров и даже офицеров. Поэтому упразднение воинской повинности, полное уничтожение учетных данных для мобилизации решительно упразднят всякую возможность использования организованных масс для военных целей в короткие сроки.

Наконец разве нынешние потенциальные силы одинаковы во всех государствах? Разве существует равенство безопасности с этой точки зрения?

Разве промышленно развитые государства не могут в случае войны мобилизацией промышленности создавать себе огромное превосходство над силами менее промышленно развитых, а тем более аграрных стран?

Разве не очевидно, что развитие и расширение существующей военной промышленности, существующих военных кадров более осуществимо, более реально, чем создание заново уничтоженной военной промышленности или создание армии из необученных народных масс? Да и мыслима ли будет мобилизация этих масс для военных надобностей, если эти массы не будут иметь перед собой вооруженного противника и не будут бояться нападения с его стороны? Ведь и ныне создание армии и мобилизация для войны возможны только при воздействии на воображение народных масс фиктивной или действительной угрозой нападения на их страну. При всеобщем разоружении нельзя будет этих

фикций создавать и уже по этому одному невозможна будет подготовка к войне. Нам представляется, что по этой же причине несущественны опасения, будто в ближайшие годы можно будет мобилизовать тех резервистов, которые получили военную подготовку и образование до всеобщего разоружения.

Мы глубоко убеждены в том, что только равенство в отсутствии вооружений, равенство на нуле создаст действительную гарантию безопасности для всех народов, что это чувство безопасности будет настолько сильно, что ни в одной стране правительство не сможет, если даже захочет, мобилизовать одни народы для нападения на другие.

Я, кажется, перечислил важнейшие возражения, которые делались в подготовительной комиссии против полного разоружения. Я готов допустить возможность новых возражений, не высказанных еще в подготовительной комиссии. Мы охотно выслушаем их здесь. Мы однако убеждены в том, что какие бы дефекты ни могли быть найдены в предлагаемой нами схеме, преимущества ее совершенно их перекрывают. Другой альтернативы нет. Другой гарантии против войны мы не видим. Ее не дает ни сокращение вооружений, ни тем более ограничение вооружений и упразднение тех или иных средств вооружений.

Разоружение — гарантия от новой интервенции

Государство, которое я имею честь представлять, дорожит не меньше, а вероятно больше своей независимостью, чем другие государства. Оно нуждается в безопасности не меньше, а больше, чем другие государства.

Завоевав себе героическими усилиями действительную свободу, рабочие и крестьяне Советского союза после изнурительной мировой войны должны были дополнительно три года вооруженной рукой защищать эту свободу против покушений на нее изнутри и извне.

Затем 12 лет они с величайшим энтузиазмом работают над закладыванием фундамента нового строя.

Они осуществили величайшие экономические планы, которые еще несколько лет тому назад вне Советского союза характеризовались как утопия.

Они знают, что нарушение безопасности их государства, иноземное вторжение, может грозить уничтожением построенного ими фундамента, уничтожением надежд на скорое осуществление нового строя.

Тем не менее они не почувствовали бы никакой угрозы себе от уничтожения вооруженных сил Советского союза, при условии уничтожения вооруженных сил и других государств. Наоборот, у них усилится чувство безопасности, и они нисколько не будут бояться нападения безоружных народных масс других стран, несмотря на то, что Союз граничит с такими численно превосходящими его народами, как китайский и индийский.

Полное всеобщее разоружение не создает опасности и для других народов.

Но каково бы ни было отношение других государств к предложению о полном разоружении, советское правительство не может пройти мимо возможности, которую представляет для него нынешняя всемирная конференция для постановки проблемы о полном разоружении.

Если не на нынешней конференции, то где же эта проблема может быть поставлена? Голосование по этому вопросу, независимо от его исхода, будет полно глубокого исторического значения и не пройдет бесследно в истории международных отношений. Вот почему я позволю себе рекомендовать вашему вниманию и поставить на ваше обсуждение советский проект резолюции».

«Все говорит за то, что разговорами о разоружении пытаются лишь прикрыть действительные факты роста вооружений, обострения противоречий в империалистическом лагере и нарастающую опасность новых империалистических войн».

(Молотов)

Саботаж разоружения

(«Правда» 27 февраля 1932 г.)

Три недели продолжались так называемые «общие прения» на конференции по разоружению. Не будет ошибкой, если мы скажем, что за это время дело разоружения—не словесного, а действительного—не продвинулось вперед ни на шаг.

Представители империалистических стран, выступавшие в прениях, выказали весьма мало склонности обсуждать вопрос о разоружении. Они предпочли ограничиться изложением точек зрения своих правительств, правящих кругов и господствующих классов. Сводились же эти точки зрения к тому, что разоружаться-де должны остальные державы, а державе, от имени которой выступает тот или другой министр или дипломат, должна быть предоставлена полная возможность дальнейших вооружений.

В этом, собственно, заключается суть выступлений представителей Франции, Англии, САСШ и других империалистических стран. На долю советской делегации выпала роль единственного защитника действительного разоружения и мира. Советской делегации все время приходится возвращать конференцию к вопросу о разоружении, ей все время приходится выдвигать в центр внимания конференции тот вопрос, ради которого она формально была созвана.

Буржуазные правительства, представленные на конференции, не хотят разоружаться. Но одновременно они с большой готовностью соглашаются на то, чтобы растянуть сроки работ конференции до бесконечности, перемежая ее заседания каникулами, перерывами и т. д.

Это и понятно. Ценность конференции для весьма многих заключается в том, что под ее прикрытием легче готовиться к войне.

Уже в первые дни конференции противоречия между империалистическими державами вышли наружу. Прошло три недели. Закончился первый этап работы конференции, и мы сейчас можем констатировать то, что не трудно было предвидеть с самого начала. Конференция оказалась в тупике. Все слова сказаны. Предложения сделаны. А дальше что? В перспективе ничего другого кроме полного провала конференции из-за нежелания империалистов разоружаться.

Однако империалисты вовсе не намерены сразу отказаться от такого сильно действующего средства обмана трудящихся масс, как разговоры о разоружении. Империалисты пытаются прикрыть свой открытый и явный саботаж разоружения. Деятельность конференции сосредоточивается в комиссиях, где под видом работы по разоружению будет продолжаться борьба между империалистами за дальнейший рост вооружений и совместная их борьба против действительного разоружения.

Сейчас в точности повторяется то, что в течение пяти лет происходило на заседаниях и сессиях знаменитой «подготовительной комиссии к конференции по разоружению». Пять лет в Женеве происходила обставленная всеми принадлежностями пацифистского маскарада борьба против всяких попыток разоружения. Совместными усилиями империалистов комиссия проваливала одно советское предложение о разоружении за другим. Совместными усилиями империалистов вся работа подготовительной комиссии по разоружению была направлена к тому, чтобы ни в какой степени не мешать подготовке к новой мировой империалистической войне, к новому переделу мира.

Результатом пятилетней работы комиссии, старательно саботировавшей советские предложения, старательно саботировавшей все те мероприятия, которые могли бы принести пользу делу мира, является ублюдочный по форме и никчемный по существу «проект конвенции», представленный конференции по разоружению.

Нам уже приходилось указывать, что этот проект ни в какой степени, ни с какой точки зрения не преследует цели разоружения. Мы имеем дело скорее с планом совместной борьбы империалистов против разоружения.

Проект конвенции подготовительной комиссии не содержит ни одного пункта, который оправдывал бы его назва-

ние. Основных пунктов в проекте, собственно, три.

Во-первых, стабилизация вооруженных сил отдельных держав на том весьма не малом уровне, которого они достигли к моменту конференции. Таким образом этот пункт как бы узаконивает в порядке международного соглашения гигантски выросшие вооруженные силы империалистических держав и сохраняет в неприкосновенности неравенство между различными странами, между сильными и слабыми государствами, в частности узаконяет неравенство, созданное Версальским договором, и военное превосходство одних стран над другими.

Во-вторых, проект предусматривает известное сокращение военных бюджетов. Вернее сказать, официальных военных бюджетов. Разве империалисты не сооружают стратегические железные дороги, не строят военные заводы, военные порты, вспомогательную авиацию и т. д., относя расходы на эти... «сугубо мирные» цели к бюджетам формально не военных ведомств? Второй пункт, как и первый, ничего общего не имеет с действительным разоружением.

И наконец третий пункт. Он поистине достоин первых двух. Третий пункт предусматривает заключение серии договоров, нечто вроде нового пакта Келлога, соглашение об арбитраже и т. д. Все эти договоры должны, по мысли составителей проекта (а составляли его главным образом опытные в таких делах дипломаты империалистической Франции), увенчать собой «безопасность», базирующуюся на первых двух пунктах.

Так мыслится империалистами, и в первую очередь французскими, «гармоническое слияние безопасности и разоружения».

За пять лет, в течение которых составлялся проект конвенции, вооруженные силы империалистических держав успели значительно вырасти и количественно и особенно качественно. Проведен целый ряд расходов на усовершенствование снаряжения, оружия, на заготовку соответствующих запасов и т. д. Следовательно сейчас же проект конвенции стал еще более приемлемым для империалистов.

Поэтому не случайно, что когда «общие прения» были закончены и обсуждение было перенесено в генеральную комиссию, все империалистические державы ухватились за проект конвенции подготовительной комиссии. Это и понятно. Империалисты стремятся лишь к одному—подальше от разоружения. А проект конвенции и является тем проектом, который переводит всю работу конференции из плоскости разоружения в плоскость дальнейшего соревнования между империалистами на качество их вооруженных сил. При этом проект конечно ни в коей степени не ограничивает возможностей и количественного увеличения вооружений.

Первое заседание генеральной комиссии прошло под знаком совместного выступления империалистов против советских предложений.

Избрание господина Бенеша главным докладчиком комиссии в этом отношении является чрезвычайно ярким штрихом. Можно заранее сказать, что господин Бенеш обуреваем не столько заботами о мире, сколько заботами о доходах «Легиобанка», снабжающего японских империалистов оружием, того самого банка, акционерами которого являются господин Бенеш и знаменитые военные заводы фирмы Шкода. Крайне трудно установить, кого собственно представляет господин Бенеш в генеральной комиссии — чехо-словацкое ли правительство или международную организацию, торгующую оружием и взрывчатыми веществами!

Почти все основные империалистические державы согласились на заседании генеральной комиссии положить в основу разоружения проект конвенции подготовительной комиссии. Это может показаться странным. Но странного тут ничего нет. Проект конвенции — это убежище для всех, кто не хочет разоружаться. Проект конвенции—это исключительно подходящая почва для дальнейших вооружений. И наконец проект конвенции—все же достаточно остроумно составленный план обмана трудящихся масс.

Для саботажа советских предложений, для саботажа разоружения, для саботажа дела мира империалисты вытаскивают на свет божий явно негодный проект конвенции, который должен их спасти от необходимости дать ясный ответ на прямое предложение советской деле-

гации, поставившей все вопросы разоружения ребром.

Проект резолюции, внесенный советской делегацией, и блестящая речь т. Литвинова на первом заседании генеральной комиссии, вскрывшая бессодержательность всех возражений против всеобщего и полного разоружения и обосновавшая тезис безопасности против войны, вновь вынуждают генеральную комиссию возвратиться к основному вопросу борьбы за укрепление мира.

Но именно этого всеми силами стараются избегнуть господа империалисты. Они делают все от них зависящее, чтобы конференция кончилась ничем. Отвергнув советский проект, господа империалисты тем самым лишили конференцию единственной реальной основы работы по разоружению. Отвергнув советский проект, империалистические державы тем самым предрешают бесславный конец конференции.

Отвергнув советский проект, империалисты приняли резолюцию, состоящую из бессодержательных пацифистских фраз, ни к чему не обязывающих и никому из империалистов не угрожающих... разоружением!

Вся режиссура заседания генеральной комиссии, заранее подготовленные выступления представителей таких «самостоятельных» держав, как Югославия, Греция или Испания, против советского проекта, плоские анекдоты и увертки вместо ясного ответа на советское предложение,—все это великолепно гармонирует с лицемерными разглагольствованиями империалистов о «мире», «сотрудничестве» и т. д.

Империалисты готовы сотрудничать и сотрудничают, но не с теми, кто борется за мир, а с теми, кто ведет войну; не с теми, кто борется за разоружение, а с теми, кто борется против него.

Господа империалисты на заседаниях конференции старательно обходят те зловещие события, которые происходят на Дальнем Востоке. Им нет дела до того, что всеобщему миру угрожает величайшая опасность. Они витают в облаках... порохового дыма, они очарованы «музыкой», доносящейся с чапей-усунского фронта.

Выступление т. Литвинова на заседаниях генеральной комиссии напоминало империалистам о конкретной обстановке, в которой происходят заседания: разрастающаяся японо-китайская война, усиленная возня белогвардейцев в Манчжурии под явным покровительством японских империалистов. Разве этих фактов недостаточно, чтобы обратить на них сугубое внимание? Разве эти факты не являются достаточным подтверждением того, что только всеобщее полное разоружение создаст безопасность от войны?

Но империалистам нет дела до безопасности от войны. Они заинтересованы именно в войне и в дальнейших вооружениях.

Голос советской делегации, несмотря на то, что ее предложение провалено, все же звучит достаточно громко, чтобы быть услышанным трудящимся всех стран, которым новая империалистическая война угрожает неслыханными бедствиями.

Чем злостнее империалисты будут саботировать дело разоружения, тем громче будет звучать протест трудящихся масс против новой империалистической войны, против подготовки нападения на Советский союз, протест, который растет и ширится во всем мире.

...«Мы должны быть готовы к нападению на нас и еще сильнее укреплять диктатуру пролетариата и боеспособность нашей страны».

(Шверник)

«Разоружительные» проекты империалистов

(«Известия» 1 марта 1932 г.)

Выступления делегатов различных империалистических держав на международной конференции по разоружению и внесенные ими предложения дают богатый материал для характеристики основных линий их военной политики и существующих между ними глубоких противоречий.

Наиболее интересным в этом отношении представляется нашумевший французский меморандум, оглашенный на конференции председателем французской делегации Тардье.

Мы не будем излагать политические тезисы, лежащие в основе французского меморандума и многократно выдвигавшиеся французской дипломатией (необходимость обязательного арбитража, определение «нападающей» стороны, расширение полномочий Совета Лиги наций и упрощение процедуры его решений в целях ускорения применения «санкций» и т. д.). Мы коснемся исключительно военно-технических аспектов этого документа.

Особенно интересна первая часть меморандума, говорящая о «предсгавлении в распоряжение Лиги наций гражданской авиации и бомбардировочной авиации». Прежде всего предусматривается воспрещение всеми договаривающимися сторонами постройки и употребления самолетов гражданской авиации, «могущих быть использованными для военных целей». С этой целью тоннаж гражданских самолетов должен быть ограничен определенными лимитами, которые будут установлены экспертами. Все самолеты гражданской авиации, превышающие эти лимиты, должны быть переданы в распоряжение Лиги наций, при которой будет создана международная гражданская транспортная авиация для обслуживания континентальных, междуконтинентальных и междуколониальных сообщений. Лига наций не только будет иметь исключительное право на постройку и употребление самолетов, превышающих по своим размерам указанные лимиты; сверх того, договаривающиеся государства должны передавать на ее утверждение свои планы относительно воздушных линий, которые они пожелают эксплоатировать самостоятельно, и в частности относительно числа, типа и тоннажа самолетов, какие будут на этих линиях употребляться. Наконец Лига наций будет иметь «исключительное постоянное и неотъемлемое право реквизиции всех самолетов международной гражданской авиации», т. е. очевидно право приспособления этих самолетов для военных целей.

Постановления, относящиеся к военной бомбардировочной авиации, фигурирующие во французском проекте, носят несколько иной характер. Именно в распоряжении Лиги наций для создания «международной органической военно-воздушной силы» передаются лишь самолеты наиболее крупных размеров, превышающие подлежащий установлению экспертами лимит тоннажа. Напротив, военные самолеты меньших размеров, не превышающие по тоннажу другого, более низкого лимита, который также должен быть установлен, «останутся в постоянном распоряжении военно-воздушных флотов» различных держав и очевидно не будут подчинены контролю Лиги наций. Наконец самолеты среднего размера, тоннаж которых колеблется между двумя указанными лимитами, могут быть лишь в воздушных флотах тех держав, которые согласятся предоставить их в распоряжение Лиги наций в случае применения ст. 16 статута Лиги наций и налагаемых этой статьей обязательств совместного выступления против «нарушителей мира». Прочим государствам иметь такие самолеты таким образом воспрещается.

Смысл всего французского проекта, относящегося к гражданской и военной авиации, станет ясным, если ознакомиться с современным состоянием воздушных сил Франции по сравнению с соответствующими силами ее ближайших соседей и возможных противников. Дело в том, что Франция, располагая наиболее многочисленным в мире военным воздушным флотом, в то же время значительно отстала от других крупных империалистических держав в отношении качества некоторых категорий самолетов. В частности в отношении строи-

тельства наиболее крупных и тяжелых самолетов с большой грузоподъемностью и большим радиусом действия Франция далеко отстала от Италии и Германии (а также и от Англии). Италия располагает более мощными бомбовозами, чем ее «латинская сестра». Германия, хотя и лишенная военной авиации по Версальскому договору, далеко превосходит Францию в отношении конструкции и размеров своих крупных коммерческих самолетов, которые, по утверждению французских военных специалистов легко могут быть превращены в бомбовозы.

По данным, приведенным правым депутатом Скапини во время прений во французской палате депутатов о положении французской авиации (29 января), Франция располагает 290 тяжелыми бомбовозами, которые могут доставлять 254 *т* взрывчатых веществ на дистанцию в 300 *км*, 119 *т*—на дистанцию в 450 *км* и совершенно не могут оперировать на дистанции в 1 000 *км*. Германия располагает 225 тяжелыми коммерческими самолетами, которые могут доставлять 190 *т* на 300 *км*, 136 *т*—на 450 *км* и 54 *т*—на 1 тыс. *км*. Италия имеет 260 бомбовозов, могущих перевозить 212 *т* на 300 *км*. Столько же—на 450 *км* и 152 *т*—на 1 тыс. *км*. Эти цифры говорят об относительной слабости Франции в отношении тяжелой бомбардировочной авиации, способной оперировать на дальних дистанциях. Предоставление в распоряжение Лиги наций наиболее крупных военных бомбовозов и контроль над самолетами средних размеров имеют целью лишить Италию и другие державы тех преимуществ, которые они имеют перед Францией в области этих видов воздушных вооружений. Напротив, французский меморандум не предусматривает никаких ограничений для тех категорий авиации, где количественное первенство французского воздушного флота является неоспоримым,—малых бомбовозов, истребителей, разведочной авиации и т. д.

С этим же стремлением французского империализма лишить своих будущих противников их потенциальных военных преимуществ и в то же время сохранить максимальные преимущества за собой связано проектируемое воспрещение воздушной бомбардировки на дальних дистанциях, при одновременной «легализации» воздушной бомбардировки на коротких расстояниях от линии фронта или побережья.

Аналогичной целевой установкой обладают и те части французского проекта, которые относятся к морским и сухопутным вооружениям. Проект предусматривает упразднение линкоров тоннажем свыше 10 тыс. *т* и вооруженных пушками свыше 203 *мм* 8-дюймового калибра и подводных лодок, превышающих лимит тоннажа, который должен быть особо установлен. Сохранить соответствующие единицы могут лишь те державы, которые примут обязательство предоставить их в распоряжение Лиги наций в случае применения той же статьи 16. Нетрудно видеть, что этот пункт направлен против главных морских держав—САСШ и Великобритании; он ставит их перед альтернативой: или лишиться своих могущественных линейных флотов, или превратить их в оружие Лиги наций для применения санкций, т. е. для охраны незыблемости версальской системы. Самой Франции применение этого проектируемого постановления ничем не грозит, так как она располагает лишь сравнительно устаревшими линкорами, а в выгодах строительства крупных подводных лодок французское морское министерство все более сомневается. Основные линии морской политики Франции в виде усиленного строительства крейсеров, больших миноносцев и многочисленных подводных лодок малого тоннажа ни в малейшей степени не были бы нарушены в случае принятия французского проекта.

Фигурирующие во французском меморандуме пункты, предоставляющие исключительное право на сохранение определенных видов вооружений тем державам, которые согласятся предоставить их Лиге наций при применении статьи 16, нужно считать прямо направленными против государств, которые не являются членами Лиги и которые вследствие этого в случае принятия французского плана были бы поставлены в исключительно невыгодные условия. В первую очередь конечно острие этих французских предложений направлено против Советского союза.

Достаточно вскрывают сущность французского проекта и те его постановления, которые касаются создания «международной силы», находящейся в распоряжении Лиги наций, для предупредительных и карательных мер в отношении

«нарушителей мира». Франция выражает свою готовность отрядить в состав этой «международной силы» в случае конфликта вне Европы лишь одну легкую морскую дивизию и смешанную авиогруппу и военные материалы без сухопутных войск; в случае конфликта в Европе, но не на границах Франции, последняя готова выслать одну дивизию войск, одну морскую дивизию и военные материалы с обслуживающим их персоналом. Наконец в случае конфликта, где «нападающая» сторона имеет общую границу с Францией, последняя готова выставить неограниченные военные силы. Эта часть проекта наглядно разоблачает тот факт, что «санкции» Лиги наций во исполнение статьи 16 и проектируемая «международная» армия являются для французского империализма не чем иным, как подходящими средствами для нанесения ударов его потенциальным противникам.

* * *

Прочие империалистические державы, представленные на женевской конференции, воздержались от опубликования подробных и исчерпывающих проектов, подобно французскому меморандуму. Они ограничились лишь отдельными предложениями, которые были изложены в речах их главных делегатов.

Наиболее важным из предложений Великобритании, выдвинутых в речи ее министра иностранных дел Саймона (8 февраля), были: 1) принятие за основу для обсуждения проекта, выработанного подготовительной комиссией. 2) Установление цифровых лимитов для контингентов войск, причем однако Великобритания не склонна принять принципы одинакового для всех пропорционального сокращения. 3) Полное упразднение подводных лодок. 4) Сохранение в неприкосновенности Лондонского морского договора до 1936 г.[1]. Хотя по внешности эта программа весьма умеренна, тем не менее она направлена против интересов других империалистических держав, ограждая в то же время военные интересы Великобритании. Сокращение контингентов сухопутных войск недвусмысленно рекомендуется Лондоном державам, имеющим большие армии, комплектуемые на основе воинской повинности, и в первую очередь Франции; Саймон в своем выступлении высказал—правда, в осторожной форме,—пожелание об ограничении обученных резервов, учитывая впрочем его неприемлемость для Франции и других держав. Предложение об упразднении подводных лодок прямо направлено против французского подводного флота, рассматриваемого Лондоном как внушительная потенциальная угроза. Неприемлемость этого предложения для ряда стран во главе с Францией и Японией совершенно очевидна. «Неприкосновенность» Лондонского договора означала бы еще некоторую передышку для Англии в ее морском соперничестве с САСШ и возможность отстоять до 1936 г свое морское первенство от дальнейших покушений «кузенов за океаном». Саймон заявил также о готовности Великобритании пойти на сокращение предельных размеров и калибра пушек судов, могущих быть построенными в будущем. Мы уже имели случай отмечать соответствие этого предложения морским интересам Англии и вместе с тем полную неприемлемость его для САСШ[2]. Таким образом британские предложения, несмотря на их сугубо «дипломатическую» и завуалированную форму, все же достаточно ясно выявляют как англо-французские, так и англо-американские противоречия.

* * *

Важнейшие из девяти пунктов американской программы, представленной конференции американским делегатом Гибсоном, сводятся к следующему: 1) принятие за основу проекта конвенции, выработанного подготовительной комиссией, причем однако отмечается желательность «дополнений» к этому проекту; 2) продление Вашингтонского и Лондонского договоров и завершение Лондонского договора присоединением к нему Франции и Италии; 3) пропорциональное сокращение цифр морского тоннажа, установленных этими договорами после вышеуказанного присоединения; 4) полное упразднение подводных лодок; 5) исчисление вооруженных сил на основе контингентов, необходимых для поддержания внутреннего порядка, с прибавлением некоторых контингентов для обо-

---

[1] Мы опускаем здесь требование о запрещении химической и бактериологической войны. Это «гуманитарное» требование фигурировало в выступлениях почти всех делегатов на конференции, однако как показывает опыт, всякая «гуманизация» войны оказывается на практике чистейшей утопией.

[2] См. статью «Конференция по разоружению и морские вооружения империалистических держав», «Известия» от 25 января 1932 г.

роны (первые не могут быть сокращены, вторые являются относительными); 6) специальные ограничения для танков и передвижных тяжелых орудий, поскольку они являются оружием «наступательного характера». Если пункты американской програмы, относящиеся к сокращению сухопутных вооружений и к упразднению подводных лодок направлены в первую очередь против Франции и Японии и вместе с тем совпадают с британской программой, то пункт третий,—предусматривающий эвентуальное сокращение норм тоннажа, установленных Лондонским морским договором,—явно направлен против Англии. Он рассчитан на дальнейший подрыв морских позиций этой последней и на то, чтобы дать возможность САСШ ускорить фактическое осуществление «паритета» между обоими флотами (военное судостроение САСШ после Лондонского морского договора в силу ряда специфических затруднений подвигается сравнительно медленно).

* * *

Германский рейхсканцлер Брюнинг в своем выступлении 19 февраля воздержался от каких-либо специфических предложений. Однако он категорически подчеркнул необходимость устранения сусуществующего неравенства в вооружениях и тем самым лишний раз продемонстрировал непримиримость франко-германских противоречий, выдвинув тезис, диаметрально противоположный тому, который определяет собой позицию, французского империализма[1].

● ● ●

Итальянский министр иностранных дел Гранди также отметил (в своей речи 10 февраля), и притом более открыто и резко, чем германский рейхсканцлер, необходимость равноправия государств в области вооружений и уравнения последних на основе по возможности низких лимитов. Этот тезис соответствует политике Италии и ее интересам, в частности стремлению добиться паритета с Францией по возможности дешевой ценой. Из отдельных видов вооружений Гранди рекомендовал упразднение линкоров, авионосцев и подводных лодок, а также тяжелой артиллерии и бомбардировочной авиации. В связи с этим отметим, что во всех перечисленных видах вооружений, за исключением бомбардировочной авиации, Италия значительно слабее своей могущественной соседки и соперницы. В частности все линкоры итальянского флота в настоящее время переведены в резерв, а авионосцев Италия совершенно не имеет; ее подводный флот, несмотря на огромные усилия итальянских верфей, все еще значительно уступает количественно французскому подводному флоту.

В еще большей степени это относится к тяжелой артиллерии и танкам. Что касается бомбардировочной авиации, то хотя Италия и сможет наносить сокрушительные удары своему противнику, но тем не менее ее собственное положение делает ее чрезвычайно уязвимой для воздушных налетов. Отсюда ее заинтересованность в упразднении указанных видов вооружений.

* * *

Выступление японского делегата Мацудейры (10 февраля) выявило полную солидарность позиции Японии с позицией Франции. Важнейшие пункты, выдвинутые японским делегатом, следующие: 1) необходимость принятия в расчет специальных географических и иных условий каждого государства и требований безопасности—в качестве предпосылки для «справедливого» ограничения вооружений; 2) принятие конференцией за основу проекта, выработанного подготовительной комиссией; 3) сокращение предельных размеров и калибра пушек линкоров; 4) сокращение тоннажа авионосцев и воспрещение постройки крейсеров с палубами для аэропланов; 5) регулирование подводной войны посредством присоединения держав к лондонской декларации (о «гуманизации» действий подводных лодок против торговых судов).

Нетрудно видеть, что Япония солидаризуется с Францией главным образом на почве совместного отказа от упразднения подводных лодок (как это уже ранее имело место на лондонской морской конференции, где вследствие сопротивления Франции и Японии упразднение подводных лодок было заменено ничего не значащим фарсом «гуманизации» употребления этих судов). Этот последний пункт является недвусмысленным отпором требованиям Англии и САСШ. Пункты же, относящиеся к сокращению тоннажа и калибра пушек линкоров и

[1] Предложения, внесенные на конференцию 18 февраля германским делегатом Надольным, являются конкретизацией основного германского тезиса об установлении «равноправия» в вооружениях.

авионосцев и к запрещению палуб для самолетов на крейсерах, не противоречат морской политике Англии, но явно направлены против САСШ. Последние неизменно противятся сокращению предельных размеров судов различных категорий, а новейшие американские морские программы предусматривают постройку крейсеров с палубами для самолетов как судов, наиболее приспособленных к морским нуждам САСШ.

Таким образом все «разоружительные» проекты различных империалистических держав, представленных в Женеве, являются не чем иным, как отражением военных интересов каждой из них и существующих между ними противоречий и соперничества в области вооружений.

Л. Иванов

Баланс «разоружения»

(«Правда» 27 марта 1932 г.)

Первый тур конференции «по разоружению» закончился, к общему удовольствию империалистических держав, ничем. Полтора месяца продолжалась в Женеве двоякого рода «работа»: представители империалистов, их агентов, дипломаты, журналисты, попы немало потрудились за это время для того, чтобы, во-первых, придать конференции внешний облик достаточно благочестивый, а главное—заслуживающий доверия масс, а во-вторых, заранее предопределить безрезультатность всего женевского предприятия. Сейчас, после первого тура конференции, можно сказать, что эта задача, в особенности ее вторая часть, выполнена поистине блестяще.

Полтора месяца происходили прения, обсуждения, переговоры. И замечательно—никакого результата в деле разоружения. Даже в истории империализма трудно сыскать подобный образец такого квалифицированного саботажа, каким является деятельность империалистических «миротворцев».

Заслуживает внимания самая механика саботажа. В Женеве уже выработалась в течение долгих лет своеобразная, весьма разветвленная система затягивания решения наиболее острых вопросов международной политики и международных отношений. Лига наций, кроме всего прочего, является поистине крупнейшей международной школой бюрократического саботажа. И это проистекает конечно не от недостатка ее аппарата, а является его основной функцией, как только дело доходит до решения таких проблем, которые в той или другой степени затрагивают интересы империалистических держав.

После того как все представленные на конференции империалистические державы высказались устами своих делегатов «за скорейшее решение вопроса о разоружении», конференция принимает за основу проект подготовительной комиссии, который уже получил соответствующую оценку в нашей печати. Но, приняв даже этот проект, конференция тем не менее не утвердила какой-либо определенный метод разоружения. Вопрос остался, как говорят в Женеве, «открытым». После полуторамесячной работы конференция так и не пожелала установить, с чего начать: с существующего уровня вооружений, с бюджета или с другого какого-нибудь конца.

Правда, за последние несколько дней выяснилось, какой «метод» империалисты стремятся положить в основу разоружения. Этот метод может быть назван: сокращение несуществующих вооружений! Английские газеты не без основания указывают, что в таблицах, характеризующих вооруженные силы империалистических стран, представленных в Лигу наций, допущены «некоторые» неточности. Заключаются они в том, что «количественные показатели» вооружений империалистов в некоторых случаях преувеличены. Попутно нужно сказать, что «истинные», «точные» цифры, которые приводят при этом английские газеты, не заслуживают большого доверия. Но все же остается факт, который нельзя опровергнуть: империалистические державы представили конференции по некоторым отраслям явно дутые цифры с тем, чтобы суметь сделать «разоружительный» жест в тот момент, когда это потребуется, не обязывая

вместе с тем себя действительным снижением уровня вооруженных сил.

Такой метод фальсификации действительности вполне соответствует как «добропорядочности» Лиги наций в целом, так и всему поведению империалистов на женевской конференции. Этот метод является лишь разновидностью обычной тактики империалистов, заключающейся в сознательном замалчивании действительного состояния вооруженных сил, их преуменьшении или преувеличении сообразно требованиям момента.

Не установив никакого метода сокращения вооружений, отвергнув проект советской делегации о всеобщем и полном разоружении, империалисты вместе с тем сочли нужным создать специальную комиссию, которой поручено разработать вопрос, непосредственно связанный с дальнейшим ростом вооруженных сил. Мы имеем в виду создание политической комиссии, которая должна заняться разработкой проблем безопасности на основе «ощущения безопасности» каждого империалистического государства!

Если этот термин перевести на человеческий язык, то это будет означать, что работа конференции, не давшая в течение первых полутора месяцев никаких результатов для разоружения, получает другое направление—в данном случае уже и формально, — а именно: составление списка необходимых каждому империалистическому государству вооруженных сил! Критерием при этом является, естественно, стремление империалистов к дальнейшему увеличению своих вооруженных сил, прямо вытекающее из продолжающих обостряться противоречий между ними.

Таким образом вся положительная работа конференции в сущности свелась к тому, что отныне империалисты при разработке своих программ дальнейших вооружений сумеют сослаться на такую авторитетную организацию, как конференция по «разоружению», сумеют прикрыть бешеные темпы своих вооружений соответствующими решениями, принятыми в Женеве.

Таков действительный итог первого тура конференции.

Но попутно империалисты не забывают и о том задании, которое было дано конференции,—отвести внимание трудящихся масс от нарастающей угрозы войны, от войны, которую японский империализм ведет против Китая, от антисоветской интервенции. Для этого на свет божий извлекается проект о... «моральном разоружении».

Уже самый факт появления этого проекта, а тем более постановка его на обсуждение, является в высшей степени характерным для конференции, ее руководителей, вдохновителей и дирижеров. Казалось бы, что общего между так называемым «моральным разоружением» и конференцией, целью которой является обсуждение вопросов материального разоружения? И все же руководство конференции сочло необходимым образовать специальную многочисленную, громоздкую комиссию для детального (и уже наверняка весьма длительного!) обсуждения этого проекта!

Пикантнее всего, что этот «моральный» проект внесен представителем фашистского правительства Польши — Шумляковским. Соответствующие круги, по заданию которых Шумляковский выступал в Женеве, надо думать, прекрасно осведомлены о той безудержной шовинистической травле, которая ведется польской буржуазной печатью против СССР, об откровенной агитации за «расширение на восток и на запад».

Поставив таким образом вопрос о «моральном разоружении» и создав затем комиссию по... гражданской авиации (при всем желании трудно усмотреть в этом какое-либо «разоружительное» начало), конференция объявила свои заседания прерванными до 11 апреля.

Все враги разоружения: империалисты, милитаристы, пушечные короли, порохозаводчики и т. д., могут вздохнуть с облегчением: за первые полтора месяца сама конференция, а главное—ее председатель, олицетворяющий своей персоной международный социал-фашизм, блестяще справились с поставленными перед ними задачами. За это время дело разоружения не только не подвинулось ни на шаг вперед, но оно так основательно запутано, что и предстоящие дальнейшие заседания не могут вызвать опасения у империалистов.

Империалисты тем с большим удовлетворением могут констатировать последнее обстоятельство, что как раз во время работы конференции борьба из-за раздела китайской добычи достигла большой остроты. В это же время во всех

основных империалистических странах утверждались расходы на выполнение программ вооружений на текущий год. Чем больше путали и запутывали вопрос о разоружении в Женеве велеречивые дипломаты, тем легче было империалистам обделывать свои дела в Шанхае и проводить через соответствующие законодательные учреждения военные сметы. Такова внешнеполитическая и внутриполитическая роль Женевы. И эту свою роль она также выполнила превосходно.

За время работ конференции война японского империализма против Китая развернулась достаточно широко. 200-тысячная японская армия, вооруженная до зубов, продолжает оставаться на территории Китая, захватывая все новые и новые районы, истребляя мирных жителей, разрушая города. Шанхай—ворота во Внутренний Китай, крупнейший китайский центр—постигла участь Манчжурии. Японский империализм под прикрытием разговоров в Женеве захватил командные высоты в районе Шанхая. Окончательно оформился отрыв Манчжурии от Китая. Не правда ли, недурной образчик «морального разоружения»? Японский империализм продемонстрировал с предельной ясностью истинный смысл женевского тезиса «ощущения безопасности».

За истекшие полтора месяца основные империалистические государства не только не выказали никакого желания приостановить рост своих вооружений, но продолжают, как ни в чем не бывало, развивать свои вооруженные силы.

Соединенные штаты спешно достраивают 7 крейсеров так называемого «вашингтонского типа» (всего таких крейсеров в САСШ к 1933 г. будет 15), вооруженных 20-сантиметровыми, т. е. восьмидюймовыми пушками, и водоизмещением в 10 тыс. *т* каждый. Неослабным темпом идет перестройка почти всех дредноутов. На последних маневрах в районе Гавайских островов участвовала целая дивизия перестроенных, т. е. по существу вновь построенных дредноутов.

Великобритания, невзирая на финансовые затруднения, всеми силами отстаивает свое место «первой морской державы». Первый лорд адмиралтейства, докладывая на-днях военно-морской бюджет в палате общин, вынужден был, по его словам, «с тяжелым сердцем», оговориться, что на его долю выпала печальная обязанность: испрашивать всего-навсего каких-нибудь 500 млн. руб. золотом на новое военное судостроение. Бюджет предусматривает постройку 8 новых легких крейсеров, свыше 20 эскадронных миноносцев и т. д.

Французский империализм, помимо огромных расходов на сухопутную армию, ассигновал колоссальные суммы на сооружение 4 новых легких крейсеров, нескольких эсминцев, подводных лодок, канонерок, посыльных судов. Но главное,—и это, пожалуй, является самым крупным подарком женевской конференции,—французский бюджет предусматривает сооружение нового дредноута водоизмещением в 26 тыс. *т!* Французская делегация в Женеве получает в свои руки весьма веский аргумент...

От французского империализма не отстает итальянский. От американского не только не отстает, но старается опередить его японский. Расходы на морские вооружения не отстают от воздушных, а последние—от расходов на сухопутные армии. Попутно следует отметить, что именно во время работы конференции по разоружению военная промышленность основных империалистических стран намного увеличила свою продукцию.

Этот краткий перечень является единственным результатом полуторамесячной женевской говорильни. Нет никаких оснований предполагать, что с 11 апреля конференция станет на другой путь. Обострение противоречий между империалистами ясно показывает, в какую сторону направлены и будут направляться взоры женевских «миротворцев» и «разоружителей». Империалисты пытаются преодолеть кризис путем войны, чтобы тем самым также предотвратить неминуемый революционный кризис. «Милитаризация,—писал В. И. Ленин в 1916 г. в статье «О лозунге «разоружения», — проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира,—он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных, и в маленьких».

Эти слова Ленина блестяще подтверждаются всем ходом женевской конференции и исходом первого ее тура.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор З. Леенсон
Техред В. Виноградов
Сдано в производство 16/IV 1932 г.
Подписано в печать 26/IV 1932 г.
Уполн. Главлита В-25372 Партиздат 30 № 300
Формат 72×105/16 10½ п. л. 74240 зн. в п. л. Зак. № 5191

Фабрика книги «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

75 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б)
ПАРТИЗДАТ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

ЯН-ЧЖУ-ЛАЙ

ЯПОНСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ В ШАНХАЕ

Стр. 50, ц. 35 к.
Борьба империалистов за раздел Китая. Международный пролетариат и угроза войны на Дальнем Востоке. Рассчитана на низовой партактив.

М. БАХ

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ I-му МАЯ

Стр. 86, ц. 40 к.
Сопоставление двух систем: капиталистической и социалистической. Угроза интервенции СССР. Наростание революционных предпосылок в странах капитала. Мобилизация мирового пролетариата на защиту СССР.

М. ЛЯС

ВОЙНА ПОД МАСКОЙ РАЗОРУЖЕНИЯ

Стр. 34, ц. 10 к.
Предательская роль буржуазных политиков и социал-фашистов по вопросу «разоружении». Рассчитана на низовой партактив.

В. ЮЛЬСКИЙ

ПОЛЬША — АВАНПОСТ ИНТЕРВЕНЦИИ

Стр. 64, ц. 25 к.
Промышленный, финансовый и аграрный кризис в Польше. Разоружение Польши и подготовка к интервенции СССР. Фашизация Польши и кровавый поход против революционного движения. Пролетариат и компартия Польши в борьбе с опасностью интервенции.

А. БАН

МАРКСОВА ТЕОРИЯ КРИЗИСОВ и СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Стр. 112, ц. 65 к.
Популярное изложение марксовой теории кризисов. Критика буржуазных и социал-фашистских теорий. Современный капиталистический мир в свете марксистско-ленинской теории.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

ВО ВСЕ МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ ПАРТИЗДАТА И КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ОГИЗа.